

ПРОКЛЯТЫЙ

Lana Meijer

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Мейер

Проклятый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40645777

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9768-1

Аннотация

Меня похитили. Я не помню ни своего происхождения, ни родителей, ни того, кем являюсь на самом деле. Остаться здесь – всё равно, что жить в плену у настоящего дьявола. Он – тот, кто не знает пощады. Но... Участь других пленниц меня не постигла, и я оказалась зачем-то нужна жестокому принцу. Я стала важным элементом в его бесконечных играх, наполненных тьмой и искушением. Я хочу сбежать. Но он не позволит. И никогда не отпустит. История в духе "Красавица и Чудовище". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Брэндан	6
Кенна	14
Кенна	28
Кенна	58
Кенна	72
Кенна	80
Кенна	103
Брэндан	117
Кенна	126
Кенна	133
Flashback. От третьего лица	143
Брэндан	153
Кенна	157
Брэндан	171
Кенна	176
Кенна	197
Брэндан	204
Кенна	213
Кенна	218
Брэндан	237
Кенна	242
Кенна	250

Брэндан	257
Кенна	260
Брэндан	271
Кенна	284
Кенна	295
Брэндан	315
Кенна	322
Кенна	337
Брэндан	355
Кенна	362
Брэндан	367
Кенна	372
Брэндан	383
Кенна	388
Брэндан	400
Кенна	411
Брэндан	421
Кенна	430
Кенна	436
ЭПИЛОГ	440
КОНЕЦ	447

Пролог

*Весь мир не в силах сокрушить нас, и только сами мы
изнутри разрушаем себя.(с)*

Маргарет Митчелл. Унесённые ветром

Брэндан

Это все просто кошмарный сон.

Я с силой сжимаю веки в надежде на то, что, когда распахну их вновь, время повернется вспять, и все будет так, как и должно быть.

Как было почти восемнадцать лет, до этого дня.

Все, чему меня учили, все, к чему готовили... Теперь казалось ехидной усмешкой судьбы, миражом какой-то другой жизни, которая больше мне не принадлежала.

Еще вчера я был гордостью. Я был не просто именем. Я был всем для сотен и тысяч людей, которые превозносили меня и в чертах моего лица видели надежду.

Это чувство дарил людям не только я, но и мой брат.

Но в данную секунду мои виски царапала рыхлая земля, на которой я лежал. Именно сейчас я слышал душераздирающий гомон из криков толпы, жаждущей расправы надо мной.

Над своим королем. Над предателем.

Но хуже всего ощущалась невероятная боль, которая окутала всю спину – от самого начала позвонков, до затылка. Агония была дикой – будто мою кожу распороли и воткнули в нутро с дюжину кинжалов. Так глубоко, что металл бы полностью скрылся, оставляя на свету лишь рукоятки, расписанные фамильным гербом.

Я знал, что сколько бы толпа не просила, ударов больше не будет. Пройдет минута, и меня поднимут с земли, закинут в машину, в которой я буду истекать кровью. Я сомневаюсь даже в том, что *там* мне окажут какую-либо помощь.

От этих мыслей вдруг захотелось всхлипнуть, но я немедленно укорил себя за собственную слабость.

Я не такой. Меня не этому учили всю жизнь. Слово "слабый" с рождения отсутствовало в моем словаре.

Во главе моего словарного запаса стояли такие слова как: "Честь. Мужество. Гордость."

На всех пяти языках, которые я знал.

Внезапно, обучение показалось мне такой нелепостью. Какое теперь значение имеют мои знания? Многочисленные языки, музыка, боевые искусства, в которых мне не было равных?

Никакого. Я еще не осознал того, что теперь до конца жизни меня ждут лишь тьма и клеймо предателя. Ну, и, конечно, холод и одиночество в подземельной камере Адинбурга.

Я знал, что прошла всего минута после последнего удара, но, погрязнув в своих собственных размышлениях, ощутил ее как целую вечность.

Боль была настолько сильна, что я уже не пытался встать. Я помню, чем это закончилось в последний раз, и не настолько глуп, чтобы рисковать снова.

– Убить его! Убей его! Смерть лжепринцу! Смерть грязному предателю и убийце! За Бастиана!

За Бастиана. За Бастиана. За Бастиана.

Пространство площади наполнилось вскриками, восхваляющим моего брата.

При мысли о Бастиане мое сердце сжалось от другой боли, которая была гораздо сильнее чем та, что причиняли физически.

Эта боль была глубже – она задевала каждый нейрон моего мозга и перетекала прямо в сердце, заполняя его темнотой.

Я не хотел, чтобы все так вышло.

Мама, Отец, Меридиана. Никто из нас не заслужил смерти.

Этот народ, который сейчас ненавидит меня, не заслужил беспорядков и боли, которые их ждут во власти Парламента.

Семья.

То слово, которое еще совсем недавно имело самое главное значение в моей жизни, вдруг утратило всякий смысл.

Я позволил скупой слезе скатиться по своей щеке, когда окончательно осознал то, что никто из них не выжил. Может быть, только Мэри. *Они же не посмели бы убить ребенка...?*

Еще как посмели бы. Они бы перерезали ей горло в два счета, если бы хоть на миг увидели ее невинное детское личико.

Перед глазами замелькала Мэри – по пухлым щекам стекают горячие слезы; нож, представленный к ее шее, породил на свет небольшие капли крови, вытекающие из вен...

Всего одно движение. На каждом из нас. И весь остаток

нашего рода навсегда истреблен и погружен в подземелья.

Нет. Ее наверняка оставили, для того чтобы бы она служила фарфоровой куклой для всего народа. Игрушкой, которая бы напоминала о том, что в этой стране когда-то существовали Виндзоры.

Ее будут выставлять на телевидении, водить по светским сборищам и одевать в красивые платья. Шептаться за ее спиной и показывать пальцем в затылок, заклиная:

"...Посмотрите. Это все, что осталось от королевской крови. Она – последняя."

А потом, когда она достигнет детородного возраста, убьют и ее. Чтобы она не родила на свет нового наследника.

– Щенок, – грубый голос и стальная хватка на моем плече вывели меня из состояния бессознательного бреда и копания в собственных воспоминаниях и мыслях, – ну, как тебе, понравилось, лжецарский у блюдок?!

Мерзкий запах дыхания палача вызвал во мне приступ рвоты. Его касания были отвратительны. Никто и никогда не прикасался к нам. Не говоря уже о такой бесцеремонности и неуважении к собственному правителю.

Мужчина, обезображенный железной маской, которая полностью скрывала его лицо, не могла утаить красноту в его бездушных глазах. Еще неделю назад я мог отдать приказ, который навсегда бы отделил его голову от тела.

– Я убью тебя, – прошипел я сквозь сжатые зубы. – Никто не смеет так разговаривать со мной. Никто не смеет так

обращаться... *С королем*, – последнее слово едва вырвалось из моих легких. В данной обстановке протеста мой писк о собственной крови выглядел теперь бессмысленным.

И палача это только позабавило.

– *Король*, – вслух фыркнул он, давая мне подзатыльник. Толпа одобрительно загудела, мечтая о том, чтобы шоу продолжилось. Я же нашел в себе силы открыть глаза шире и посмотреть в лица этих потерянных, заблудших душ, которые оказались пешками в руках нашего государства.

Я бы хотел их ненавидеть.

Хотел ненавидеть за то, что восемнадцать лет они улыбались мне и восхваляли меня, а теперь с такой страстью требовали моего позора. Они желали, чтобы палач убил меня.

Но я чувствовал только любовь. Безграничную любовь к своему народу.

Именно этому меня учила мать.

Это все, что у меня осталось от моей семьи, – знания. Моральные принципы, которые живут во мне и просятся наружу.

Они хотят уничтожить их во мне. Все до единого. В глубине души я понимал, что лучше умереть, чем отправиться в Адинбург.

И именно поэтому они приготовили мне именно такую участь. Навсегда окрестили клеймом позора, заковали в цепи и отправили в Чистилище.

– С этого дня ты – жалкий червяк, отмеченный ненави-

стью всего народа. Ты заслужил это, – тихо прошептал мне на ухо палач, в который раз одаривая меня своим мерзким запахом. Под четкие и громкие удары барабана он вел меня к машине, держа за волосы на макушке.

Люди кричали.

Они ненавидели меня.

Мои босые ноги врезались в камни на земле, но, вместо того чтобы завывать от боли, которая разрывала мою душу, я собрал все свои последние силы и высоко поднял подбородок.

Мои плечи автоматически расправились, в легкие поступили долгожданные волны кислорода, которым я в последний раз наслаждался с такой жадностью.

Солнце выглянуло после дождя – всего лишь на мгновение. Оно прощалось со мной. В темнице оно вряд ли будет меня радовать. Оно и так частенько обходит эту часть света стороной.

Недовольный шепот сообщал мне о том, что люди были не удовлетворены. Они не хотели, чтобы я вел себя так, как и прежде. Как будто до сих пор был наследником.

Я им не *был*.

Я и *есть* наследник.

Я окинул всех, кого мог, таким взглядом, который не оставлял им никаких сомнений в этом.

– Ты не смеешь вести себя так, червяк. Ты – не Бастиан, – проревел палач, и толпа повторила его речь за ним. В следу-

ющую секунду я почувствовал, как он пнул меня к колесам машины, и я вновь упал, держа руки за своей спиной – у меня не было другого выбора. Мои запястья оставались закованы в железные цепи весом в несколько тонн.

– Я уничтожу тебя, – выплевываю я, проклиная его и всех их своим обещанием. – Я вернусь. И я заставлю вас всех расплатиться за то, что вы сделали со мной... С моей семьей... С Мэри... – Мой голос сорвался, когда я вспомнил ее ласковый смех. – С Бастианом.

Палач отвесил мне резкую пощечину, которая могла бы снести мне голову.

– Ты не смеешь произносить имя Короля.

Я зарычал, немедленно вставая с колен. Я не мог... Я должен оставаться сильным. Я должен донести до всех правду.

В которой сам толком не мог разобраться.

Бастиан умер сегодня.

– Король – здесь я, – уже тише, будто себе под нос, прошептал я, и это были последние слова, которые сорвались с моих губ. К палачу подоспели люди в форме – офицеры Адинбурга. Острая игла разрежала мою кожу, как нож расплавленное масло. Наркотическое вещество опьянило меня, забирая всю физическую боль без остатка.

Моя спина не болела.

Погибала душа, которая оплакивала восемнадцать лет моей жизни.

Счастливой жизни.

Падая на пол железной клетки, я слышал, как закрывается дверца машины, и понимал только одно:

Прежнего меня больше нет. Впереди меня не ждет ничего кроме мрака, вечной боли и скитаний обезчеловеченной души.

Глава 1

Кенна

Они забрали меня на рассвете.

Моя ночная рубашка, что была на теле в момент их прихода, почти единственное, что у меня осталось.

Я не знаю, сколько прошло часов или дней, но могу сказать с уверенностью, что к месту назначения мы прибыли в темное время суток.

Едва ли я что-то видела в кромешной тьме. Мне было не до того, чтобы разглядывать живописные ночные пейзажи. Все мои силы уходили на то, чтобы орать в тряпку, затыкающую мой рот, и сопротивляться сильным мужским рукам, которые намертво схватили меня за плечи.

Я не знаю, сколько мужчин было точно. Может, пять или семь. И все они говорили о какой-то миссии, за которую получают неплохое вознаграждение и похвалу "его высочества" – как они выразились.

– Может, поиграем с ней, прежде чем кинем в гадюшник? – меня внесли через темную дверь, за которой забрезжил слабенький свет. В мгновение ока я оказалась в узком помещении из кирпичных стен, покрытых плесенью. Обстановка тут же напомнила мне средневековую тюрьму, и лишь современные лампы, украшающие обугленные и грязные стены, говорили о том, что я не переместилась во времени. Что я – это до сих пор я. И нахожусь в нашей реально-

сти – в вполне себе современном мире, который, в последнее время, едва ли можно назвать "миром".

Это, скорее, "земля", состоящая из войны, разрушений и боли, от которой я была изолирована много лет.

Я почти ничего не знала о том, кем на самом деле являюсь.

Жизнь в дали от общества защитила меня от внешнего мира и дала награду – забвение, спокойное существование без боли.

Я знала, что люди в моей стране, как и в других странах Европы, страдают. Солдаты уходят и не возвращаются.

Жены плачут.

Дети остаются без отцов и матерей, погибающих от голода.

Все мы находимся под гнетом страны, которая не дает другим странам Европы существовать в мире и согласии.

– Я бы с удовольствием. Она слишком хорошенькая, чтобы прозябать здесь просто так, ты так не думаешь? – чья-то ладонь опустилась на мою грудь и грубо сжала ее. Взглянув на обидчика, я вновь заверещала в тряпку, мечтая прогрызть ее, а затем вцепиться в его паршивое горло.

– Какие сиськи, – злорадно заметил второй ублюдок, забывшийся мне золотыми зубами, которые украшали его отвратительную улыбку.

– Убери свои руки, дай мне полапать эту лесную нимфу, что так удачно попала в наш капкан. – Из моих глаз брызнули слезы унижения, когда я вновь почувствовала их при-

косновения к своей заледеневшей от ночного воздуха коже.

– Детка замерзла. Мы быстро согреем ее, не так ли? – гогот одного из этих выродков разбивал мои надежды на спасение одну за другой. Я могла только скрестить ноги посильнее и напрячься всем телом – создать своеобразный невидимый кокон, который едва ли защитит меня от их мерзких и вонючих лап.

Но я могла хотя бы попытаться.

– Нмм, нмм! Нмм! Ммм! – Из моих губ вырвались только эти нелепые звуки, когда я закричала и попыталась сказать: "Отвалите от меня, выродки!".

– Она еще и сладко постанывает, вы только посмотрите. Знаешь, сколько мы таких, как ты, поймали, красавица? И сколько из них мы поимели? – мерзость его шепота была сравнима разве что со скольжением змеи по лесной чаще. Все внутри меня сжалось в комок, когда я окончательно осознала, что попалась.

Я абсолютно одна.

В дали от места, которое, как никак, но могла назвать домом.

В дали от человека, который был моим другом и мог бы меня защитить.

– Не рыпайся, детка. Все будет максимально быстро, – еще один шепот одолел меня сзади. За этим злорадным шипением послышался звук разрывающейся ткани.

Нет. Только не это.

Подол моей ночной рубашки был разорван – холод коснулся моих бедер так же, как и шершавые ладони, обхватившие их.

– Нмммммммммммммммммм! – крик отчаянья разорвал мою грудь, и я привела в действие все свое существо: двигала руками и ногами без остановки, понимая, что это только отвлечет их на время, но не остановит этих мразей, присвоивших меня, как собственность.

– Черт, наша нимфочка сухая, – злобно заметил один из них, проводя пальцем меж моих ног. Меня передернуло от отвращения и унижения, когда я осознала действие, которое он только что совершил.

И это были только цветочки.

Для этих мужчин я была никем. Куском плоти, которому было предназначено удовлетворить их потребность.

Но я чувствовала, так же, что и они здесь никто.

Есть что-то, для чего меня они сюда притащили. В это место, о котором я ничегошеньки не знаю.

В место, которое я даже толком не видела.

Шестое чувство мне подсказывало, что это очень-очень далеко от дома. Здесь холоднее, и есть ветер, который буквально перебирает и обволакивает каждую твою косточку.

За пределами узкого коридора, в котором я находилась, шел дождь. Даже не так: то был сильный ливень, еще раз напомнимший мне о жуткой погоде в этом месте.

В моей местности никогда таких не бывало. По большей

части, я наслаждалась солнцем и лазурной водой, ласкающей мои босые ноги. Я жила на берегу моря с прекрасным видом на линию бескрайнего горизонта, за которой пропадали корабли.

Это бы звучало красиво, если бы я не знала о том, что эти корабли отправлялись проливать кровь. За страны, которых скоро не станет.

Это все меня не касалось. До этого дня.

– Сгорите в аду, твари! – мне чудом удалось ослабить на себе тряпку и закричать так сильно, что мой голос эхом отозвался от тесных стен и низких потолков.

– Молчать, потаскуха! – приказал золотозубый, отчаянно натирая меня между ног – я напряглась так, что вены на моей коже вздулись. Я не хотела этого чувствовать.

Не хотела после вспоминать об этом, купаясь в своем позоре.

– Фригидная ты, тварь, – приговаривал он, заставляя меня рыдать еще сильнее. Если бы в моем желудке был бы хоть грамм переваренной пищи, он бы давно вылетел наружу. Но я могла только плевать и захлебываться слезами.

– Мы все равно возьмем тебя. Если придется – извлекаем в дожде. Нимфа... – Звук растёгивающейся ширинки заставил меня заверещать так, будто меня режут.

Меня и вправду резали.

Эти ублюдки медленно разрезали меня на кусочки и посмеивались во время этого процесса.

– Что здесь происходит? Гилберт, ты опять за свое?! Ты же... Вы совсем страх потеряли?! Отпустите ее немедленно! Делайте то, что **ОН** вам приказал. Ваша задача – доставлять девушек в подземелье. Они не для вашего пользования. Кучка недисциплинированных отбросов, которыми нам приходится довольствоваться, пока лучшие служащие на границе. – Спасительная речь прозвучала для меня как музыка. Я не могла поверить в то, что голос, произносивший это, был реален.

Но, спустя мгновения, хватка на мне тут же ослабла. Меня поставили на ноги и повели вглубь по коридору – уже не прикасаясь ко мне похотливо или жадно. Они вели себя как солдаты, выполняющие непреложный приказ.

Чей?!

– Есть, сэр. Я прошу лишь о том, чтобы это осталось между нами, сэр. Такого больше не повторится...

– Это **УЖЕ** повторилось. Это не останется между нами. И, на вашем месте, я бы не стал рассчитывать на помилование. Он не знает пощады. Только не говорите, что забыли об этом...

Он не знает пощады.

Эти слова были сказаны таким тоном, что, на какую-то долю секунды, показались мне хуже группового изнасилования.

– Черт бы тебя подрал, – фыркнул один из моих обидчиков, толкая меня вперед. Постоянно вперед и вперед. Теперь

я молчала, нацепив на свое лицо маску равнодушия.

Гордо задрав голову, я шла вперед, не собираясь больше показывать им своего отчаяния.

Своего страха.

– Добро пожаловать в новый дом, – с злорадной усмешкой сообщил новый для меня голос. На лице его обладателя отразилось искреннее удовольствие, от которого меня передернуло. Еще никогда в своей жизни я не соприкасалась с таким садизмом и неприкрытой человеческой жестокостью.

Да, я знала, что в странах царит война. Но была так далека от этого всего.

Живя на ферме в ужасных условиях, я иногда задумывалась о том, насколько скучна и однотонна моя жизнь. Но также понимала, что многие из тех, кто страдают от постоянных митингов, революций и массовых убийств, мечтают о моих будничных проблемах: вечная скука, постоянный гнет сверстников и бесконечная уборка дома и фермы.

Несмотря на обыденность своих будней... То, что происходит сейчас, – явно не то приключение, о котором я мечтала всю жизнь. В конце концов, я встретила Гаспара. И он был моим главным приключением.

Мои зубы непроизвольно врезались в нижнюю губу при воспоминании об обещании, которое он мне дал:

Я буду защищать тебя, где бы ты ни была.

И где он сейчас? Готова поспорить, он даже не знает о месте, в котором я нахожусь. Я и сама не понимаю, где я.

Тюрьма? Подземный тоннель? И кто такой «он»?

Мне чертовски необходимо знать ответы на все мои вопросы, и если эти ублюдки думают, что я буду молчать, то они ошибаются.

– Какой еще дом? Что это за место? – Мы прошли дальше, углубляясь в самую чашу

темных коридоров. На миг мне показалось, что я услышала истошный женский крик, и оцепенела.

Улыбки на лицах моих сопровождающих стали только шире.

– Какая-нибудь сумасшедшая. Или сопротивляется, – подметил один из них, недвусмысленно

посмотрев на разорванный подол моей рубашки. – Надеюсь, ты не будешь сопротивляться?

– Роб, ты же слышал, что сказал Джейс. Он все *ему* расскажет. Не думаю, что *он* обрадуется...

– Это не его собственность! Это даже не его люди! И ему плевать на этих потасканных девок. Они не для этого здесь. – Я уже жалела о том, что вообще могу слышать этот разговор. Каждое слово, слетавшее с губ этих ублюдков, оставляло за собой вопросы, оставшиеся без надежды на ответы.

– Я так не думаю. От хорошеньких никто не откажется. Эта – хорошенькая, – ласково промурлыкал Золотозубый, вновь толкая меня вперед. Его рука скользнула по моей щеке, оставляя после себя неприятный осадок на коже.

– Тогда будет даже лучше, если мы подготовим ее к худ-

шему, – крики, едва различимые в коридоре, становились громче.

Я не слышала слов, которые произносили девушки. Но точно знала, что некоторые из них не понимаю вовсе – это были слова, сказанные на другом языке.

– Пришли, – один из мужчин в темной форме открыл передо мной старую деревянную дверь с небольшим окном в виде решетки. Чьи-то руки толкнули меня под лопатки, и я оказалась внутри безобразной пещеры. Буквально в сантиметре от ног пробежала крыса, и я подавила крик ужаса, сковавший мои легкие.

Это не может быть правдой.

– Пойдем. Оставляем ее здесь и уходим, – приказал другим один из них. Меня вновь толкнули вперед, почти сбивая с ног. Сжимая зубы, я старалась не произносить больше ни звука.

Я просто мечтала о том, чтобы они ушли. Исчезли. Я лучше буду ночевать с крысами, голодать, не понимать, что происходит, чем выдержу хоть еще одно прикосновение этих ужасных людей.

– Не так быстро, – золотозубый все никак не мог оставить меня в покое, облизываясь, как голодная собака. – Джейса здесь нет. Вы меня прикроете. Я хочу ее.

– Давай, только быстро, – к своему шоку услышала я, немедленно пробежав в самый дальний угол темницы.

– Вы не тронете меня! Не тронете! – закричала я, хватаясь

пальцами за сырые стены. Я поразилась тому, что даже не плакала – страх заглушал все мои эмоции, придавая дикости и сил бороться с этим червем, которого язык не поворачивался назвать человеком.

– Ох, тебя здесь никто не услышит. Я просто хочу тебя подпортить, для твоего же блага. Тебе будет лучше, если ты будешь хуже, чем есть сейчас. Тогда он даже не заметит тебя. Ты затеряешься в толпе. И будешь жить, – с каждым словом он приближался ко мне все ближе и ближе, а я хотела провалиться в стену, которая никак не хотела расходиться за моей спиной.

– Кто такой «он»? Где я нахожусь?! Я хочу знать это! Кто вы, черт возьми, такие?! – Внезапная мысль поразила меня с такой силой, что тут же слетела с губ: – Вы взяли меня в плен?

– А ты сообразительная. Во Франции у вас все такие умницы и красавицы? – пробормотал он вновь, зажимая меня в углу. Только после того, как он произнес эту фразу, я поняла, что он говорил на Французском с акцентом.

Нет, нет... Я действительно далеко от дома.

Холод, туман, ветер, которые высасывали из меня всю душу...

– Я... В Англии? – жалобно пискнула я, перед тем как почувствовать его руки повсюду на своем теле. Они ощущались как щупальца. Как укусы пчел, атакующих одним разом.

– Ммм. Это неважно. Тебе нужно заткнуться, нимфа. И

немного помочь мне... – Тут мужчина облизал свою ладонь, оставляя на пальцах влажный след. Его рука потянулась к моим ногам, задевая внутреннюю поверхность бедер.

Отчаянный крик пронзил мое горло, но обидчик не дал мне пошевелиться.

Я не привыкла... Защищаться. Мне никогда и ничего не угрожало.

А теперь его пальцы стремительно пробирались к самому интимному месту на моем теле, и все внутри меня протестовало, отталкивало его и молило о спасении.

Гаспар врал со своим наглым обещанием защищать меня. Они все мне лгали...

Собственная жизнь посмеялась надо мной дважды: первый раз – это когда я потеряла память, будучи маленькой. Я просто проснулась недалеко от фермы – там, где теперь и жила. Решив, что я откуда-то неподалеку, моих родителей пытались найти в соседней деревушке, но так и не обнаружили. Так я и осталась жить там – с людьми, которые обращались со мной как со служанкой. Так они обращались со всеми детьми, которые проживали на ферме – приемными детьми.

Второй раз – сейчас. Приключения, о которых я мечтала, читала в книгах или воображала себе по вечерам, провожая закаты. Я мечтала о них даже после того, как в моей жизни появился Гаспар – гвардеец Франции. Высокий, мужественный и невероятно красивый. По описанию он идеально под-

ходил на мужчину, которого я так долго ждала, и все же... Внешности и красивых речей мне оказалось мало.

Мне было мало его заботы и взгляда, который всем своим видом кричал о том, что парень любит меня больше всего на свете.

Мне нужно было нечто большее. Какой-то знак свыше, и эта немая дрожь от сердца, переходящая во все тело.

– Гас... – тихо прошептала я, думая только о том, как уютно было в его объятиях. Я не была девственницей. Но быть использованной этим выродком?! Или каким—либо другим... Ни за что.

– Кто это? Твой дружок, красавица? Я буду гораздо лучше него...

Я приготовилась к атаке его пальцев, рук и губ на моем теле. Мне нужно защищаться... Мне нужно...

– Что я тебе сказал?! – Рев раздался позади Золотозубого. Немедля ни секунды, мужчина, которого я уже раньше видела в коридоре, спас меня от издевательств насильника. Я даже не встретила с ним взглядами – казалось, я не вызываю у него ни капли интереса. Его больше заботил этот подонок и то, что он ослушался чьего-то приказа.

– Ты сгниешь в Адинбурге за то, что ослушался дважды, – просто сказал он, доставая из-за полов своего костюма наручники.

– Нет! НЕТ! Нет... Простите, сэр... Это была ошибка... Всего лишь один раз... ОН простит меня! Простит! – шептал

Золотозубый, пока я пыталась отдышаться. Наблюдать за его жалкой мольбой было одно удовольствие.

Я даже не поверила в то, что могу так упиваться чьим—то несчастьем. Но после того, что они все со мной сделали, я хотела, чтобы они все отправились в Адинбург. Пускай, я не имела понятия о том, что значит это слово. Судя по тону голоса главного, это очень—очень нехорошее место. Тюрьма...?

Но если я нахожусь в этой ужасной тюрьме, неужели есть что-то еще хуже?

— *Он не знает пощады,* — снова повторил Джейс, хватая Золотозубого. Эффектно ударив его по голове, он вывел мужчину из моей коморки, захлопнув за собой дверь.

Звук закрывающегося замка расколол мое сердце на части.

Я ринулась к окошку, отчаянно хватаясь за холодные ржавые решетки.

— Нет, — только и слетело с моих губ. Я все еще не понимала, почему во мне нет ни слезинки. На крики не хватало никаких сил.

Со стороны выглядело так, будто я очень хорошо переживаю свое похищение. Я не выглядела раздавленной, напуганной, умоляющей о спасении жертвой.

Но только потому, что внутри была настолько сломлена, что у меня не оставалось сил что-либо делать.

И я была сломлена уже очень давно.

Они просто меня... Добили.

Глава 2

Кенна

Дни тянулись очень медленно, превращаясь в целую вечность. Меня развлекали лишь звуки одиноких капель воды, спадающих на пол с сырого потолка. К изредка пробежавшим у моих ног крысам я привыкла, а вот к солнцу, что иногда стучалось в небольшое окошко над моей головой, нет.

Никогда не думала, что можно скучать по солнцу. По свежему воздуху и влажной траве, по которой я так любила бегать босиком.

Редкие, едва-заметные лучики издевались надо мной, будто намекая на то, что я где-то близко к поверхности. Свобода совсем рядом, и до нее, казалось бы, можно дотянуться рукой... Но нет.

Все мои попытки выяснить где я, и зачем здесь были безуспешны.

Со мной обращались как со скотиной, которую растили на убой... Три раза в день мне приносили огромную тарелку непонятного содержимого и стакан воды.

И каждый раз я делала то, что должна была.

– Ешь, – это был один из людей в черной форме – его я не заметила во время похищения.

Отличительные знаки на форме этих людей помогли мне догадаться о том, что они были чем-то вроде армии или полиции. Или, на крайний случай, сектантами. Кто знает, чем

они тут занимаются, если поклоняются тому, кто «не знает пощады» и коллекционируют молодых девушек, лишая их семьи, теплого дома и нормальной жизни.

Правда была в том, что у меня никогда не было нормальной жизни. Я вообще не знала, кем являюсь на самом деле. Мою жизнь придумали за меня, и не было ни единой ниточки, которая связывала бы меня с прошлым...

– Я сказал: ешь, – снова приказал мне молодой человек с пустым выражением лица – то было лицо солдата, безоговорочно выполняющего приказы своего правителя.

Я подняла глаза на своего собеседника и, поправив рукой спутанные невымытые волосы, резко выдохнула:

– Я не собираюсь есть из этой грязной миски. В этом мерзком подzemелье.

– Ты умрешь, если не будешь есть. Или хотя бы пить, – офицер буквально ткнул меня носом в блюдо. Резкий запах переваренного гороха с рыбой вызвал во мне лишь отвращение, как и все вокруг.

Первые дни я действительно хотела есть. Теперь же, привыкнув к голоду, хотела лишь одного – воды.

– Разве вы не этого добиваетесь? – огрызнулась я, ударив рукой по тарелке. Ее содержимое тут же растеклось у наших ног, и офицер, чье лицо усыпано мелкими царапинами, был явно недоволен моим поведением.

– Видимо, к тебе нужно послать Гилберта. Может, его ласка поможет тебе поесть... Или, хотя бы, попить воды.

– Какое тебе дело до моего приема пищи?! – снова огрызнулась я, пиная босыми ногами тарелку.

Прокатившись, она с шумом ударилась о стену – мое беспардонное поведение бесило офицера все больше и больше.

– Ты нужна нам живой. Ему – живой. Он не убивает просто так... Хотя, я сомневаюсь в том, что именно ты ему годишься. – Ответы, которые давали мне эти люди, не приносили мне облегчения.

Наоборот – с каждым разом я осознавала: я здесь навсегда.

Не на пару дней, как я предполагала, а на всю жизнь. Меня похитили... Возможно, чтобы проводить жуткие эксперименты или что-то гораздо хуже.

Даже когда я поняла это, мне все равно удавалось сохранить лицо – железную маску, которую я с гордостью носила.

Никаких слез и криков, которые постоянно слышались в отдалённых частях коридора.

Я не собиралась забиваться в угол и давить на их жалость – я буду бороться за освобождение и свою жизнь любимыми методами, которые только придут в мою голову.

Офицер ушел, забрав с собой воду и напоследок бросив: «Либо ты пьешь и ешь при мне, либо не пьешь вообще».

– Катись к черту, – выругалась я, вцепившись в собственные волосы.

Единственная роскошь, которую я могла себе позволить, – это сон. Хм... И туалет, который здесь был предусмотрен,

но мало напоминал даже наш жуткий туалет на ферме без всяких удобств. Что ж, спасибо и на этом.

Меня не мучали страшные сны, каждая прожитая минута превратилась в один сплошной и нереальный кошмар.

Уже через несколько дней я осталась совершенно без сил. Вода была мне необходима.

Оглянувшись по сторонам, я убедилась, что никого нет и встала под тем местом, где вода протекала через потолок, и просто открыла рот.

Редкие, но свежие капли чистой воды скатились по моим губам, одаривая восхитительным чувством.

Это был первый раз, когда моя нижняя губа задрожала за несколько секунд до слез, которые мне удалось сдержать глубоко внутри.

Гордость. Это все, что у меня здесь осталось.

Слабость была настолько сильна, что через какое-то время я вообще перестала двигаться. Перестала задавать вопросы. Я просто сидела в углу своей пещеры, в провонявшей и прогнившей от сырости сорочке.

Мне было стыдно смотреть на собственную кожу – даже присматриваться не приходилось для того, чтобы обнаружить на себе скатавшиеся комки грязи и пота.

Я была отвратительна.

Так и погибну здесь.

Гас бы, наверное, даже не посмотрел в мою сторону, если бы увидел в таком состоянии.

Я вздрогнула, когда дверь резко распахнулась. На пороге я с ужасом обнаружила своего старого знакомого – Золотозубого.

Моего личного палача. Внезапно мне захотелось есть и пить – я бы с радостью приняла из рук того офицера что угодно, лишь бы вновь не видеть эту страшную рожу.

Очевидно, Джейсон не применил серьезных мер по устранению этого мужчины. Или этот загадочный «он» все же пощадил его.

Я заранее возненавидела главаря этой секты.

– Моя упрямая нимфа. Плохо выглядишь, – подметил Золотозубый, поставив ведро на пол рядом со мной. В его руках я заметила полотенце и мочалку. Тут даже моя гордость надломилась – я хотела этой воды, хотела помыться. Я хотела снова хоть на день почувствовать себя человеком.

Каждая клеточка на моем теле зачесалась от предвкушения – я собиралась принять эту возможность.

Для того чтобы держаться дальше, мне нужны хоть какие-то силы.

Я молча посмотрела на Золотозубого – куда-то сквозь него, стараясь придать своему лицу Равнодушие.

– Говорят, ты не ешь. Не пьешь. Не моешься, – заключил он, наслаждаясь своей небогатой речью. – Я пришел в надежде застать тебя здесь – страшную, неумытую и одинокую. Сломленную. Но даже сейчас я не перестаю желать тебя.

Его пальцы коснулись моей щеки, и я сцепила зубы, что-

бы не завизжать. Каждая секунда нашего соприкосновения отбирала у меня силы.

Теперь я стала в миллионы раз грязнее – и все это после его легкого касания.

Даже ванная не спасет меня от стыда, позора и его грязных лап. Тем не менее, она была мне необходима.

– Я помоюсь. Я готова принять ваш дар. Но только его, – посмотрев на него будто свысока, я вскинула бровь, заметив секундное замешательство на его лице.

Я не знаю, чего он ожидал, но явно не такой реакции. Наверное, он уже рисовал в мыслях картинку о том, что я слишком слаба, чтобы бороться с ним. Рассчитывал на то, что я лежу здесь и поджидаю его с раздвинутыми ногами...

Черт возьми, мне не передать словами, насколько мысль об этом омерзительна!

– Ты весьма странно себя ведешь для пленницы. Смеешь заявлять о своих правах, которых у тебя нет.

Отказываешься от еды и воды. Что ж... Раз ты уже приняла этот дар, я должен сообщить тебе о том, что к нему идет и второй подарок: мыть тебя буду я, красавица.

С этими словами он опустил передо мной и намочил мочалку, набрав в нее побольше воды.

Я хотела сказать что-то в знак протеста и своей защиты, но не успела.

На мою щеку опустился удар, а затем новый удар. Грубая мужская ладонь давала мне пощечину за пощечиной – Золо-

тозубый не мог остановиться, упиваясь картиной того, как моя голова раскачивается из стороны в сторону, а разум не имеет возможности прийти в себя.

– Держи, потаскушка. Я сейчас тебя хорошенько помою. Упрямая красotka, возомнившая о себе невесть что, – из кармана он достал наручники и сцепил мои руки за спиной, в то время как я отходила от его беспощадных ударов.

Давай, Кенна. Кричи. Проси о помощи. Заплачь, в конце концов.

Но я так и не сделала ничего из этого списка.

Вместо этого я набрала в грудь побольше воздуха и выдавила:

– Ты еще пожалеешь об этом, червяк. Если еще хоть пальцем меня тронешь...

– Что ты можешь сделать, пленница? – чертыхнулся он, раздвигая мои ноги.

А потом он начал делать это – водить мочалкой и руками по всему моему телу. Я возвела глаза к потолку и думала только о том, что лучше бы искупалась в реке полной змей, чем находилась здесь.

Слезы стекали где-то внутри – по изнанке моих щек; застревали в обожжённой шок и невысказанными словами гортани; оседали в пустой, лишенной надежд груди; и оставались там, погибая, исчезая, угасая. Мои последние частички света.

Последние признаки того, что я могла хоть что-то чув-

ствовать. Когда-то давно.

Гас всегда обращался со мной нежно, как с фарфоровой куколкой. Иногда меня напрягала его излишняя бережность и равномерность. Я сама не знала почему – просто он слишком сильно проявлял свои чувства.

Все эти его слова, которые мужчины обычно не произносят.

Потоки обещаний, которые не дают.

Ты обещал мне, Гас. Обещал, черт возьми, защищать меня. Тебе не стоило давать обещаний, которые ты не можешь сдержать. Воспоминания о Гасе помогали мне уйти в себя, забыться. Отстраниться от касаний Золотозубого Солдата, который в который раз ослушался чьего-то приказа, приставая ко мне.

Он тщетно пытался проникнуть в меня пальцами, но я не отпускала свое тело ни на секунду: каждая частичка меня была натянута, словно пружина.

– Только не говори мне, что ты девственница, – проворчал он, переходя к моей груди.

Я молча вздернула подбородок, полностью игнорируя его слова и движения.

Я держалась.

Нужно держаться – пожалеть себя еще успею. Потом, когда останусь одна.

– Ну же... Красавица... Успокойся... Иди ко мне, – его губы приблизились к моим, и тут я уже по-настоящему ис-

пугалась. Его зубы, неприятный запах изо рта, неаккуратная щетина, описывающая линию подбородка, вызывали во мне все оттенки отвращения.

– Убирайся. Вон! – закричала я, снова начиная брыкаться. В тот момент, когда его губы зависли в паре сантиметров от моих, меня вновь спасло чудо.

– Ты хоть думаешь своей пустой головой? – Уже знакомый мне голос проверяющего – так я окрестила Джейса, который имел некую власть над всеми солдатами – прервал процедуру мучений, которые приготовил для меня Золотозубый. – Третий раз!

– Сэр, простите, – сразу же заскулил мужчина, когда оказался в руках Джейса. Он пришел не один – позади него стояло еще два человека уже в знакомой мне форме рядовых. Джейс же отличался на их фоне. Он был одет в обычный синий костюм современного кроя – я видела много таких, когда ездила в Париж с Гасом. Мы гуляли по Defense (*прим. район*) и наслаждались зеркальными небоскребами, достающими до облаков. Для Гаса это было обычное дело, но не для меня. На ферме я мало что видела, кроме хозяйства, полей и красоты природы своей страны.

Внезапная тоска по Франции стала слишком сильной.

– Этого больше не повторится, да? Не знаю, зачем нам вообще держать тебя, низший. Это будет решать Он. А сейчас ты должен немедленно оставить пленницу в покое. Раз и навсегда, – отчеканил он, и в глазах Золотозубого я тут же

уловила страх: да, только боялся он вовсе не кары Джейса. Он боялся «его». – Ты меня понял?! – заорал он, оглушив моего обидчика. Впервые за несколько дней моих губ коснулась улыбка.

Как глупо. Ведь это ничего не меняет. Этот Джейс едва ли похож на моего спасителя.

– Понял, сэр. Не говорите...

– Я скажу, – прервал его Джейс и передал его в руки солдат, стоявших за его спиной. Затем он развернулся на каблуках ко мне и, почти не глядя на меня, издал указания:

– Можешь помыться остатками воды. Полотенце есть. Еда будет вечером. Советую тебе поесть, если ты хочешь дожить до завтрашнего утра. По моим подсчетам, ты не ела уже неделю. – Поговорив со мной, словно со стенкой, он так же быстро развернулся, собираясь уходить.

Но с меня было довольно.

– Хватит! Во-первых, немедленно снимите с меня наручники! – в полной тишине закричала я, еле поднимаясь с пола. Мои ноги до сих пор меня не слушались – я слишком много сил вложила в то, чтобы защищаться от этого ублюдка.

Джейсон развернулся на мой голос и несколько мгновений оценивал меня своим пустым взглядом.

Затем он молча подошел и открыл наручники за моей спиной.

– Теперь все, – он вновь собрался уходить, но я решительно положила руку на его плечо, разворачивая его к себе.

– Очень жаль, что приходится применять к вам силу, – гордо заявила я, потирая измученное запястье. – Но я не собираюсь мыться в этом гадюшнике. Есть мерзкий горох и вонючую рыбу! Я не мылась больше недели! Жалкая губка не отмоеет с меня лап этого противного чудовища! Его мерзких касаний... Я требую нормального душа, в противном случае, я вообще не буду мыться. – Я с силой наступила на ни в чем не повинное ведро с водой и опрокинула его на пол. Через секунду мы с Джейсом стояли в луже, а в его взгляде я читала неприкрытое удивление к моей персоне. – И ЕСТЬ ТОЖЕ!

– Что ж...

– Хватит поджимать губы! Нормальный душ. Все, о чем прошу. – Немного помолчав, я выдавила из себя слово, но уже тише. – Пожалуйста. Я хочу смыть каждое его касание.

Что-то во взгляде Джейса говорило мне о том, что он был не просто удивлен. Он был шокирован.

Неужели ни одна из девушек не пыталась по-человечески попросить нормальных условий? Если уж мне суждено прожить всю жизнь в плену, почему хотя бы не попытаться попросить о большем? В конце концов, я ничего не теряю.

Они уже забрали мою жизнь.

Моя память давно ее забрала.

– Сэр, успокоительное? – Один из солдат полез за чем-то в небольшой чемоданчик и достал оттуда что-то вроде укола.

– Нет, – сухо отреагировал Джейс, все еще разглядывая меня. – Душ, так душ.

Он сцепил свою правую руку и мою левую наручниками и взмахом головы приказал мне идти вместе с ним.

– Только у нас ванная.

О да. Это меня ничуть не расстраивает, сэр...

***

По темным подземельям мы шли довольно долго. Идя вдоль по коридору, я замечала редкие проблески солнечного света – все же, я была не под землей, а где-то очень близко к первому этажу.

Мои догадки подтвердились, когда, поднявшись по небольшой лестнице, я оказалась...

В огромном просторном зале.

От красоты и роскоши этого места у меня закружилась голова. Яркий свет огромной люстры под потолком, украшенной сотнями маленьких хрустальных капель, ослеплял. Потолки были высокие, подпертые мраморными колоннами малахитового цвета. Коридор зала украшала серая дорожка из бархатной ткани, а стены были заставлены старинными зеркалами, подсвечниками и картинами с изображениями нереальных пейзажей.

Я с трудом призналась себе в том, что нахожусь во дворце.

Видимо, я попала в плен к очень богатым людям. Чем они занимаются? Я даже представить себе не могла те суммы, на которые можно отстроить себе такой особняк. А ведь это всего лишь коридор, который вел из темницы.

Все это время Джейсон молчал. А я старалась не глядеть

в зеркала. И все же, избежать контакта с самой собой мне не удалось.

Как только я посмотрела на зеркальную гладь, я увидела... Грязную девку с растрепанными волосами.

На моих щеках атели пятна от ударов ублюдка, ночнушка покрылась толстым налетом вонючей плесени.

Синяки под глазами были меньшей из моих бед.

Даже удивительно, как эта мразь хотела меня... Я совершенно не походила на желанную женщину.

Совсем.

– Я хочу новую одежду, – вдруг произнесла я, нарушая нашу тишину. Джейсон глянул на меня, как на умалишенную, и хотел что-то сказать, но тут нас прервал новый шум, доносившийся из соседнего зала, в который вела большая арка без каких-либо дверей.

Чтобы рассмотреть то, что происходит за аркой, мне пришлось упасть. Наши руки были связаны наручниками, поэтому это остановило Джейса, а мне позволило разглядеть происходящее в другом зале, который был еще больше и роскошнее, чем предыдущий.

Он был довольно-таки пустым – многочисленные образцы средневекового оружия застыли на его серокаменных стенах. Под потолком висел неузнаваемый мною герб с изображением льва с крыльями. Его пасть широко раскрывалась на каждом изображении, застывая в немом рыке.

Но все это было ничем, по сравнению с происходящим

в зале. Двое мужчин в белой обтягивающей форме боролись друг с другом, держа в руках шпаги невероятной длины. Рукоятка одной из них была инкрустирована драгоценными камнями – обладатель этой шпаги напирал на противника, не оставляя ему никаких шансов на победу.

Удары их клинков эхом отбивались от стен и заполняли все окружающее нас пространство.

– Чего уставилась? Пошли немедленно, пока он нас не заметил, – приказал мне Джейсон, но я не могла отвести глаз от происходящего.

Я никогда не видела, как люди занимаются фехтованием – только в сериалах или кино, которые смотрела изредка, когда позволяли.

Тут произошло то, чего я не могла предугадать. Обладатель драгоценной рукоятки проткнул живот своего соперника насквозь, и от осознания того, что это все было не просто тренировкой, я вскрикнула, тут же прикрыв рот рукой. Пораженный опустился на колени, хватаясь за свой левый бок, истекающий кровью.

Он был серьезно ранен. Просто так, среди бела дня.

Что здесь, черт возьми, происходит?

– Идиотка, – заключил Джейс, понимая, что они нас заметили. Он тут же закрыл меня своим телом, но это не помешало мне встретиться взглядами с победителем, как только он оглянулся на нас.

Конечно, взглядами напрямую мы не встретились – его

лицо было затянуто серебристой маской, как и тело, запечатанное в белую обтягивающую ткань. Каждый сантиметр его был защищен и сокрыт от глаз.

В то время как я стояла здесь – грязная, в разодранной ночной рубашке, чувствуя себя абсолютно голой под его взглядом, который плавил его маску.

В воздухе застыла атмосфера напряжения – Джейсон тоже чего—то боялся.

Может, этот мужчина в форме и есть тот самый «он»? Судя по тому, как безжалостно он проткнул своего соперника, вполне вероятно.

– Что происходит? – Его голос нарушил всеобщую тишину, а руки в белых перчатках потянулись к собственной маске.

Не знаю почему, но когда он снимал ее с своего лица, я, на мгновение, забыла о дыхании.

Это так странно... Сначала видеть чьи-то поступки и слышать о человеке, а только потом видеть его лицо.

Я представляла себе мужчину преклонных лет. Массивный нос, седые волосы и лицо, покрытое морщинами. Я представляла себе бездушного старика, который посвятил свою жизнь созданию этой секты.

– Что ты здесь делаешь в это время? И ты... Не один? – После этих слов он открыл моему взору свое лицо.

Господи.

Он был очень молод. Может, лет на пять старше меня.

Наши взгляды встретились, и я еле удержалась от того, чтобы не расплавиться под силой его стальных синих глаз, глядевших на меня с пренебрежительным прищуром.

Я прищурила свои в ответ, бросая ему вызов.

Но тут же отвела взгляд – просто не выдержала. Комната закружилась в одночасье, и вот я уже почти вновь упала на пол, еле удерживая свое тело на ногах.

Сделав несколько шагов вперед, он приблизился к нам, позволяя мне разглядеть его ближе. Его поверженный враг тем временем изнывал на полу от боли, и никому до этого не было дела.

– Я жду ответов, – коротко попросил он, но в его голосе чувствовались злость и раздражение.

Высокие скулы сжались в ожидании ответа, губы превратились в тонкую ниточку. Он вздернул свой волевой подбородок и склонил голову набок, все еще ожидая.

Я почти видела темную ауру, окутывающую его тело – и это именно то, чего боялись все, кто находился в этом замке. То, чего боялась я. Страх, который он внушал, исходил не от его внешности и не от черт его лица, которые я не могла назвать ни как иначе, как красивыми и благородными. Несмотря на изъяны на его коже, линию затянувшихся шрамов на шее и еще один под бровью.

Страх рождался во мне в ту минуту, когда я встречалась с холодом его синих глаз.

– Ничего особенного, Ваше Высочество. Вышло неболь-

шое недоразумение.

На мгновение страх сняло как рукой, и я рассмеялась в голос. Ваше Высочество?

Они, действительно, больные сектанты.

– Какое еще недоразумение? – незнакомый мужчина не сводил глаз с меня и Джейсона. На его лице четко и ясно отражалась единственная мысль, наверняка крутившаяся у него в голове: он терпеть не мог «небольшие недоразумения». Он не выносил, когда что-то шло не по его плану, и невыполнения его приказов. И он, уж точно, никогда не видел, чтобы пленниц выводили напрямую в его дом, как это сделали со мной. – *Что. Она. Здесь. Делает?*

Я поразилась бешенству в его взгляде в сочетании со спокойным голосом.

– Гилберт пытался ее изнасиловать. И ему это почти удалось. Ранее, я лучше следил за ними. Простите. – Последнее слово Джейсон сказал с какой-то странной интонацией. Как будто он не привык обращаться к нему на «вы». Взгляд мужчины на Джейсона, на меня и на Гилберта был диаметрально противоположным.

Если на Гилберта он смотрел как на раба, то на Джейсона... Почти как на друга. К моей же внешности он и вовсе потерял всякий интерес, больше любопытствуя моим местоположением.

Еще бы. Сейчас я выглядела так, что сама на себя бы смотреть не стала. Так что на помилование за красивые глаза

можно не рассчитывать.

– Гилберт, – юноша усмехнулся, приподнимая бровь, отмеченную шрамом, – давно пора отрубить тебе руки, если ты не знаешь куда их девать.

– Ваше Высочество... – слезливо пискнул Гилберт, вмиг падая на колени. Его слова повергли меня в шок, и я не могла понять, серьезно Он говорит это или нет.

Судя по его взгляду... Еще как.

– Брэндан, он – твой солдат. А она – никто, – мысленно я поблагодарила Джейсона за то, что теперь могу знать имя этого мерзавца.

Брэндан.

– Мне плевать на честь пленниц. Он ослушался моего приказа. И я уверен, это было не раз. Ты хочешь тоже понести наказание за то, что прикрывал его, или будешь молчать? У меня сотни солдат. Теперь один будет им... Наполовину, – он коротко кивнул, посмотрев в сторону. И тут произошло то, что окончательно отрезвило мой затуманенный разум, который отчаянно надеялся на то, что все события, произошедшие за последнюю неделю, – это всего лишь плод моего воображения. Двое людей, которых я приняла за неживые восковые фигуры, сделали несколько шагов к нам и схватили ненавистного мне офицера.

Все произошло слишком быстро. Я едва успела закрыть глаза, прежде чем просторный зал наполнился мучительными криками Золотозубого.

Я не могу его жалеть.

Я бы кричала сильнее, если бы он добрался до меня по-настоящему.

Но мне больно от осознания того, что я попала в плен к страшным людям. Этот человек, скрывающийся за маской прекрасного с виду мужчины, был настоящим Дьяволом.

Внутри.

– Я надеюсь, ты не заставишь меня искать причины, чтобы сделать это с твоей второй рукой. Или причины для казни. Я жесток, но убивать своих солдат из-за *sordida puella* (лат. «грязная девушка, убогая») не намерен.

Два слова про меня были произнесены не на английском. Этот язык был мне знаком, но я никогда его не учила, поскольку жила во Французской провинции. По движению его губ я прекрасно поняла, что значение этих слов было чем-то нечистым, неприятным.

Меня затрясло, когда я приоткрыла веки, чтобы взглянуть на происходящее. И вновь их сомкнула, увидев на полу основательную лужу крови.

Я не должна плакать.

– А теперь перейдем к тебе, – Брэндан вел себя так, будто каждый день отрубал части тела своим солдатам. С другой стороны, этот человек теперь никогда не прикоснется к женщине, так как он это делал по отношению ко мне.

Во мне бушевали противоречивые чувства.

К моему собственному удивлению, нотки жалости, кото-

рые я испытала к Золотозубому, быстро сменились на чувство облегчения от того, что справедливая участь его все-таки постигла.

Но, с другой стороны, я боялась того, насколько каратель моего обидчика мог быть жесток. И что меня ждет, если я вообще останусь здесь... В живых.

– Она чем-нибудь больна? – задал простой вопрос парень, не глядя в мою сторону. – Куда ты ее повел, почему вывел из подземелья до назначенного времени?

– Я не знаю, – просто ответил Джейсон, явно мучаясь от чувства вины перед этим сумасшедшим главарем секты. То ли я находилась в состоянии аффекта от увиденного, то ли мое терпение просто лопнуло...

Но я не выдержала.

– Ничем я не больна! Вы в своем уме?! Это вы больны здесь. Вы все. В особенности – Вы, – выпалила я, делая шаг вперед. Джейсон тут же потянул свою часть наручников на себя, держа меня в узде.

Брэндан нахмурился, не ожидая от пленницы такой дерзости.

– Ее точно пытались изнасиловать?

– Да, сэр. Она не ела больше недели. После попытки изнасилования она потребовала отвести ее в нормальную ванну.

– С каких пор ты так чувствителен, Джейс? – Вальяжно подойдя к деревянному столу с оружием, Брэндан оставил на нем свою окровавленную шпагу. Только после этого к столу

подошли слуги, чтобы промыть ее, а к раненному доктор, который все это время стоял по стойке смирно. И не обращал внимания на истекающего кровью человека.

Все эти люди так боялись, что не могли сделать и шага без дозволения Брэндана.

– Она здесь для определенных целей. Как и все пленницы. И она первая, кто попросил принять ванну. Приказом это не запрещено. И я решил исполнить ее последнее желание, прежде чем ее молодость пройдет... Сам знаешь где, – лучше бы я этого не слышала.

– Тогда не вижу смысла в том, чтобы тянуть с ее проверкой. Позволь ей помыться, а потом приведи ко мне. – Я хотела сказать что-либо в знак протеста, но Джейсон взглядом попросил меня замолчать.

Все что угодно, только дайте мне принять душ.

– Я бы все равно не стал прикасаться к такой... Грязи, – медленно протянул Брэндан, снова кидая на меня мимолетный, полный льда и неприязни взгляд.

– Т—т... – Джейсон захлопнул мне рот свободной ладонью и вытолкнул из зала в коридор, где я вновь встретила лицом к лицу со своим отражением.

Когда-то я смотрела фильм про то, как жили бедные люди в средневековье. Девушки без защиты семьи или хорошего мужа опускались до рабского труда на швейных фабриках. В итоге, денег на жизнь им все равно не хватало, и они начинали продавать свои волосы.

Зубы.

Заниматься проституцией.

В фильмах отчетливо показывали, что стало с этими девушками, но то были лишь актрисы, которые изменили свою внешность.

И сейчас меня бы взяли на главную роль в таком фильме, если бы я невзначай заявила на порог кастинга.

Но это был не фильм... К сожалению.

Я походила на бледную тень своей прежней версии: впалые щеки, белоснежное от упадка сил лицо. От прежнего образа молодой девушки остались только горящие чернотой глаза и каштановые волосы, которые стали за эту неделю слишком ломкими.

– Лучше молчи и не задавай лишних вопросов, – солдат продолжал вести меня вперед по коридору, пока мы не оказались перед дверью с позолоченными ручками. Я прикусила язык, мечтая только о горячей ванной, и послушно вошла внутрь комнаты, когда дверь передо мной отворилась.

– Охрана будет дежурить у входа. Бежать нет смысла. Через полчаса ты должна стоять у порога.

– А новая одежда? – не удержалась я, разглядывая место, в которое меня привели.

– Рядом с ванной есть полотенца – это все, – он глядел на меня так, будто очень жалел о том, что сжалился надо мной. Всей душой я чувствовала, что сегодняшним же вечером он понесет наказание перед своим Королем за прояв-

ленную мягкость.

Дверь за Джейсом захлопнулась, и я осталась одна в просторной, для ванны, комнате, посреди которой стояла глубокая чаша, в которой мне предстояло мыться.

Я не ожидала, что меня отведут в такое место. Мраморный пол, сделанная из дорогого металла чаша с позолоченным краном. Не теряя времени, я включила воду и облокотилась на ванну, продолжая осматриваться.

Заметив шторы из красного бархата, я с надеждой распахнула их. Но за ними была лишь холодная каменная кладка. Здесь не было окон или другого выхода. С моей стороны глупо было рассчитывать на побег.

Кроме чаши, здесь были зеркало и туалетный столик, заставленный множеством всяких баночек. Понятия не имела, кому они принадлежали. Я не видела здесь ни одной девушки, только слышала их болезненные крики.

Не дав зеркалу больше смеяться надо мной, я резко сдернула с себя ночнушку, провонявшую потом, грязью и дыханием Золотозубого.

Смыть с себя все это. Забыть, где я нахожусь – то, что необходимо мне, как воздух.

Sordida puella.

Я догадывалась, что это значит.

Этот мужчина, за что-то ненавидел всех женщин. Всех людей. Или даже весь мир. А может быть, он и был ненавистью в облиции человека?

Какое бы отвращение я к нему не испытывала, навязчивый образ его лица, притягательных глаз и даже того, как он владеет оружием, не выходил из моей головы.

Окунувшись под воду с головой, я ушла в себя, прислушиваясь к отдаленному звуку вытекающего из крана водопада.

Ванна не могла заменить мне море, на берегу которого я жила.

Доброта Джейсона не могла перечеркнуть жестокость, которая меня ждет, и боль, через которую я уже прошла.

Я провела руками по своей истерзанной коже: за это время я потеряла вес, и кожа, казалось, стала еще блее, чем обычно. На руках просвечивали синие ниточки вен, а гематомы только дополняли весь ужас этой картины.

Гаспару бы это не понравилось. Хотя, конечно, он бы не стал меня разглядывать пристально – наши интимные отношения были редки и всегда происходили при выключенном свете.

Я отдавалась ему ради того, чтобы выразить благодарность. Благодарность за его дружбу, опеку и любовь.

Мысль о том, чтобы он откровенно разглядывал меня без одежды и при свете, смешила меня. Разве это может принести удовольствие?

В этом не было никакого смысла. Мужчины всегда преследуют одну единственную цель – получить удовольствие, покорить вершину, вдоль и поперек изучить непрочитанную книгу.

В этом они одинаковы, как будто их с древних времен штампуют из одного теста. Что Гаспар с его безграничной любовью и благородными намерениями, что Золотозубый с его похотливой одержимостью поймет измученную пленницу.

Но одно я знала точно: после секса мне всегда хотелось провалиться. Исчезнуть. Сделать вид, что этого не было, потому что каждый раз ко мне приходило ощущение того, что все сложилось неправильно.

Я вынырнула из воды и рассмеялась в голос. Я, наверное, окончательно сошла с ума. Нахожусь в плену, не знаю у кого, и, к тому же, далеко от дома, а голова забита такой ерундой.

Брэндан.

Пока я смывала с себя комки застывшей грязи, прикосновения стражи и своего насильника, его имя постоянно крутилось у меня на языке.

Оно было мне очень знакомым. У меня было такое чувство, что я когда-то слышала об этом человеке, но не могла понять, что именно.

Это все моя детская травма – наверняка я упала с небольшой высоты и потеряла память не только о своем детстве, но и приобрела способность вечно все забывать.

Может быть, поэтому я так мало плакала и ничего не принимала близко – когда одни и те же мысли не задерживаются в голове, они не доходят до сердца.

Только после двадцатиминутной ванны я вновь почув-

ствовала себя девушкой. Моя кожа была чиста и распарена, да и вода здесь была мягкой и сотворила со мной чудо. После этого я не могла вновь вернуться в свою грязную сорочку. Но и голой расхаживать по этому дворцу не вариант.

Безумная идея пришла ко мне неожиданно: глянув на красные шторы, я встала на цыпочки и сняла их, чувствуя радость от того, что делаю хоть маленькую, но гадость.

Пускай «Его Высочество» покарает меня за то, что я использую его шторы в личных целях. Я не боюсь этого большого ублюдка.

Разорвав тонкую ткань сверху на две части, я обмотала ее вокруг тела и, перекрестив на груди, завязала на шее. Самодельное платье доставало мне до середины колена и полностью прикрывало худобу и все изгибы. То, что нужно, чтобы чувствовать себя комфортно, когда буду возвращаться в темницу...

И я уже так спокойно об этом думаю.

Закончив вытирать волосы полотенцем, я собралась выходить за дверь, но тут она распахнулась сама.

– Мэри, нам туда нельзя... – услышала обрывок фразы я, прежде чем увидеть двух людей, которые ворвались ко мне без спроса. Между прочим, пять минут назад я была голой.

– Я так соскучилась по тебе, – девушка налетела на одного из офицеров, который ранее стоял за дверью, и поцеловала его в губы, не замечая ничего вокруг.

– Я тоже, но, Меридиана, послушай... Он узнает... Мы

здесь не одни, – он быстро развернул девушку в мою сторону, чтобы она, наконец, меня заметила.

Я сразу поняла, что мы с этой рыжеволосой одного возраста. И она совершенно не походила на пленницу, потому что была облачена в сдержанное, но роскошное платье темно—синего цвета. Оно плотно облегалo ее фигуру, а его воротник и манжеты были украшены драгоценными камнями. На голове она носила ободок, который сверкал серебристыми переливами, не нуждаясь в солнечном свете.

Девушка не была классической красавицей, благодаря веснушкам и натурально—красным волосам, заплетенным в толстую косичку. Но она была из тех девушек, которых хочется постоянно разглядывать.

Мы оценивали друг друга, пока она не перевела взгляд на офицера.

– Что она здесь делает? – Девушка закипела от злости. По ее капризному тону я поняла, что она та, кто имеет большое значение для этих сектантов. – Кто она вообще такая?!

– Ты знаешь, – офицер опустил свои глаза вниз и прокашлялся. Я ненавидела, когда в моем присутствии обо мне говорят так, будто меня здесь нет.

– Пленница? В замке? – взвизгнула Меридиана и снова с ужасом посмотрела на меня. – Быть этого не может. Боже... Что на ней надето...

Девушка ядовито улыбнулась, но от своего избранника отпрянула, понимая, что все происходит не так, как обычно.

Судя по всему, у них были какие-то отношения, о которых никто не должен знать.

– Сейчас придет Джейсон... – В замешательстве пробор-мотал офицер, расправляя плечи.

– Я уже здесь. Что происходит? – Голос Джейсона и его шаги заполнили ванную комнату. Он, явно, был не доволен тем, что видит. – Меридиана, это больше не может так продолжаться.

– Ты ничего не видел, Джейсон, – зашипела на него Мэри, упирая руки в бока. – Или ты забыл, как ты должен ко мне обращаться?

– Ты забыла, что я правая рука твоего брата? – съязвил в ответ он и снисходительно глянул на офицера, который все это время молчал, словно воды в рот набрал. Как и я. Событий происходило слишком много, непонимание только нарастало. Но я была никем, чтобы задавать здесь какие-либо вопросы.

– Даниель, я разочарован в тебе. В который раз. Вы оба пойдете со мной прямо сейчас. А если нет, – он выразительно посмотрел на надувшие губы Мэри, – будет хуже. Ты знаешь, что Он может убить его, если узнает о вашей связи.

– У нас нет никакой связи! – воскликнула Меридиана, взмахивая руками. – У тебя нет доказательств, Джейсон! Нет! В моей ванной проблемы с водой, вот и забрела сюда в надежде помыться здесь... Захожу, а тут какая-то голодранка, которая сняла мои шторы! Даниель зашел внутрь, что-

бы объяснить мне, кто она, вот и все. Между нами ничего нет, тебе и моему параноику-брату лишь бы чем-нибудь меня задеть... Брэндан, видимо, соскучился по убийствам! Так пусть идет! Вперед. Пусть сам идет воевать. А еще лучше – назад в Адинбург, потому что я больше не желаю знать его таким, каким он оттуда вернулся!

И тут она разрыдалась, пряча свое лицо в ладонях. В глаза мне тут же бросились ее кольца и идеально ухоженные руки.

На ферме она бы и дня не выдержала.

– Твои истерики здесь ни к чему, Мэри. Не при... Убогой, – Джейс взял меня за руку, чтобы вновь заковать в наручники.

– Она говорит правду, – вдруг, сама от себя не ожидая, твердо произнесла я. – Мне незачем ее покрывать. После того, что со мной сделал Золотозубый, я бы всех офицеров собственноручно перестреляла. Но он – ни в чем не виноват. По крайней мере, сейчас эта девушка говорит правду.

Все замерли, посмотрев на меня так, будто я была окаменевшей статуей, которая вдруг научилась разговаривать.

Не знаю, кто меня дергал за язык, и почему мне захотелось помочь этой капризной девице, но сказанных слов не вернешь.

– Это правда? – пристально посмотрел на меня Джейс, закрывая руки под замок, сцепляя со своей рукой.

– Да, – я кивнула, ни разу не моргнув. Мой взгляд был настолько прямым и открытым, что даже я не сомневалась в

своей выдуманной правде.

– Хм, – Джейс нахмурился и кивнул офицеру, который тут же вышел из комнаты. Затем он глянул на Мэри и отчеканил: – Будь осторожна, Мэри. Если он узнает...

– Того, чего вы все боитесь, не случится, – она тяжело вздохнула, расправляя складки на своем платье. На меня она так и не взглянула.

Никакого, ни малейшего взгляда с капелькой благодарности в ответ.

Абсолютно ничего.

– Я погуляю с подругами. Вы все меня достали. Все! – с свойственной ей истеричностью заявила она и покинула комнату.

Джейсон дернул меня за собой, заставив перебирать ватные ноги. Несмотря на то, что за последний час мой мир в который раз перевернулся с ног на голову, я сохраняла хладнокровие и стойкость, готовясь встретиться с «его Высочеством» вновь.

Глава 3

Кенна

В сопровождении нового отряда стражи мы пробрались в самые глубины особняка. Я не могла определить размеры помещения изнутри, поэтому не знала, уместно ли здесь будет слово «замок». Сколько членов в этой дурацкой секте, и от куда у них деньги на такую роскошь? В моей стране царят голод и разруха, пока англичане спокойно спят на шелковых подушках.

Через несколько минут скитания по коридорам я оказалась в новом для себя зале. Я бы назвала это гостевой комнатой – несмотря на стены, украшенные старинными картинами, здесь царила полностью другая атмосфера, в отличие от других частей дома.

Кожаный диван, мягкие подушки, журнальный столик со стопкой неизвестных мне книг и журналов. Из колонок, стоявших рядом с огромным плазменным телевизором, доносила негромкая музыка.

Здесь я чувствовала себя спокойней – сразу ощущала себя в цивилизации и современном мире, хотя, эта иллюзия была обманчивой.

Потому что я знала, что там, в подземельях, скрывают десятки женщин и девушек, которые были ни в чем не повинны. И только небо знает, что, черт возьми, со всеми нами хотят здесь сделать.

Я проглотила комок из страха застрявший в горле. Жертвоприношения? пытки? Продать в рабство? Что?!

Мой взгляд сразу врезался в его затылок, как только я вошла в комнату.

– Ваше Высочество, – окликнул Джейс, приказывая охране остаться за дверью, – я привел к вам пленницу.

Брэндан встал, медленно разворачиваясь ко мне лицом. В другой одежде он выглядел иначе, но не менее угрожающе. Весь в черном – от брюк и ремня до сатиновой приталенной рубашки, которая подчеркивала каждый мускул крепкого поджарого мужского тела. Мои зубы заскользили по собственным губам, пока я пыталась привести нервы в порядок.

Брэндан все еще не смотрел на меня, он только встал у дивана в расслабленную позу, облокотившись на него одной рукой.

Несмотря на это, всем своим видом – широтой прямых плеч, осанкой и надменным взглядом – он будто бы подтверждал свое звание, которым его все здесь окрестили.

У него бы неплохо получилось играть короля, будь он актером...

Гаспар с его красотой не вызывал во мне и половины эмоций, которые появлялись во мне при виде этого... Молодого человека.

Страх. Смятение. Желание убежать. Но и желание узнать. Узнать ответы на все свои вопросы и его тайну.

Я сразу поняла, что здесь произошла серьезная трагедия.

По пути сюда я замечала разрушенные колонны, над которыми трудились рабочие. Многочисленные портреты одних их тех же людей с пустыми взглядами. Все здесь было какое—то неуютное, темное и, если описывать одним словом, будто...

Проклятое.

– Хорошо. Я сам проверю ее. После кинешь ее обратно.

– Не теряйте надежду. – Джейсон кивнул ему, словно мне предназначался уникальный шанс стать его надеждой.

– А теперь, vade. Vade, Джейс. – Я нахмурилась, желая вмазать ему по пафосной роже. Сколько языков он знает, если с поданными говорит на двух, а со мной на моем родном?!

Когда Джейсон покинул комнату, освободив мои руки, мне стало не по себе. Радовало только то, что с момента нашей встречи я помылась и была прилично одета.

Вряд ли штору вокруг талии можно назвать хорошим одеянием, но, по крайней мере, мои бедра не были распутно обнажены.

А потом вновь пришла гнетущая тишина без взглядов. Брэндан как будто избегал меня, а может, задумался, рисуя в голове новую жестокую картинку расправы над невинной девушкой.

Я снова не смогла хранить молчание.

– Я требую ответов. Почему я попала к тебе в дом? Что это за место? Я... Обычная девушка. Родилась на ферме и...

– Ложь, – его голос прервал мою речь, как удар клинка. – Ты не родилась на ферме.

Одной рукой Брэндан обхватил свою печатку на мизинце правой руки. Он постоянно крутил ее между пальцами и смотрел на герб, изображенный на кольце.

– Я... Да, не родилась там. Но я самая простая девушка. Если вам что-то нужно – у меня этого нет. Если вы продаете девушек... – Я набрала в легкие воздуха и попросила: – Лучше дайте мне пистолет.

Он поднял на меня свои льдистые глаза, наконец, и я окаменела от страха, сковавшего мой рассудок. Такого тяжелого взгляда я прежде не видела. Взгляда, наполненного грехом, жестокостью и страданиями. Мужчина смотрел на меня не отрываясь, да так, будто видел меня насквозь. Словно ему в миг открылись карта с подробным описанием моей жизни и картинка моих сжавшихся от холода внутренностей.

Хуже стало, когда его взгляд с недоумением и издевкой заскользил по красному бархату, в который я была завернута. Пробежавшись глазами по нему, словно не обнаружив ничего интересного, он уже дольше оглядывал мои оставшиеся голыми плечи и, наконец, поднялся к лицу.

Только бы щеки не стали цвета этой дурацкой шторы.

– Как тебя зовут? – Хрипловатый голос и акцент, с которым он говорил, были очаровательны. Этот парень бы разбивал десятки девичьих сердец, если бы не был ублюдком, психом и садистом.

– Ты у всех своих пленниц спрашиваешь имена?

– Имя. Назови, – грубо выдавил он, глядя на меня непре-

рывно.

– Ария, – на секунду замешкавшись, отозвалась я.

Брэндан резко выдохнул и повернул голову направо, разминая шею. Два быстрых шага, и он оказался рядом со мной, отчеканив жестче:

– Опять ложь. Мне позвать Гилберта? Я знаю, что будет для тебя хуже плена и смерти. Хорошо, что я не отрубил ему то, что может послужить тебе казнью.

Внутри меня слезы посыпались градом, но я сделала все, чтобы сдержать их и сохранить лицо. Не вышло. Предательски посиневшие губы дрожали. В комнате воцарилась вечная мерзлота.

– Мое имя не имеет значения.

Я гордилась собой. Я была очень смелой. Я приготовилась к тому, что Брэндан по щелчку пальцев исполнит свое обещание в жизнь.

– Ты... Чужая. Но другая. *Sordida puella*, – он поморщил нос, словно от меня все еще исходил неприятный запах.

– Вы – сумасшедший садист. – Я хотела его оскорбить, но молодого человека это только рассмешило, хоть и смех этот нес в себе больше угрозы, чем радости.

– Сейчас? Уже нет, – небрежно ответил он, словно не протыкал в моем присутствии человека шпагой длинную в половину моего роста. – Как бы я не хотел к тебе прикасаться, мне придется самому это сделать.

Сделать... Что?

Ответа не пришлось ждать долго – Брэндан схватил меня за и без того раскрасневшиеся запястья и потянул за собой на диван, который стоял позади нас. Беспорядочно кинув меня на подушки, он вдруг схватил мои ноги за лодыжки, заставляя меня потерять собственный разум.

Я не чувствовала испуга. Я чувствовала себя так, будто ниже пояса мое тело онемело от многочисленных мурашек, побежавших по коже ног...

Его хватка была стальной, а взгляд безумным. Одним им он пригвоздил мою спину к спинке дивана так, что я не могла пошевелиться.

Его ладони заскользили по моей голени, быстро и неистово подбираясь к внутренней стороне моих бедер. В два счета он закатал красную ткань до пояса, оставив руки у меня между ног.

Он раздвинул их, заставив меня затрястись от негодования и от... Непонимания. От жара, сковавшего тело.

Выругавшись, Брэндан нахмурился сильнее и, с легкостью повернув меня на бок, обжег взглядом кожу на моих ягодицах. Мысленно я радовалась тому, что умудрилась сохранить белье.

Если в теле, переполненном чувствами, еще существовал мой рассудок.

– *Quod erat demonstrandum* (лат. «Что и требовалось доказать»). – В последний раз проведя ладонью по моему телу, он отпустил меня, резко соединив мои ноги. Он отошел на

два шага назад и схватил себя за волосы.

Тут же одумавшись, он пришел в себя и опустил руки, вновь нацепив безразличную маску.

Но я знала: он злится.

Он просто в гневе.

Моя кожа была опалена – она горела от его прикосновений. То, что он трогал меня без позволения, было дикостью.

Но Брэндан, кажется, совершенно не придавал значения ни мне, ни моему телу, в то время как я отчетливо чувствовала каплю пота, стекавшую по позвоночнику. Она дразнила меня, заставляя содрогнуться от недавнего воспоминания.

Страх завладел мной.

– Ты – еще одна ошибка. И еще смела качать свои права! – В два счета он со всей дури налетел на журнальный столик и перевернул его одним махом. Стекло разлетелось на куски у моих ног, на что он только злорадно улыбнулся.

В который раз за сегодняшний день я видела кровь. На этот раз свою собственную. Осколок врезался мне в лодыжку, но я почти не чувствовала причиненной боли из-за сильно испуга.

Я никогда не видела таких одержимых. Больных. Он походил на неконтролируемого Беса. Брэндан расстегнул пуговицу на шее, делая глубокий вдох.

– В то время как ты не должна даже своего грязного рта раскрывать! – заявил он, пугая меня все больше и больше.

– Грязный рот здесь только у вас, – выпалила я, не обдумав

сказанное. – Ваше Высочество.

Последней фразой я хотела сгладить свои слова, но они прозвучали с такой издевкой, что я сделала только хуже.

Я буквально приставила к своему виску пистолет, а к груди кинжал. И все это – одним словом.

– Что ты сказала? – черт бы побрал этого сумасшедшего, но он подбежал ко мне, ступая прямо на битое стекло. И ни один мускул от боли не дрогнул на его лице. Вены на его лбу вздулись до предела, а скульптурное лицо исказилось гримасой злости, но лишь на мгновение.

Уже в следующую секунду – лишь холод и пустота в его взгляде.

Руки Брэндана на моей талии, которые сжали ее с адовой силой.

– Я могу убить тебя. Раздавить. Ты не понимаешь, с какой легкостью и удовольствием мне это удастся. Я сделаю это, не напрягаясь.

Он приподнял меня над полом, заставив повиснуть в воздухе.

– И ты не представляешь, насколько ты этого заслуживаешь.

Что я, черт возьми, ему сделала?

– Вы самый несчастный человек, которого я когда-либо видела, – выдавила из себя я, подписав себе приговор на казнь. – И самый отвратительный.

– Поверь, грязная девка, ты гораздо хуже меня, – он про-

изнес это с такой ненавистью и таким тоном, что я действительно почувствовала в этом какой-то смысл. – Но даже если это и не так, то своими словами ты сделала мне невероятный комплимент.

Его руки сильнее сжали мою талию, как в тугой корсет. Моя грудь раздулась от переизбытка воздуха, ткань начала не кстати сползать с ключиц и груди прямо перед взором этого Дьявола.

Нет, если он увидит хоть частичку моего тела, я этого точно не вынесу.

Моя нога резко согнулась в колене, и я со всей дури ударила его в солнечное сплетение. Мои приемные братья часто дрались между собой, и я видела, как один из них прибегает к этому приему, когда уже падает или сдается.

Брэндан дернулся, но на его лице не отразилось ни грамма боли. Удивительно. То ли у него стальная выдержка, то ли он действительно не человек, то ли крепкий пресс, в который я уперлась своим коленом, защитил его от моего незатейливого удара.

– Вае (лат. «Бл*дь, Черт»)! – сквозь зубы выдал он, еще больше пугая меня своей силой.

Глаза Брэндана потемнели, будто в них назревал настоящий десятибалльный шторм. Сердцем я чувствовала, что с ним что-то не так. Это был не просто взгляд безумца или, как я подумала, «Главаря секты».

Это был взгляд человека, на руках которого редела кровь.

Взгляд человека, который прошел через настоящий Ад, а потом посмел выбраться из него живым.

И еще этот взгляд излучал мощь, к которой я не прикасалась прежде. Черные зрачки, постоянно меняющие свой размер, и темно-синяя радужка гипнотизировали, манили, то окрыляя, то заставляя трястись от ужаса.

– Ты совсем страх потеряла? – Похоже, мне все-таки удалось удивить безэмоционального господина. – Ты действительно не знаешь кто я? Даже не догадываешься?

Последние слова прозвучали с усмешкой – будто не знать о нем невозможно. Я ненавидела, когда со мной разговаривают как с недалеким ребенком. Да, я выросла в глуши и не получила достойного образования, но это не значит, что не понимала жизни и людей, чувства которых с легкостью угадывала. Почти всех.

– Я знаю, что вы управляете этой сектой, – пыхтя пробормотала я, устав от его взгляда. Я прикрыла свои веки, понимая, что он, словно вампир, высасывает из меня всю душу взглядом. – Коллекционируете пленниц. Может, по своей прихоти; может, для продажи; может, еще для каких—то извращенных целей. Знаете, я не удивлена. Ни одна нормальная девушка не останется в вашем замке добровольно. Ни одна женщина не захочет провести даже ночь под одной крышей с вами... – Я просто шевелила губами, радуясь, что не вижу его реакции на свои слова.

Так спокойно. Хотя его руки держали меня все крепче и

крепче, но я терпела – в конце концов, талия – это не шея, и я еще могла спокойно дышать.

– Сектой? Мало того, что ты слишком дерзкая, так ты еще и глупа. Смотри мне... В глаза.

Он встряхнул меня, как безвольную куклу.

Я ослушалась.

– В глаза мне смотри, *Sordida puella*.

Распахнув веки, я снова пропала в омуте его синих глаз. Может, они были ненастоящими. Может, технологии дошли до того, что в мире придумали линзы, которые способны управлять чужим разумом, а я не знаю.

– Ты ошибаешься, – пренебрежительно подметил он, и я не поверила своим ушам. Что он хочет этим сказать? Неужели Его Высочество оправдывается? Да еще и перед кем. Перед грязной девкой, как он говорит. Почему именно ко мне он так настойчиво пристал? Ведь я слышала, что прежде ни одна из пленниц не покидала стен темницы. – Но, очевидно, ты не одна из этих женщин. Что-то или кто—то в твоём прошлом научил тебя прятать свой страх.

Он поморщил нос, будто бы принюхивался ко мне.

– А я его чувствую. В каждом твоём робком вдохе. – На секунду мне показалось, что в его голосе сокрыта какая-то боль и нежность, которая приоткрыла для меня завесу человека, которым он был в прошлом.

Ведь он не мог с рождения быть жестоким головорезом, душегубом и убийцей.

Если он только не действительно сын Дьявола, но я никогда не верила в сверхъестественное.

– Я не боюсь вас. Если хотите убить меня – сделайте это прямо сейчас, и дело с концом. Я не хочу в темницу – это ниже моего достоинства. И я не позволю рукам всяких уродов прикасаться ко мне.

Конечно, я боялась говорить эти слова. Я знала, что он способен на это, но понимала, что, если буду выказывать свой страх и умолять о пощаде и свободе, ничего не изменится. Пленницы проделывали это много раз, и что? Где они? Погибают в темнице, в темноте и одиночестве. Моя смелость поможет мне выделиться из толпы. И будь, что будет – в любом случае, небеса на землю не рухнут.

– Но мне же ты позволяешь, – в его глазах блеснул незнакомый мне огонек, а уголков губ коснулось подобие улыбки. – Хорошо. Хочешь смерти? Да будет так, чужая.

У меня вся жизнь пронеслась перед глазами. Пусть скучная, пусть одинокая, но, тем не менее, наполненная некоторыми моментами искреннего счастья.

Я не знала своих родителей, не знала кто я, но это не мешало мне любить природу, которая была моим домом, и знать каково это – пройти босиком по свежескошенной траве, тающей под ногами.

Запах моря, который я буду чувствовать, где бы не была.

Я знала, что такое поцелуй мужчины, и что это такое, когда кто—то ставит твои интересы превыше своих.

При мыслях о Гаспаре, который не спешил ко мне на помощь, мое сердце сжалось. Он на войне. Возможно, его уже даже нет в живых, а я – глупая – осуждаю его за то, что он не решается противостоять этому дому и сумасшедшим его обитателям...

– Твоя казнь будет показательной. Для всех. Я как раз искал лишний повод для такого мероприятия. Народ должен знать, что бывает с теми, кто идет против воли Короля. – Не успела я осознать его слов, как он отпустил меня, быстро удаляясь из комнаты.

Упав на пол, я больно ударилась о паркетное покрытие современной комнаты и тихо простонала, услышав топот шагов, а затем почувствовав, как новые стражники схватили меня за плечи и заковали руки в новые оковы.

Все было как в тумане, сне или альтернативной реальности. От страха, голода и постоянного стресса я испытывала внутри такую усталость, что совершенно не понимала, что все это происходит на самом деле.

Может, это кошмар? Пожалуйста, Боже, сделай так, чтобы я проснулась.

Но нет. Меня продолжали нести, как вещь. Вот уже мы миновали роскошные коридоры, вновь приближаясь к моей камере – к сырости, крысам и грязи.

Только сидя в углу своей темной комнатушки, я начала приходить в себя, постепенно вспоминая свой разговор с сумасшедшим главарём и все события, которые произошли се-

годня.

Все кланяются, когда видят Брэндана в коридорах. Все беспрекословно выполняют любой его приказ.

Его боятся, остерегаются и в тайне мечтают убить...

Я нахожусь в стране, где мне постоянно холодно, а небо, которое я видела в крошечном окошке, почти всегда затянуто серыми тучами.

Никто не смеет идти против воли Короля.

Голос этого ублюдка не покидал моей головы.

С тяжестью в сердце я осознала, что нахожусь не просто в плену и даже не в сектантской группировке. Я нахожусь в темнице у самого страшного врага всей Европы; у того, против кого уже столько лет идет ужасающая война – в плену короля.

Глава 4

Кенна

На самом деле, последним королем Англии был Джона-тан Третий, насколько я помнила. Я никогда не вдавалась в подробности и историю страны, которую ненавидела всем сердцем. Все, что я знала, – это то, что последние лет семь Англия стремилась только к одной цели – завоевать все европейские земли, чтобы обрести мощь, достойную для завоевания других стран.

Я слышала, что несколько лет назад, как и в прошлом веке, наши страны существовали в дружественном союзе.

Я напряглась, вспоминая уроки истории, на которых предпочитала спать.

Кажется, полвека назад на Англию, которой управлял Парламент, напали, и этот случай понес за собой много человеческих жертв. Нападающие не состояли в Европейском союзе, они пришли от куда-то извне, но названий этих стран я даже и не помнила. Может, из-за океана, может, с другой стороны материка. Правда была в том, что Англия не желала мириться с такой слабостью, и один из ее правителей решил добиться полумирового господства любой ценой.

Но ему это не удалось – монархи Англии всегда были лишь картинкой для народа, красивыми куклами, первыми лицами государства – страной всегда управлял Парламент, а власть одного абсолютного монарха давно канула в про-

шное. Как и во Франции, и в других странах. Конечно, в нашей стране была королевская семья, но она уже не имела никакого веса в политических делах – Президент и его совет отлично выполняли все свои государственные обязанности, постоянно развивая страну.

Это было до войны.

Я вовсе жила так далеко от всего этого, что меня это не особо касалось. Может, это звучит ужасно, но мне было плевать на политику, на то, кто правит страной, и что будет завтра.

Разве что-то имело значение, когда по утрам я выходила к морю и кормила чаек, зевающих на берегу?

И наблюдала за тем, как волны равномерно ударялись о песчаный берег, когда вокруг не было ни души. Я не бывала в больших городах, не ездила на знаменитые курорты. Только один раз, в Париже, и то потому, что Гаспар отвез меня туда.

И теперь вот она – еще одна усмешка, я столкнулась лицом к лицу с войной, оказалась в самом ее эпицентре. Оказалось, что гражданская война в Англии выглядела еще хуже, чем в наших странах.

Да, они, наверняка, не голодали. Но если бы на глазах наших людей устроили демонстративную казнь...

Они бы этого просто не выдержали.

Здесь же все было как-то иначе. Что можно сказать о людях, которые спокойно стоят в стороне, когда видят, что их пресловутый король протыкает насквозь ребра своего про-

тивника?

Играючи, в шутку... Это просто уму непостижимо.

К тому же, здесь было что-то не так. Коронация наследника всегда была чем-то особенным – новость о ней всегда разлеталась далеко за пределы стран, в которой она происходила.

Я бы была в курсе, если бы Брэндан был королем. Я бы сразу узнала его...

Так вот почему он показался мне таким знакомым! И все же, Брэндан не являлся королем. Я бы знала это. Джонатан был последним, пока его не убили.

В голове вспыхнуло слабое, но такое многозначительное воспоминание.

«Вся королевская семья была убита при загадочных обстоятельствах. Подробности Парламент разглашать не стал. Ходят слухи, что только принцесса – Меридиана, герцогиня Уэльская, осталась в живых...».

Меридиана была принцессой. А Брэндан являлся ее братом. Следовательно, его звание было вовсе не «король», а «принц», и от этой мысли мне стало только хуже.

Слово «Принц» никогда и ни у кого не ассоциируется с таким ужасным человеком, как он. «Принц» – это что-то благородное, высокое, обещающее... Брэндан олицетворял все антонимы слова «Принц» – падшее, забирающее, внушающее страх и боль.

– Ешь, – услышала я, когда передо мной в очередной раз

положили тарелку с густой кашницей. Я не была привередлива в еде, но всегда питалась свежими овощами, фруктами и мясом, которых на ферме было предостаточно. Этим же пойлком они в который раз оскорбляли мое достоинство, и то, в каких условиях я находилась... У меня не было никакого аппетита в этих четырех стенах, поэтому, смерив очередного офицера яростным взглядом, я молча взяла стакан воды и опустошила его до дна. – Тебе следует поесть, – снова повторил он, слегка пиная тарелку своим ботинком. Еще один ублюдок. За кого они меня держат? За собаку?

– Уходите, или я изваляю ваше лицо в этой тарелке, – огрызнулась я, все сильнее вжимаясь в холодную и сырую стену из каменной кладки.

Офицер, лица которого я даже не запомнила, вдруг замахнулся на меня и со всей силы вlepил мне пощечину. Его грубая ладонь опустилась на мою щеку, и я прикусила ее с внутренней стороны, чтобы не заскулить от боли.

Для всех я – не человек. Животное, тело, пленница, не имеющая прав. Просто безвольный кусок жизни, субстанция в смирительной рубашке, которая спокойно ожидает своей казни в темноте.

– Убери руки от пленницы. Приказа бить ее не было. – Вновь чей—то голос. С истеричным смехом внутри понимаю, что мне уже все равно, кто говорит.

У меня даже нет никаких сожалений, нет сил сопротивляться. А самое странное – мне действительно не страшно.

Завтра меня казнят. Единственное, что немного страшит мой разум – это пытка. Я закрываю глаза и надеюсь только на то, что все пройдет быстро и безболезненно...

Ведь лучше так, чем здесь – в темнице, без света, моря, без надежд и цели. Я очень надеюсь, что успею сказать свое последнее слово и плюнуть в сторону Его Высочества – Брэндана Виндзора.

– Как тебя зовут? – безучастно спросил второй офицер, который сменил того, что приносил мне еду. Равнодушно подняв голову, я уставилась на него, не сразу уловив знакомые черты на его лице.

– Никак, – глухо отвечаю, обхватывая колени руками. Впервые за долгое время я вижу добрые светло—карие глаза, которые смотрят на меня с сочувствием, а не с ненавистью.

В симпатичном офицере с густыми бровями и пухлыми губами я узнала того самого молодого человека, которого застала с Меридианной. Так вот оно что – передо мной мужчина, который покорило сердце принцессы.

Если у этой стервы оно вообще имеется.

– Мне очень жаль, что тебе уготована такая судьба, – наконец произнес он, разглядывая меня как под микроскопом.

Я пропустила вдох, судорожно стараясь ухватиться за соломинку. За свет, который замелькал для меня спасением, словно выводя на выход из темного тоннеля.

– Мне не нужна твоя жалость. Мне необходимо спасение и свобода. – Унижаться я, как и раньше, не собиралась. Каж-

дое мое слово было сказано таким тоном, словно королевой здесь была я, а не этот высокомерный сукин сын, который протыкал людей и питался их страхом на завтрак.

– Если я осмелюсь пойти против Принца, меня ждет твоя судьба. Или, что еще хуже, Адинбург, – коротко ответил он, доставая из-за своего пиджака флягу. Молча, он протянул ее мне, а я и не стала отказываться. Серебристая бутылка заблестела в моих руках, играя с лучами солнца, которые снова насмешливо пробирались в мою темницу через маленькое окошко.

Я сделала глоток, но то была не вода. Сладкий, но не приторный, как молочный шоколад, напиток. Я так давно не чувствовала никакого вкуса, что чуть не расплакалась за то, что этот офицер позволил мне... Позволил в последний раз насладиться вкусом.

– Спасибо, – я перевела взгляд на него, вновь встретившись с яркими ореховыми глазами и морщинками от бесконечной улыбки вокруг его глаз. – Тогда расскажи мне. Просто расскажи. Что такое Адинбург? Почему вы не оставляете другие страны в покое? Почему позволяете управлять вашей страной безумному принцу?

Взгляд офицера стал более жестким за одно мгновение. Слегка нахмурившись, он задумался, будто вспоминая самые нелегкие годы в своей жизни.

– Ты имеешь право ненавидеть его, но не вправе осуждать. Как и мою страну, так и людей, которые здесь живут.

Ты ничего не знаешь ни о нас, ни о своей стране. Офицеры рассказали мне, что нашли тебя в глуши у моря на границе с другими землями, – я внимала каждому его слову, разрываясь от нарастающего внутри любопытства. Мне безумно хотелось узнать все, узнать все возможное, прежде чем вокруг моей шеи завяжется тугая петля. Это было такое глупое... Наивное, детское любопытство. Что ж, я и так была ребенком. Думаю, принцессе было столько же, сколько и мне – восемнадцать.

– Поэтому, ты никогда не узнаешь правды. Единственное, что я могу сказать – это то, что принц не всегда был таким. – С каждым словом он говорил все тише, будто бы уже сам не верил в прошлое, которое когда-то существовало. – Наша страна в таком положении, что из двух зол выбирает наименьшее.

– Из каких двух зол? Зачем ему все эти девушки?

– Не задавай больше вопросов. У меня нет на них ответов. – Дружеская связь между мной и офицером разорвалась, словно ее и не было. От досады я закусила губу, понимая, что не узнала ничего нового. – Одно могу сказать точно: принц никогда раньше не уединялся с пленницами в одной комнате. Для утех у него есть наложницы, служанки, да и вообще кто—угодно. К тому же, демонстративные казни – такого еще не было. Да... Он приказывает убивать, но не на глазах у всего народа. В нашей стране такого не было около семи лет.

– А что было семь лет назад?! – не выдержала я, но офицер

уже развернулся ко мне спиной и направился к выходу.

– Пей до дна. Это поможет успокоить нервы, – тихо бросил он, не оборачиваясь, и с грохотом хлопнул дверью.

Что я и сделала. Для человека, которого завтра ожидает казнь, я, на удивление, чудовищно спокойна. Наверное, если бы Его Величество Брэндан видел бы меня сейчас, он бы закипал от злости.

Меня больше раздражало, что завтрашнее шоу напугает простой народ, хотя, я его уже ненавижу за то, что они мирятся с такой властью. За то, что они все, просто, чужие. Мы родились в разных странах, а значит – мы уже заранее кровные враги.

Просто раньше я об этом не задумывалась. Мне не было дел до политики, информационной войны. Я просто хотела, чтобы это не касалось меня, и жила в тылу, до куда почти не доходили голод и шум взрывов.

Глава 5

Кенна

Утром они пришли за мной снова – двое, как всегда, полностью в черной одежде, усыпанной гербами страны и знаками отличия. Я почти не вздрагивала от их прикосновений – в сравнении с лапами Золотозубого, они все были обычными офицерами, которые исполняли свой долг. Служили своему правителю.

Я же отказалась плясать под его дудку и предпочла казнь безвольному плену.

Крики и мольбы о помощи девушек оглушали. Я шла по коридору, стараясь заглянуть хотя бы в одно из маленьких окошек, но все было тщетно. Сплошные крики, слезы, рыдания. Голоса девушек все были молодыми – значит, коллекция игрушек Принца состояла из одинаковых пород и мастей.

Может, это был его фетиш – просто держать нас в плену. Это, уж точно, признак слабоумного психа. Если бы он использовал нас в качестве сексуальных рабынь, я бы еще видела в этом смысл... Но просто так?!

Невольно я вспомнила слова офицера о том, что принц может заполучить любую женщину. В этом я не сомневалась. Подонок притягателен, как Бог, да только из всех Греческих Богов, что я знала, он бы мог претендовать только на Аида.

Одни его темно-синие глаза напоминали мне бездну или ворота в Ад, и никак иначе. И сколько девушек кидались в

его объятия, добровольно шагая в это чистилище?..

Они были мне противны. Как можно было добровольно сдаться в его холодные объятия?

Я почувствовала прилив незваного румянца на своих щеках при воспоминании о том, как он касался меня, как трогал... С какой-то непонятной жаждой что-то найти, узнать и возрадоваться. То, как резки и властны были его движения. Никогда прежде я не ощущала, что мой разум вступает в борьбу с собственным телом. Но в тот момент они явно говорили на разных языках, иначе, откуда эта дрожь и нега, расцветающая внутри от касаний его грубых ладоней?

Ненавижу его.

Меня вывели на свет и свежий воздух. Черт возьми, ради этого стоило согласиться на казнь. Как же я соскучилась по небу, пусть и сейчас оно вновь затянулось тучами туманного Альбиона. К тому же, пока меня вели по каменному мосту, переброшенному через небольшую реку, протекающую в саду особняка, я могла оглядеть окрестности.

Обернувшись, я поняла, что это все-таки был замок. Во Франции в Долине Луары было очень много таких, но я видела лишь один. Но он и вполтину не был так роскошен, как этот – стены, украшенные позолоченными балконами и резным рисунком, высеченном прямо на сером кирпиче. Большой круглый купол на своде здания был красив, но не вписывался во всю остальную стилистику – более готическую, темную. Замок был очень большим, но территория двorca

была просто огромной. Мост, по которому меня вели, позволял очень быстро покинуть ее, и я с сожалением осознала, что вижу только часть этого прекрасного сада. Вдали я заметила фонтан и поляну из красивейших цветов, которая так и манила к себе. Я отвернулась, понимая, что мне не суждено коснуться их лепестков.

Хватит. Все будет быстро. И не останется сожалений...

Я боролась, я сделала все, что могла. Я пыталась сделать это словами, потому что, как бы ни был силен мой дух, мое тело – ничто против Королевской стражи и офицеров, которые не отпускали меня ни на секунду.

Я оказалась на площади, заполненной людьми и их криками. Здания здесь были двухэтажные, старинные – а вот вдали виднелись небоскребы Лондона, подпирающие небосвод. Люди смотрели на меня, как на диковинное нечто. Я смотрела только на столб, стоящий посреди постамента, на который меня вывели.

Этот столб напоминал мне кадры из жутких фильмов про Инквизицию, которые я смотрела. Обычно, на таких столбах сжигали ведьм, били хлыстом или же казнили через повешенье.

При мысли о пытках я задергалась в руках стражи.

– Смирно, чужая, – отрезал мне офицер, подводя меня к одной из стен. Тут мой взгляд упал на ложе, которое находилось неподалеку.

Я сразу узнала Брэндана, облаченного в необычную для

современности одежду – черный колет и длинная холщовая мантия ярко-красного цвета. По правую руку от него восседал Джейсон, а по левую – Меридиана. Она опустила голову, что совершенно не соответствовало поведению принцессы, и даже как-то съёжилась и сгорбилась на своем стуле...

Прислушавшись к крикам народа, я поняла, что они не хотят того, что в скором времени произойдет. Каждый из присутствующих смотрел на меня с сожалением, а внутрь себя – со страхом.

Все они боятся, что такие казни станут обычным делом для их страны.

– Рад приветствовать сегодня здесь всех вас. – Брэндан говорил в микрофон, поэтому я прекрасно слышала его, стараясь не глядеть на то, как один из офицеров делает первый шаг на постамент. В руках у него длинное ружье размером с половину моего роста. Будто охотничье.

Стать бы птицей... Взмахнуть большими крыльями и, расцарапав Брэндану глаза, улететь из этого плена.

– Я знаю, что ваши сердца еще не остыли от прежней боли, – начал говорить он, и это совершенно не то, чего я ожидала. Я не рассчитывала на то, что он начнет тянуть время, даруя мне еще целые сотни драгоценных секунд.

Я вдохнула воздух полной грудью и... Ничего не почувствовала. Ни боли, ни печали, ни надежды. Мне хотелось бороться, и эта черта моего характера была лидирующей, но я просто не знала за что.

Страх я испытывала только в непосредственной близости от Брэндана. И ненависть. Самым безумным было то, что они наполняли меня до краев, дарили желание и энергию двигаться дальше.

Противостоять.

– Парламент был жесток с вами, но мы все прекрасно знаем, что вы сами сделали этот выбор. – Он окинул всех присутствующих полным ярости взглядом. Будто каждый, кто находился здесь, когда-то его предал. – Теперь, когда я вернулся, я вынужден расхлебывать то, что случилось с моей страной за последние годы.

Слева от меня я заметила репортеров с камерами: в этих людях нет ничего святого, если они собираются транслировать убийство по центральному телеканалу.

– Чтобы быстрее прийти к нашей общей цели, мы должны действовать сообща. Разумеется, под моим безграничным правлением и присмотром. Эта казнь служит для вас уроком: слово Короля – закон. Слово Парламента – ничего не стоит. Эта девушка... – Он указал на меня рукой, и она даже не дрогнула. Мой палач встал в боевую позу – дуло пистолета он направил мне прямо в голову. Чтоб наверняка. – Чужестранка. В ее природе – не подчиняться моим приказам, не слушаться. Я не стал бы казнить никого из вас – вы мой народ. Но... До тех пор, пока один из вас не ослушается. Если я замечу хоть один заговор, который плетется за моей спиной, погибнут все его участники, все свидетели и

приближенные.

Я ожидала недовольного гомона из голосов, но, к моему удивлению, эти сумасшедшие люди только закивали, глядя на своего принца. Они в своем уме?! Или он их всех загнипотизировали?

– *Sordida Puella*, – его ледяной голос обратился ко мне, – твое последнее слово.

– Стори в аду, – сплюнула в его сторону я, гордо вздергивая подбородок. Я была прикована к стене железными кольцами, а Брэндан смотрел на меня взглядом, который способен расплавить металл.

Я снова отвела свой взгляд.

Я не могу вынести тяжесть его глаз. Слишком противоречивые чувства они во мне вызывают, даже те, в которых и перед смертью стыдно признаться.

Но вскоре и они закончатся. Я в последний раз вдохнула полной грудью, вспоминая шум морского прибоя.

– Хорошо. Тогда, Дуэйт, можешь начин... – Брэндан не успел закончить, потому что над площадью раздался истошный, истеричный крик.

– Нет, Брэд! – Рука Меридианы легла на плечо Брэндана. – Не делай этого.

Я не сразу поняла, что происходит, но капризная принцесса только что вступилась за мою жизнь. Что ж, она только усилила его удовольствие вдвое.

– Мэри. Молчать, – отрывисто произнес он, но палач, тем

временем, все равно застыл на месте. – Исполняй.

– НЕТ! – твердо возразила Мэри, глядя на палача, который начал метаться между двумя монархами. – До твоей коронации я здесь отдаю приказы, Брэндан. С меня хватит убийств без причины.

Девушка почти плакала, вложив в свои слова такую боль, которая была мне не знакома. Кто бы мог подумать, что она так чувствительна...

На миг я задумалась о том, где сейчас их родители. Принц. Принцесса. Где же вся их огромная династия, которая должна править страной?

Она потеряла их. Как и Брэндан – да только он свои чувства скрывал так, будто вообще не являлся их ребенком.

– Стреляй! – не выдержал он, став мрачнее тучи. У меня перехватило дыхание – моя судьба решалась сейчас, в этот самый миг. О Боже, как же я была благодарна своему хитрому уму, который подсказал мне прикрыть принцессу перед Брэнданом и Джейсом тогда. Вида благодарности она не подала, но сейчас...

Меридиана явно не любит оставаться в долгу. Особенно перед мертвецами.

– Я запрещаю, Дуэйт. Ты свободен. – Вложив всю свою силу в нежный голос, она обратилась к моему палачу. Поклонившись Брэндану, он сложил оружие и покинул постамент, на котором я стояла.

Я выдохнула – больше с интересом, чем с облегчением.

– Ты все испортила, Мэри... Ты – женщина. Ты вообще не имеешь никаких прав.

– Знаю. – Она посмотрела на брата с болью в глазах. – Брэндан, неужели ты правда хочешь этого? Убивать просто так? Адинбург сделал с тобой это...

– Это сделал не Адинбург. Это сделали со мной вы. – Брэндан помолчал, окинув меня снисходительным взглядом. Потом он покинул ложе, скрывшись за толпой из приближенных, а я обрела... *Свободу?*

– Взять ее, – скомандовала Мэри, снова натягивая на себя маску безупречной стервы. – Дальнейшие указания насчет нее отдам главнокомандующему.

Мэри скрылась вслед за принцем, да и народ на площади начал с облегчением расходиться.

– Ты родилась в рубашке, чужая, – пробормотал мне один офицер, когда грубо схватил меня для дальнейшей доставки во дворец.

В этом я очень сомневалась – теперь меня ждет темница, а это то, откуда я хотела убежать любым способом. Даже таким.

Но это было ничто, по сравнению с гневом Брэндана, который увеличился в сотни раз. Теперь я была не только бунтующей пленницей, но и причиной, по которой он у всех на глазах подорвал свою власть и авторитет.

Можно сказать, я нанесла ему удар ниже пояса... Как жаль, что он не может быть смертельным.

***

Оказавшись в прохладе замка, я с тоской посмотрела в сторону темницы, в которой вскоре окажусь. Но четверо офицеров повели меня в совершенно противоположную сторону, заставляя окончательно потеряться в пространстве.

– Новый указ насчет вас, леди, – просто сказал он, прежде чем я опешила.

Меня привели в купальню в абсолютной тишине. Закрыли с внешней стороны дверь, произнеся лишь одну фразу:

– Вам велено помыться. Ограничений по времени нет. – Потом один из офицеров слегка поклонился мне, от чего голова окончательно пошла кругом.

Это, должно быть, шутка. Может, офицеры боятся того, что я, как и в случае с Гилбертом, добьюсь изувечивания их тел, и решили позволить мне хорошенько помыться перед заточением в подвале на всю жизнь?

Немыслимо.

Я осторожно подошла к чугунной ванне, раздевшись догола. Красный бархат упал у моих ног, я перешагнула через самодельное платье. Опустившись в ванну, намылила свое побитое, покрытое синяками от рук офицеров, тело.

Я не могла перестать озираться по сторонам – каждую секунду мне казалось, что за мной подглядывают. Или же кто —то вот-вот зайдет. Очередной «Гилберт» с наклонностями насильника. А может, и Брэндан решил со мной поразвлечься и убить голыми руками...

Я встряхнула головой, растрепав мокрые локоны. Нет. Я не должна даже думать об этом.

Уж лучше в объятия Гилберта, чем снова оказаться в одной комнате с настоящим Демоном. Брэндан... Был слишком непредсказуем и силен.

Когда я услышала, как скрипнула дверь, у меня чуть сердце не остановилось. На пороге оказалась служанка зрелого возраста с чем-то объемным в руках.

– Простите, леди, – произнесла она виноватым тоном. – Велено доставить вам новую одежду.

И так же быстро, как и появилась, она исчезла.

Я брызнула себе в лицо холодной водой и принялась кусать собственное плечо. Это какой-то дурной сон, лимб, полный надежд, и игра моего разума... Я не могу быть спасена таким образом, и все эти почести... Голова шла кругом от загадок, тайн и всех этих дворцовых переворотов.

Смены настроения у правителей.

Хорошенько помывшись, я натянула на себя нижнее белье и замерла над потрясающим платьем, красивее которого никогда не носила прежде.

Оно было довольно простым, и все же, ткань – мягкая, похожая на бархат – дорогая. Платье цвета морской волны полностью облегалo верхнюю часть моего туловища – даже обхватывало горло, натягивалось на груди... От бедер оно было уже свободнее и щекотало мне щиколотки своим подолом.

Длинные рукава достигали середины пальцев. Немного не по размеру. Но я была слишком счастлива, чтобы жаловаться – теперь каждый сантиметр моего тела прикрыт и не вызовет желания у особо сексуально-активных офицеров.

– Вас ждут в комнате красоты, – объявил мне вновь офицер, поведя за собой вглубь коридоров. Я уже ничему не удивлялась. Наручники с меня сняли, да и бежать мне было некуда.

Следующие два часа творилось невероятное. Как только я вошла в комнату, всю заставленную зеркалами и туалетными столиками с множеством косметических баночек, меня усадили в кресло.

– Не переживайте, длину убирать не буду, – зачем-то предупредил мастер, расчесывая мои волосы. – Джованни, – представился он, на что я ничего не ответила.

Отражение в зеркале меня не радовало, даже после принятого душа. Гаспар часто говорил мне комплименты, но, честно говоря, я мало что красивого находила в бледной, как у Альбиноса, коже с вечно проявляющимся румянцем на щеках. И в каштановых волосах до пояса тоже – во Франции длинные волосы уже давно были дурным тоном, но, поскольку я была далека от моды, меня это не касалось. Очень часто девушки красили их в неестественные цвета, носили модные стрижки длиной до плеч. Самая знаменитая модель нашего времени обладала именно такой.

Не видела я красоты и в своей худобе, да и черты лица

у меня были детскими – мне с трудом давали шестнадцать лет, и когда я покупала алкоголь для своего приемного отца, вечно просили паспорт.

Паспорт. Удостоверение моей личности. Теперь же у меня нет личности, меня так давно никто не называл по имени, что, боюсь, я его действительно забуду.

Разве что глаза мне нравились – большие, карие. За такими очень удобно скрывать свои эмоции и изображать равнодушие. Хотя, у Брэндана это и с синими неплохо получается...

– Осталось привести в порядок ногти. – Джованни крутился вокруг меня, как заведенный. А я все задавалась вопросом: почему? Меня хотят нарядить, как куклу, и отправить на «съедение» Брэндану?

Он поколдовал над моими синяками на лице, сделал брови более выразительными. Губы покрыл малиновым блеском, превращая в какую—то дешевую куртизанку.

Лучше я не стала. Но Джованни думал иначе:

– Ты и так неплохо выглядела, но в моих руках любая милая девушка становится настоящей Богиней, – причитал он, нанося на меня последние штрихи: румяна и пудру.

В этом месте все немного сумасшедшие.

Офицеры подошли ко мне сразу, как только Джованни со мной закончил. Я кивнула ему, поблагодарив, и он расцвел в добродушной улыбке... Странно все это.

Я попыталась уловить в этой улыбке сочувствие или зло-

радство, но не смогла. Только искренняя радость и даже симпатия в мою сторону.

– Куда вы меня ведете? – не выдержав, поинтересовалась я, минуя очередные этажи и коридоры. В этой части замок был одинаковым везде. Ковер, дорогие убранства, лепнина на стенах, картины в драгоценных рамках. Осмотреть каждый уголок было бы интересно, но не позволительно.

– К принцессе Меридиане. – Ответ меня удивил, потому что я думала, что меня отведут к Брэндану. Но, видимо, принц не желал видеть «грязную девку», которая подпортила его репутацию. До тех пор, пока не разозлится и не пережест мне горло самостоятельно.

Я вошла в покои Мэри, стараясь не разглядывать ее комнату. Холодность и равнодушие – мое кредо – ко всему, что здесь происходит. Даже к такой перемене в поведении моих похитителей.

– Верните меня домой, – с порога заявляю я, глядя в глаза принцессы. – Коли оставили в живых. Казнь была наилучшим исходом для меня. Плен – это не мое.

Принцесса посмотрела на меня с интересом, взмахнув копной рыжих волос. До чего она была необычной. Грация, осанка, каждое ее движение напоминали мне о фантастических эльфах.

– Я не могу. Ты не покинешь стен замка до конца своей жизни. Брэндан не позволит того, чтобы пленница сбежала.

– Как я поняла, приказы здесь отдаешь ты.

– Это был единичный случай. Если я разозлю брата... – Она судорожно втянула воздух, отводя взгляд. – ...Он не даст мне потом нормальной жизни. Я...

– Боишься.

– А ты, как я вижу, нет. Что ж, это ненадолго. – Ага, знала бы, насколько она не права. Я очень его боюсь. Именно поэтому предпочла казнь, чем жизнь с ним под одной крышей.

– Что он может со мной сделать? Я от души попросила о казни, пыток я могу избежать, раскроив себе череп о любую стену в вашем... Доме. Да и, к тому же, зачем я вам? – Слова сами лились – я и не знала, что могу так правдоподобно врать. Раскроить себе череп? Не думаю, что действительно решилась бы на это. Но делать вид, что я ничего не боюсь, мне нравилось.

В глазах принцессы отразился ужас, и я тут же поняла, что она слишком чувствительна, чтобы слышать о таком и представлять вид крови.

– Ты... Странная, – заключила она, сцепив пальцы на своем животе, явно занервничав. – Я не знаю, зачем Брэндану пленницы. Ну, в том, что он считает вас своей собственностью, ты можешь не сомневаться.

– И что же теперь будет со мной? Как я понимаю, вы ждете от меня благодарности? За спасение, за платье, за хорошее обращение? – Я не могла сдерживать гнев, накопившийся в груди. – Не дождетесь. После того, как моя кожа терпела удары, после того, как ко мне приставал этот мерзкий офицер...

– Он понес наказание. Брэндан не любит, когда трогают его игрушки.

– Чт...

– Молчать. – Она повела рукой так, будто я ее утомила, – меня удивило то, что ты тогда прикрыла меня перед Брэнданом. Я чувствовала себя обязанной, а я ненавижу это чувство. К тому же, верность моих фрейлин оставляет желать лучшего. Иногда мне кажется, что они способны только на зависть и обсуждать богатых мужчин, с которыми я должна их познакомить. В тебе я вижу другого человека. Поэтому... Хочет этого Брэндан или нет, но я сделаю тебя своей фрейлиной. Так я не нарушу его правил – оставлю тебя во дворце, но избавлю от мучений и полного лишения свободы. И, да, тебе стоит быть мне благодарной. И научиться кланяться, когда видишь меня, Брэндана или других лиц, которые выше тебя рангом.

Я погасила одолевшее меня возмущение, пытаюсь включить голос разума. Сейчас я не в том положении, чтобы торговаться. К тому же, оставшись в таком качестве рядом с принцессой, я смогу узнать больше тайн и ответов на вопросы, которые начинали меня мучить.

Я ненавидела себя за любопытство – эта черта характера никогда не доводила меня до добра. Однажды, исследуя окрестности фермы, я зашла слишком далеко и упала в охотничий овраг три метра глубиной и чуть не сломала ногу. Два года спустя побежала купаться в море во время шторма, ре-

шив испытать новые эмоции. Тогда я была уверена, что смогу справиться со стихией, но уже на третьей волне море чуть ли не забрало мою жизнь. Тогда все закончилось хорошо – я ухватилась за трос, который кинули мне с берега, и выбралась.

Тем не менее, любопытство и тяга к новым ощущениям всегда заканчивались для меня плохо. Одно из главных подтверждений этому – это отсутствие моих воспоминаний о детстве, о таком большом куске собственной жизни. Не удивлюсь, что я и тогда ударилась головой из любопытства: очевидно, проверяла, насколько прочен мой череп и выдержит ли он удар о железные рельсы на какой-нибудь из городских станций.

– Я могу гулять везде, где захочу? В пределах замка? И выходить в сад? – уточнила я, прежде чем перейти на дружелюбный тон.

– Нет. Выходить в сад ты не можешь. Но... В пределах замка – пожалуйста.

– Я не совсем понимаю, что значит «фрейлина». Моя задача состоит в том, чтобы прикрывать твои любовные утехы перед братом-психом?

Принцесса вновь изменилась в лице. Кажется, она еле сдерживалась, чтобы не казнить меня собственноручно. И, в то же время... Она этого не делала. Может, потому, что я четко и ясно дала ей понять, что не боюсь смерти.

– Будешь помогать мне, когда это требуется. Хотя, толку

от тебя мало. Наверняка, ты не образована и не очень умна. Но это ничего. Для меня важна твоя честность. Возможно, когда я рассмотрю тебя поближе, у меня появится для тебя одно дело... Но, пока, об этом забудь. И... – Мэри не успела договорить, потому что дверь в комнату с грохотом распахнулась. Брэндан стоял на ее пороге, вновь вернув себе нормальный вид, сняв с себя этот жуткий пафосный красный плащ.

В своей черной рубашке и брюках он создавал у меня впечатление типичного офисного работника, но это только до тех пор, пока я не подняла глаз на его лицо, переполненное эмоциями ярости.

– Меридиана, какого черта? Пошла вон отсюда!

Я развернулась к двери, мечтая скрыться с его глаз и не попасть под горячую руку.

– Не ты! – Остановил меня Брэндан, переводя взгляд на сестру. – Вон отсюда, я с тобой позже разберусь. Если понадобится, я вырежу их всех, чтобы узнать, кто он, если ты еще раз выкинешь что-нибудь подобное.

От его слов меня затошнило. От этой жестокости, от легкости, с которой он готов был распрощаться с человеческой жизнью.

– Брэндан... Ты себя не слышишь, – покачала головой она, глядя на него со злостью и тоской одновременно.

– Вон. – Все внимание Брэндана теперь было обращено на меня. Мэри вышла из комнаты, и, если честно, я ей зави-

довала.

После ее ухода в помещении воцарилась тишина. Я опустила голову, разглядывая длинные рукава своего платья. Брэндан рассматривал меня, не крича, не торопясь, и в абсолютной тишине.

– Что ж, – вдруг почти дружелюбно, относительно того, что было раньше, заговорил он. – Тебе повезло, что для меня нет никого роднее и ближе сестры. Если она решила сохранить тебе жизнь и даже сделать тебя частью своей свиты – мне плевать.

Эти его выражения, делавшие его речь грубой и неотесанной, иногда говорили о многом. Да, Брэд говорил на нескольких языках, но... Его манеры явно говорили о том, что он не всегда рос на троне и был окутан всеобщим вниманием.

– Какая честь, – с сарказмом выдавила я, не глядя на Брэда.

– Если бы ты была хорошенькой, я бы даже использовал тебя для своих целей, но, увы. Моей фавориткой тебе не стать, – продолжал он, и его слова звучали как вызов. В каждом звуке его голоса я слышала отчетливый сигнал о том, что он хочет меня позлить.

И ему это удалось.

– Слава Богам. Рядом с вами даже Золотозубый насильник показался мне не таким уж плохим вариантом, – парировала я, мгновенно услышав звук его шагов в мою сторону.

– Поосторожней с желаниями, *sordida puella*. Иначе, они

сбудутся, – прохрипел он, хватая меня за подбородок. – И смотри в глаза, когда разговариваешь с Королем.

Хватка Брэндана была болезненной, жесткой. Я не сомневалась в том, что он может сломать мне челюсть и даже не заметить этого. Однако, подбородок я вздернула и заглянула в туман его глаз.

Никаких признаков человечности я там не увидела, несмотря на то, что, судя по его словам, к сестре он питал какие-то теплые чувства...

Я решила не отвечать на его заявление про Короля. Мне все равно – пусть, хоть Император, лишь бы убрал от меня руки, лишь бы не смотрел так, что забываешь о том, как дышать.

– Имя! – рявкнул он, не выдержав моего молчания.

– Его Высочество Брэндан, – продолжала издеваться я, прекрасно понимая, что он требовал мое имя.

– Не зли меня, чужая. Назови свое... – Он резко втянул воздух в легкие. – ...Имя. Если солжешь – накажу.

– Что сделаешь? Отрубишь что-нибудь, проткнешь шпагой или казнишь? – Я пыталась смеяться, но страх разрастался во мне с новой силой.

– Хуже, – глубоким голосом отозвался Брэндан, глаза его сверкнули... Чем-то новым для меня.

Я не знала, как назвать это одним словом. Это было похоже на желание, голод. Желание унижить, раздавить, помучить свою жертву, прежде чем сожрать ее до последней косточки.

К горлу вновь подступила тошнота, а моя ненависть к этому психу становилась только сильнее.

Но, проклятое любопытство! Оно было сильнее ненависти. Я хотела знать о Брэндане все, хотела знать, зачем ему девушки; я хотела найти хоть какое—то оправдание его психически-нездоровым поступкам и тому, что он делает с собой и нашими странами...

Вдруг его большой палец медленно заскользил по моему подбородку. Он гладил меня как жертву перед удушением. Гипнотизировал, чтобы я потеряла бдительность и попалась в его умело расставленный капкан.

– Меня от вас тошнит, – мое тело забилося от мелкой дрожи, но это было не отвращение. Возможно, всплеск адреналина.

От напряжения он заиграл скулами, а его губы вновь вытянулись в тонкую линию. Брэндан нахмурил брови, позволяя шраму над глазом стать заметнее, и окутал меня своей энергией, которая сбивала с ног.

Дьявол был так близко. Он будто наступил мне на горло, перекрывая кислород, но я держалась.

Я понятия не имела, что он сделает в следующую секунду. Губы Брэндана были в сантиметре от моего подбородка, он склонил голову с высоты своего роста.

Никаких движений как у хищника перед нападением, полнейшее оцепенение всего тела. Затем рука принца опустилась на мою шею, будто бы считая пульс. Сто тридцать уда-

ров сердца в минуту, не меньше.

Брэндан приоткрыл губы, вырисовывая ртом линию над моей щекой. Медленно, не касаясь кожи. Это был первый момент, когда я действительно была готова пролить слезы.

Он не поцелует меня, нет. Мысль о том, что поцелуй этого мужчины может мне понравиться, повергала в ужас.

Я не могла кричать, неистово отбиваясь. Не могла вымолвить и слова, потому что боялась, что он тут же заткнет мой рот.

Я могла разглядеть каждую пору на его коже, каждый изъясн, шрам и маленькую родинку во внешнем уголке глаза.

Невольно вспомнились нежность и забота Гаспара – он никогда не мучал меня неизвестностью. Он не вызвал во мне страха или бури других чувств. Если он хотел меня целовать – он говорил об этом, и я позволяла.

А Брэндан...

– Ничего особенного, – он поморщился, резко отстраняясь. – Очередная запуганная кукла. Твой пульс тебя выдал.

Черт возьми, с чего я решила, что он собирается меня целовать?! Как только Брэндан отстранился, разум вернулся ко мне, и это отрезвило.

– И все же, ты должна сказать свое имя. Если, конечно, не хочешь, чтобы я отдал тебя кому-нибудь из приближенных. Ты, конечно, – он оглядел меня с ног до головы, – своеобразная, но им, знаешь, все равно, кто будет их ублажать.

Я не понимала, к чему он все это говорит, чего хочет до-

биться? Что творилось в голове у этого подонка – непонятно.

Наконец, Брэндан убрал руку с моего пульса, и я задышала чаще – жадно, насыщаясь воздухом. На секунду показалось, что его взгляд замер на моей резко вздымающейся груди.

– Вы забрали у меня все. Мое имя останется со мной.

– Хорошо, очевидно, тебе нравится, когда тебя называют грязной девкой. *Sordida puella*. Мы называем так всех иностранок.

– Для человека, который называет меня грязной девушкой, вы слишком долго разговариваете со мной... – Я прокашлялась, вскидывая бровь. – Ваше Высочество.

А потом я слегка поклонилась ему, мечтая уйти быстро – так, чтобы последнее слово осталось за мной. И пока он стоял, обдумывая мой словесный выпад, я так и сделала.

Я знала, что Брэндан не остановит меня и больше не будет преследовать. Если повезет, я все время буду скрываться в замке, держась подальше от него и от чувств, которые он во мне вызывал.

Полная противоречивость. Когда даже внутреннее «я» не понимаешь, потому что при одном взгляде на Брэда оно кричит от страха.

Да только что-то мне подсказывало, что все будет тщетно, так как если принц захочет меня найти – он найдет. Оставалась только надежда на то, что не в его интересах уделять внимание грязной, по его мнению, дурнушке.

Вот и хорошо. Нужно будет попросить Джованни не накладывать мне макияж и располнить, наконец-таки, на дворцовой еде, которую я собиралась немедленно отведать.

Глава 6

Кенна

Мне выделили комнату – маленькую, но чистую и уютную. Больше всего радовало, что я могла закрыться на замок изнутри – так я чувствовала себя более защищенной, особенно по ночам, когда мысли о побеге съедали заживо.

Мнимая «свобода» была неплохой альтернативой темнице, но все же иллюзорной – моя комната находилась на первом этаже, а на окнах стояла прочная решетка. За неимением лучшего расклада событий, я радовалась хотя бы этому – все оттенки погоды и вид на красивый сад служили отдушиной. Как и удобства в комнате: высокая кровать с упругим матрасом, книжный шкаф с серией книг на английском языке и телевизор, который, правда, не работал.

Моя комната находилась в крыле, где располагались покои Меридианы и других ее фрейлин. Здесь также было несколько комнат для ее прислуги, и моя находилась как раз на границе с крылом, отведенным для горничных.

Вот и была я неизвестно кем – то ли прислугой, то ли частью свиты, то ли пленницей.

После долгих лет жизни на ферме, когда никому до меня не было дела, и я могла идти куда угодно, такая жизнь обернулась для меня петлей на шее, и не хватало только Брэнда, который с удовольствием бы затянул ее до упора.

К счастью, с «Его Высочеством Зла» я не встречалась око-

ло двух недель – лишь изредка видела его в саду через окно и в коридорах замка. Первый раз – в сопровождении советника Джейсона и других с виду важных личностей в официальных костюмах, второй раз – в окружении девушек, которые заливались смехом.

Представить не могу, что вызвало у них улыбку и даже смех – разве что Брэндон хорошо накачал их наркотиками или алкоголем. Очевидно, это были те самые фаворитки, с которыми он справлял свои плотские нужды.

Значит пленницы нужны были ему не для этого. То, что он не сексуально озабоченный маньяк и не торговец женскими телами должно меня радовать...

Мэри была со мной довольно молчалива – девушка только и умела, что отдавать приказы, которые я решила выполнять без вопросов. К счастью, ее поручения сводились к какой-нибудь глупости – помочь застегнуть платье, заправить постель, протереть пыль в ее комнате... Две фрейлины Мэри всегда были при ней, и они часто ходили на прогулки в сад вместе или в город. Я же была здесь никем и не была наделена такими привилегиями и не могла понять, зачем Мэри спасла меня, если даже не нуждалась в этом.

Очевидно, просто для того чтобы сохранить мою жизнь. И в глубине души, я была ей благодарна. Потому что мне нравилось изучать замок, я мечтала ненароком натолкнуться на что-нибудь, что подсказало мне бы ответы на все вопросы, узнать историю этой семьи и, в конце концов, даже найти

какой-нибудь компромат на Королевскую династию, чтобы использовать информацию как шантаж.

Взамен на свободу. Или, возможно, даже на прекращение войны.

Только все эти мысли были больше похожи на мечты наивной девочки – я знала, что этому не бывать. Я – песчинка, тень, затерянная в коридорах замка. И моя жизнь, и свобода теперь только в руках Брэндана, который меня игнорировал.

Однажды, бродя по закоулкам северного крыла замка, я попала в зал, стены которого завешаны картинами. На меня смотрели сразу десятки лиц – строгих, волевых, излучающих власть. Думаю, здесь были изображены все члены династии Виндзоров, потому что в углу каждого портрета я находила подпись, оповещавшую том, чье лицо было изображено на холсте.

На центральной стене висела большая картина с людьми, изображенными во весь рост. Она притягивала, манила меня, потому что на ней я сразу увидела нечто знакомое – синие глаза, которые даже на бумаге выглядели живыми и загадочными.

И все же художнику не удалось передать сущность маленького Брэндана (на вид, на холсте ему около десяти-двенадцати лет), и черты лица были мягкими, а полуулыбка совершенно не напоминала дьявольскую.

Передо мной был милый мальчик, на плече которого лежала рука матери. Пальцы женщины слегка сжались на его

парадной форме, будто она держалась за самое ценное, что есть в ее жизни. Королева. Красивая женщина. Меридиана – ее копия.

По левую руку от Королевы стояли двое мужчин очень похожие друг на друга – Король Джонатан, как я догадалась... И брат Мэри и Брэндона.

Это был портрет семьи, а не просто первых лиц Государства. Но я списала это на вольность и фантазию художника – мне почему—то казалось, что Брэндан был «с бесовщиной» внутри с рождения. Ну не мог он из этого синеглазого ангела превратиться в убийцу, тем более с такой—то любящей матерью.

Мне всегда казалось, что люди становятся жестокими от недостатка любви, а, судя по этой картине, у них разногласий в семье не было – конечно, художник мог приукрасить реальность, но если я склонна ему верить...

Я знала, что все они – кроме Мэри и Брэда – мертвы, и убили Королевскую семью при загадочных обстоятельствах. Конечно, может, это нанесло травму ребенку, но ведь за Мэри я не наблюдала склонности к хаосу и пролитию крови.

Рукой я дотянулась до картины, не в силах сдержать желания прикоснуться – моя рука легла на ногу маленького Брэндана, и я еще раз заглянула в его глаза.

Почему ты причиняешь сотням людей столько боли?

Я подпрыгнула от звука голосов, которые слышались из коридора, и судорожно огляделась в поисках укрытия. Я

не хотела показываться никому на глаза, потому что знала, что вышла за пределы своего крыла, и побежала к длинной шторе, массивными воланами свисавшей с высокого потолка. Как только я укрылась за тканью, голоса стали еще громче, пока, наконец, не раздались в этом зале.

– Несколько деревушек на границе Германии и Франции уничтожены, Ваше Высочество. Сопrotивляющиеся – убиты, сдавшиеся – взяты на работы. Несколько пленниц, подходящих по возрасту, доставлены в темницу.

– Есть что-нибудь особенное? Вы их проверяли? – скучающим тоном отозвался Брэндан на голос Джейсона. С ними были еще пара молодых людей – очевидно, самые доверенные лица; возможно, ответственные за военные действия.

Черт возьми, неужели я оказалась в месте, куда заходить не следовало? Если эта часть замка не выделена для Мэри, и Брэндан увидит меня... Мне помогут только всевышние силы.

– Ничего. Пусто, – с ноткой печали ответил незнакомый мне голос. С замиранием сердца я слушала удары каблуков о пол – кто—то приближался к окну, за шторой которого я скрывалась. Если он подойдет вплотную, то на всевышних можно уже не рассчитывать.

– Жаль. Люди погибают просто так. – Голос Брэндана стал громче, я осознала, что это именно он идет в мою сторону. Я возвела глаза к небу и скрестила пальцы – только бы он меня не увидел. – Но так должно быть. Ради будущего на-

шей страны. Мы встали с колен и теперь должны защитить себя от угроз более сильных противников. Только объединив лучшие стороны наших стран, мы сможем стать сильнейшим государством. Во главе которого, разумеется, буду стоять я.

– План идеальный. И все же... Простые люди знают о жертвах. Они должны бояться, уважать, а не ненавидеть вас...

– Знаю. Поэтому я и ищу... Другой способ. Но, как видите, он безуспешен уже целый год.

– Да, с твоего возвращения уже целый год прошел. – Еще один голос заговорил с Брэндоном на «ты» и довольно дружеским тоном. – Забудь о прошлом, о том, что творится... Хотя бы на вечер.

Тут отгремел последний шаг принца, и, по закону подлости, он подошел вплотную к окну. Видимо я так сильно испугалась и была выдана собственным дыханием, что Брэд повернулся в мою сторону, чем вызвал новый прилив лихорадочного страха во всем теле.

Встретившись со мной холодным взглядом, он тут же повернулся обратно к окну, тщательно разглядывая красивейший сад.

Я ничего не понимала. Он просто не мог меня не заметить. Его глаза отчетливо смотрели прямо на меня, как всегда, в самое нутро – и вот он отворачивает голову и делает вид, что не заметил меня.

Почему?!

Мне никогда не понять этого человека.

– Я забываюсь ночами. Но если ты настаиваешь, Себастьян. – Брэд ухмыльнулся и, развернувшись в обратную сторону, подметил: – Иногда мне кажется, что в замке уставлены жучки.

Я чуть не подавилась воздухом от такого «тонкого» намека.

– Предлагаю перейти в переговорную и там обсудить наши планы и предстоящие мероприятия.

– Нет проблем. Я пока доложу обстановку в других местах... – И их шаги и голоса начали медленно удаляться от меня.

Я еще несколько минут так и стояла за шторой, пытаюсь уgomонить свое дыхание и волнение, что забурлило в крови. Переварила услышанную информацию, которая, опять же, только еще больше запутывала.

***

– Взбей мне подушки, – спокойно попросила Мэри, глядя на меня слегка снисходительно. Несмотря на то, что хотелось расцарапать эту стерву, я выполнила приказ, помня о том, что благодаря Меридиане я сплю в личном безопасном бункере, имею возможность мыться, когда захочу, и питаюсь вкусной пищей, а не мерзкой кашей из подземелья, больше похожей на объедки. К тому же, после случая утром я захотела сблизиться с принцессой – это единственный шанс вывести ее на разговор и утолить свое любопытство. Единствен-

ный шанс узнать: какого черта я вообще здесь оказалась.

– Как прошел ваш день? – начала я, хотя, обычно не задавала таких вопросов.

– Тебе что-то нужно от меня? – Мэри не обращалась ко мне по имени, потому что я до сих пор его не сообщила, а она и не спрашивала. – Лучше говори сразу.

– Нет, Ваше Высочество, – я устала сидеть на подушку, которую мяла чересчур сильно. – И все же мне не дает покоя один вопрос.

– Можешь его задать. – Принцесса сидела у зеркала и расчесывала свои длинные рыжие волосы. Обычно это делала одна девушка из ее свиты – Лия или Тесса.

– Почему мой палач послушался тебя? Ведь совершенно очевидно, что Брэндан управляет замком, народом, Парламентом... Всем! Ты... Вы здесь будто для украшения. Почему он не послушал его? – Я действительно не понимала, почему так вышло. Разве слово монарха – не истина в последней инстанции? У женщин в Англии уже несколько лет довольно мало прав. Их задача – продолжение Королевской династии, а не политические игры.

– То ли ты слишком умна, то ли слишком глупа. То ли некстати любопытна. Я не дам тебе ответа на этот вопрос.

– Это ожидаемо. Но попытаться стоило, – я направилась к двери, выжидая ее кивка, которым она обычно меня отпускала. Мне необходимо было помыться.

– Мне нравится, что ты можешь говорить, а не только

смотреть мне в рот. Лия и Тесса, порой, утомляют.

– Их вы не заставляете взбивать подушки и вытирать пыль в вашей комнате, – отшутилась я, нервно поправляя платье.

– Они – коренные англичанки, обе знатного происхождения. Они в свите, благодаря своему положению, а ты – потому что я не хотела оставаться в долгу перед Богами. Я и сама не знаю, что мне с тобой делать. Но пока ты не мешаешь, к тому же, Брэндан сейчас так занят, что я почти его не вижу. А значит могу избежать его гнева.

На ее губах появилась улыбка, образующая ямочки на щеках.

– К тому же, тогда ты защитила не только меня от Брэндана, но и Дэниэля... От смерти. Это очень большой долг. Ты спасла моего л... Друга, – осеклась она, но я и так прекрасно знала, что она хотела сказать.

Любимого.

Но в чем была проблема? Мы же не в средних веках, неужели она не могла встречаться с тем, с кем пожелает? Если это так, то во Франции с этим было гораздо лучше – все эти разделения по крови были весьма прозрачными, насколько я знала. Хотя, я слишком мало осведомлена историей своей собственной страны, чтобы судить о различиях в культуре.

– У вас сильные чувства? – вдруг ляпнула я, глядя на Меридиану в упор. Девушка покраснела.

– Чужая, ты очень бестактна, – захихикала она, и ее смех

выдал девушку с головой. – Дэнни... Он волшебный. Всегда рядом. И у него доброе сердце, несмотря на то, что он офицер...

– И как же начался ваш роман? – снова не удержалась я, совершенно забыв, что разговариваю с принцессой.

– Сначала он присылал мне анонимные письма... – мечтательно протянула она, все больше заливаясь краской. – Сначала я подумала, что это от Герцога, который давно ухаживал за мной – еще до возвращения Брэндана из... – Тут Мэри прикусила себе язык и встряхнула головой. – Неважно.

Улыбка с ее счастливого лица исчезла. – Можешь идти. Не покидай северное крыло – помни, что чем меньше ты попадешься на глаза Брэду, тем больше у тебя шансов на то, что он о тебе забудет. Так будет лучше, и мои отношения с братом наладятся.

– Вы почти раскололись, Ваше Высочество, – посмеялась я и скрылась за дверью.

Надо же, первая попытка сближения, и уже такие большие шаги вперед. Еще бы чуть—чуть, и она бы мне все выдала. Нужно чаще устраивать задушевные беседы, и психологические тузы манипулирования у меня в рукавах.

Глава 7

Flashback

. От третьего лица

– Кто тут у нас? Неужели, его Высочество Обманщик и Царевбийца? – Коренастый мужчина, больше похожий на

смертоносную машину, вошел в одну из камер, с вы́сока наблюдая за человеком без сознания свернувшимся на полу.

Под юнцом лет шестнадцати—восемнадцати редела алая лужа крови, которая стекала по его спине и плечам. В глазах слугителя Адинбурга не было ни капли жалости к бывшему принцу – это чувство было ему чуждо уже очень много лет.

Вслед за ним в камеру вошла еще парочка слугителей, которые с удовольствием разглядывали свое новое поле для издевательств и пыток.

Они и сами когда-то были пленниками Адинбурга, пока Король не позволил им стать слугителями. Он думал, что эта тюрьма позволит свести убийства в стране к минимуму – будущие пленники, совершавшие тяжкие преступления, должны знать, что их ждет, если они переступят черту закона.

Если бы только Король Джонатан знал, что когда-нибудь в одной из камер под пытливым взором слугителей будет валяться его сын...

Но Король был убит около суток назад вместе с женой и старшим сыном – Бастианом. На улицах царил хаос и беспредел – люди разделились на группы, и у каждой группы была своя правда о произошедшем.

– Какая честь, Ваше Высочество, – иронично отчеканил один из слугителей – его бездушный взгляд скользил по юноше с какой-то маниакальной кровожадностью. Затем он

пнул его в обнаженный живот, от чего Брэндон хрипло закашлял и открыл глаза, прозрев от боли.

У парня не было сил на сопротивление, несмотря на то, что он был не по годам силен и развит. На самом деле, он вообще сомневался в том, что выживет, после того как получил восемнадцать ударов розгами – как раз столько, сколько лет ему и было.

Он хотел что-то ответить ублюдку, лицо которого расплывалось перед глазами, но все слова застревали в горле. Запах собственной крови вызывал ужас, который он тщательно скрывал.

– Держите его, – бывшего принца схватили за запястья, пригвоздив к каменному полу лицом вниз. Он догадывался, что с ним будут делать, и про себя повторял только оно: «Только бы отключиться. Только бы не чувствовать.»

– Ты знаешь, ты заслужил это, Цареубийца. Ты совершил самое тяжкое преступление из всех возможных и за это оказался здесь. – Служитель затих, выдержав драматическую паузу. – Готов поспорить, ты мечтаешь о быстрой казни. Но твои унижения только начинаются... А мне выпала честь поиздеваться над сыном того, кто создал это место.

Брэндан услышал звук спичек – в камере мгновенно стало жарко. Не помня себя от злости и унижения, он начал биться головой о каменный пол – потая, пыхтя и обсыпая служителей проклятиями.

«Только бы потерять сознание. Ну же. Ну же... Давай». – Он бился и бился головой о пол, набивая себе многочисленные синяки. Но забвение не приходило.

– А теперь наказание понесешь ты, маленький принц, – с насмешкой произнес слугитель. – За Бастиана. За наше будущее, которое ты разрушил.

«За моего брата...», – пронеслось в голове, прежде чем Брэндан вспомнил человека, который всегда всю жизнь был рядом с ним.

Бастиан был ему больше чем брат. Он был ему наставником, другом, будущим Королем... Еще год назад он даже не мог представить, что когда-нибудь произойдет то, что происходит сейчас.

Это выглядело как проклятье, как злой рок, который внезапно свалился на его семью, страну и плечи.

Он даже не понял, в какой момент все начало меняться, и они с братом отдалились.

Но несмотря на то, что сейчас Брэндан терпел адские муки, он не мог отвернуться от Бастиана и обвинять его в чем-либо... Бас был мертв, и это все, что убивало и имело значение. Как и отец.

Как и его мама. Мама...

– Цареубийца, – подытожил Истязатель. В следующий миг Брэндан задержался в руках слугителей – то, что делали с мальчиком, было трудно передать словами.

Его раны, оставшиеся после плети, протыкались раска-

ленным мечом, который вонзали очень медленно и изящно – Служители умели находить тонкую грань между пыткой и смертью.

А принц был нужен им живым.

Сотни взрывов прошли по его спине, без остатка забивая душу принца. Боль ослепляла, ужасала и сводила с ума – он что-то кричал, хотя и обещал себе не делать этого.

«Только бы забыться... Прошу. Умоляю».

У него было такое чувство, словно с него содрали кожу. Наверное, так оно и было. Рубцы, оставшиеся на его теле, не стереть. Они навсегда отпечатаются на его жизни и будут служить клеймом, пока он не состарится в этом Богом оставленном месте.

«Бастиян... Прости... Я не хотел, чтобы так вышло». – Последняя мысль отдалась в нем новой порцией боли, и с размаху он ударился лбом о камень, погружаясь в темноту.

Всю оставшуюся жизнь он будет носить на лице шрам, пересекающий его бровь, который всегда будет напоминать ему об этом дне – о дне, когда начались долгие годы не прекращаемых пыток.

Брэндан

Я был слишком зол, чтобы вновь держать себя в руках. Ярость закипала в крови, она требовала освобождения, всплеска эмоций, руки так и тянулись к офицерам, на которых хотелось выплеснуть свою агрессию.

Фехтование всегда помогало в таких случаях, чем я и занялся. Однако, я опять дал волю эмоциям и не смог вовремя остановиться – проткнул плечо одного из офицеров, находясь в полностью одурманенном состоянии.

Это было не важно – солдату стоило бы быть более сильным противником. К тому же, его рана быстро заживет. Вид пролитой крови отрезвил меня, успокаивая.

В тот момент, когда я увидел красное пятно на его белой рубашке, осознал: я перехожу последнюю черту, стою на той самой грани между тьмой и светом, которая разделяла мою жизнь.

Вся моя жизнь была поделена на «до» и «после», и то, что было «до», – уже не важно.

Важно то, что сейчас, и то, что я должен делать, чтобы подчинить себе народы, страны, земли. Я делал ужасные вещи из мести, хоть и не вспоминал о ее причинах.

Одно воспоминание о том дне доставляло бы боль, делая меня, как прежде, слабым.

Адинбург вытянул из меня все человеческие привязан-

ности и чувства, делая толстокожим и сильным. В сердце я оставил место лишь для сестры, которой тоже уготована определённая роль в становлении меня как правителя. Она еще нужна мне... Хм, и пришлось даже смириться с ее выходкой на казни этой чужестранки.

Черт возьми, как же я хотел сломать эту неугомонную девицу. Но ее противостояние, упрямство бесили только больше, воспаляя мой интерес.

Самому себе я признаваться в этом не хотел, но борьба девушки заводила меня. Именно поэтому я был жесток со своими наложницами – ждал хоть какой-то бурной ответной реакции. Криков, упреков, чего—то настоящего.

Но в ответ лишь мгновенное преклонение перед моей волей – никто не смел перечить Королю и даже пробовать, как правило, не пытался.

Многочисленные девушки послушно вставали так, как я этого хотел, позволяя иметь их так, как я этого хотел...

Секс был отличной разрядкой для человека, на плечах которого лежит судьба доброй половины человечества. К тому же... В Адинбурге я был лишен плотских удовольствий на шесть лет, что теперь накинудся на женские блага с новой силой. Но это быстро приелось.

Красивые фигурки и мордашки, постоянно мелькающие под моим телом, слились в нескончаемый поток плоти.

Чужая пробудила во мне интерес – в тот момент, когда я проверял ее тело, я даже надеялся на то, что она будет той,

кто мне нужен. Я спокойно смогу удовлетворить свой интерес, не мучаясь угрызениями совести и отвращением, которое испытал бы, сношаясь с пленницей.

Никогда не спал ни с одной из них – те были еще сломленнее, чем обычные проститутки, и сделали бы все ради того, чтобы я их освободил, или наоборот – оставил в замке, но теперь уже в качестве одной из своих любовниц.

Покорность и невинность никогда не возбуждали меня. И теперь, когда в мои мысли, полностью занятые войной, кровью и решениями о том, какая часть земель будет охвачена завтра, постоянно вмешивались чужая и догадки о том, насколько она испорчена...

Я злился. В первую очередь, на самого себя.

На этот гребанный интерес, проявленный к этой... Дурнушке. Именно так я окрестил ее в своих мыслях, запрещая себе даже допускать мысли об играх с ней.

Это было бы так забавно... Узнать, сколько времени ей нужно, чтобы сломаться. День? Два? Насколько хватит ее пылкости и остроты языка?

Сама мысль прозвучала в голове настолько двусмысленно, что я невольно представил ее острый язычок там, где не следует.

Но то, что она устроила сегодня, окончательно вывело меня из себя. Скрывалась за шторой, намеренно подслушала мой разговор... Если бы она услышала хоть что-нибудь важное, в живых я бы ее точно не оставил. И как ей хватило наг-

лости на это?

Попав в северное крыло, я встал в тени одного из гобеленов, сам не зная, что здесь делаю. Я должен был отчитать ее, унижить, заставить понять, какую глупость она совершила.

Как только я сделал шаг вперед, чтобы выйти на свет, дверь в комнату девушки открылась, и она вышла. В руках она держала полотенце и что-то ласково мурлыкала себе под нос.

Как же это раздражало – вместо того, чтобы прозябать в темнице, как я и приказал, она наслаждается жизнью, хотя, разумеется, не заслуживает этого. Но... Я не мог заставить никого в замке осушаться приказа Мэри о том, что ей нужно сохранить жизнь.

На то была своя причина, которая прочным клеймом зависла над моим именем.

«Убей ее сам».

Это уже более вероятно. Но уничтожить ее быстро и человечно – вариант не для меня. Эта девушка – слишком интересная жертва, чтобы так легко с ней расстаться.

Чужая скрылась в ванной. Измерив коридор несколькими шагами, я выждал несколько минут и открыл дверь ключом, который был только у меня и у Хранителя ключей от замка. Бесшумно.

Когда я попал внутрь, моему взору открылся вид на обнаженную спину девушки. На моих глазах она снимала с себя длинное платье.

Длинные каштановые волосы, сцепленные гребнем на макушке, разлетелись, задевая хрупкие лопатки. Девушка провела ладонью по своему плечу, медленно спуская рукав с руки, затем другой. На ее талии еще оставалось платье, которое вслед за рукавами медленно спустилось вниз, оставляя ее в нижнем белье.

Дверь за моей спиной скрипнула от порыва ветра, и она тут же обернулась, резко натягивая на себя ткань, прикрывая грудь.

– О, Господи! – вскрикнула она, и на лице девчонки отразилось удивление, а вслед за ним и страх.

– Меня вполне устроит, если ты будешь называть меня «Ваше Высочество». – Я старался не смотреть на нее, как на женщину, но не мог. Она не была неземной красавицей и не была похожа на Англичанок – с ними ее объединяла только бледность кожи.

В остальном она была слишком необычна для моего взора – настолько, что хотелось ее рассматривать. Широкие брови, делающие ее еще более юной – я точно и не знал сколько ей. Шестнадцать? Надеюсь, что все-таки восемнадцать. Темные волосы, которые были так редки в нашей стране. Глубокие карие глаза, вечно осыпающие меня шквалом осуждения и негативных эмоций.

Эта девушка ненавидела меня и не скрывала этого – от того только больше хотелось ее... Преклонить.

С тяжестью на сердце я признал, что за последние две

недели она похорошела, и от темных кругов под глазами не осталось и следа.

– Ты подглядываешь! – забыв о том, с кем говорит, завизжала она, на что немедленно захотелось закрыть ее бурный ротик.

– Кто бы говорил, *sordida*. Подглядывала сегодня ты. Думала, останешься без наказания? – ухмыльнулся я, приближаясь к девушке. В ванной плескалась вода, которую она успела включить.

– Я... Не подглядывала! Это вышло случайно. Я просто гуляла, а потом услышала ваши шаги...

– И решила подслушать?

– Нет! Я...

– Ты не хотела попадаться мне на глаза, – без слов понял я, пронзив ее обжигающим взглядом. – Трусиха.

– Я не боюсь вас, – огрызнулась она, крепче прижимая к груди платье.

– О, да.

– Если вы немедленно не покинете ванную комнату, я... Будет... Я совершу покушение на вашу Королевскую... Задницу! – выпалила она, сжимая зубы. Впервые за долгое время я был готов искренне рассмеяться рядом с девушкой.

– Когда ты рядом со мной, твоя задница находится в большей опасности. В самом прямом значении этого слова.

Тут девушка замерла, опешив от моих слов. Потом попятилась назад, упершись в бортик.

– Только попробуйте меня тронуть.

– Мне не нужно твое разрешение, глупая. – Окончательно разозлившись, я преодолел расстояние между нами, схватившись руками за края ванной.

Она снова оказалась в опасной близости от меня. Грязная девушка. С грязной кровью...

Да только пахла она слишком хорошо, чтобы быть не сладостью, а горечью. Пряный, пудровый запах – но не приторный.

– Ты должна быть наказана, помнишь? Или... У тебя есть что мне предложить?

Сузив глаза, я уставился на ее шею, на которой отчаянно пульсировала жилка. Она и вправду так боится. Или возбуждена... И венка выдает ее с головой.

– У меня абсолютно ничего нет, потому что ты все у меня отнял! И мне плевать, я буду разговаривать с вами так, как захочу, потому что вы можете делать со мной что угодно – я не сдамся. Хочешь – казни, хочешь – пытай. Мне плевать!

– Ну, пока я не отнял у тебя главное. Честь. Достоинство. Ты очень гордая... Глупая маленькая девочка. – Я не касался ее руками, но лишь считанные сантиметры разделяли нас.

Я давно не чувствовал такого прилива сил, азарта охотника, обнаружившего редкую добычу. Это чувство было похоже на наваждение. Я и сам не знал, чего хочу больше – покалечить ее, чтобы она наконец поняла, с кем имеет дело, или вцепиться зубами в ту самую жилку на шее, что так призыв-

но билась под кожей.

Ее губы приоткрылись – она хотела ответить мне, связать, но вместо этого отвела взгляд в сторону, почти отворачиваясь от меня. Словно я не был принцем, не был даже человеком, достойным общения с ней. От этого пренебрежительного жеста в мою сторону злость в крови пробудилась с новой силой.

– А ты, видимо, хочешь поиграть со мной. – Одной рукой я вцепился в ее талию, бесстыдно оголяя грудь девушки. – Раз тебе суждено остаться в замке, то это будет по моим правилам.

Она вздрогнула, пытаясь отстраниться – как можно сильнее вжаться в бортик ванной, что, естественно, ее не спасет. Мой взгляд пробежался вниз от знакомой вены на шее, по бессильным ключицам, направляясь к ложбинке между полных грудей.

С каким-то победным удовлетворением я отметил, как ее розовые соски на молочно—белой коже затвердели под моим взглядом, позволяя увидеть их во всей красе.

– Вы. Меня. Не тронете! – Нет, она не отбивалась от меня – девушка прекрасно делала вид, что я ей противен, причем настолько, что она даже не желала ко мне прикасаться.

Что ж, это звучало как вызов. А я никогда не отказываюсь от борьбы – будь то поединок, дуэль или просто тренировка. И я никогда не проигрываю, а самых бунтующих жертв люблю хорошенько помучить перед смертельным ударом.

Не зря же судьба спасла ее от казни. Так и быть, пусть это принесет хоть какую—то пользу.

Игра начинается.

Кенна

– Я говорил, ты не в моем вкусе. Я передумал. – Его тихий шепот вводил меня в транс и ужас одновременно. Почувствовав, как его рука легла под моей грудью и сжала ребра, я задрожала – мужчина никогда не прикасался ко мне так медленно. Так властно.

С Гаспаром все было настолько иначе, что в эту самую секунду вновь почувствовала себя невинной.

Палец Брэндана скользил вокруг моего соска, вырисовывая на коже витиеватый рисунок. Я была так унижена – я, именно я... Моя душа, мой разум и гордость. Еще унижительнее было бы отбиваться, умолять его не делать этого, прекрасно зная, что Брэндана ничего не остановит...

И его слово закон.

А вот мое тело зажило своей жизнью, наполняясь сладкой истомой.

Я встряхнула головой, пытаюсь снять с себя объятия дурмана.

– Добровольно я не дамся никогда. Если вам нравится насиловать женщин – пожалуйста, – снова задержала я, надеюсь, что, как и в случае с казнью, мое притворное согласие подействует.

– О, ты не представляешь, как я люблю... – Он посмотрел мне в глаза, зажав мой сосок между большим и указатель-

ным пальцем. – Насиловать. Да только у меня нет такой возможности, поскольку мои наложницы только «за», и интерес к процессу пропадает. Думаю, ты понимаешь, о чем я...

Его глаза потемнели до цвета черного сапфира.

– Это звучит... Ужасно. Вы... – Неожиданно для себя я всхлипнула, впадая в отчаянье. – Садист. Мерзкий садист, и я буду вас так называть, пока вы не сгорите в Аду.

– Я там уже был, грязная девочка. И, как видишь, отделался парой шрамов. – Мой взгляд упал на отметину на его скуле и поперек брови. Они не уродовали его, но значительно портили выразительные черты лица принца.

Я ничего не ответила. Я лишь пыталась совладать со своим дрожащим от его... Грубой ласки, телом.

– Я насирую их. Этих девушек, – шепнул он, приближаясь к моим губам. Рука Брэда заскользила по моей груди и ребрам – он резко сжал их в ладонях, соединив вместе.

Я не понимала, как меня еще ноги держат – каждое его касание заражало похотью.

– А им нравится... – продолжал приговаривать он тихо. – Я беру их, разворачивая к себе спиной. Нагибаю, чтобы не видеть лиц. Поэтому ответь мне на вопрос, Sordida. Ты хочешь быть одной из них?

Я была готова упасть в ванную, лишь бы избежать ответа на этот вопрос.

– Нет, – твердо проговорила я. Я никогда не буду «одной из».

Лицо Брэндана стало еще мрачнее, хотя, казалось бы, куда еще. Нахмурившись, он глянул на меня исподлобья, положив руку на затылке так, чтобы я не сводила с него глаз.

Издав гортанный рык, мужчина вжался в меня пахом, нетерпимо шлепнув по ягоднице. Его рука тут же поползла по моим бедрам, сжимая, сминая кожу до красноты.

Если бы он не держал меня, я бы упала. Остатки гордости превратились в пыль, а кожу саднило от его грубого удара.

– Имя! – проорал он в мои губы, прижимая к себе еще сильнее. Настолько, что я начала чувствовать его твердую плоть. – Скажи мне свое имя, иначе я трахну тебя так, что ты и вправду его забудешь.

Я отвела руки в сторону, лихорадочно цепляясь за свои волосы. Гребень в моих локонах мог послужить оружием.

– Отпустите... – добавляя голосу невинности, попросила я. Мои руки были задраны за голову, от этого моя грудь предстала перед ним в еще большей красе, чем прежде.

Я с ужасом поймала себя на мысли о том, что его голодный взгляд на моих сосках, его теплые пальцы, ласкающие кожу плавят меня... Перед незнакомым чувством. Обещают и манят, обволакивая разум.

Почему все не так, как с Золотозубым? Мой мозг ненавидел его, и каждое его движение вызывало отвращение. Неужели я настолько бесхарактерная, что не могу устоять перед притягательностью принца?

Я взглянула на него сквозь опущенные ресницы. Непри-

крытая дьявольская красота.

Передо мной был молодой мужчина. Хмурый, темный и... Опасный.

Будь он обычным человеком без сумасшедшей внутренней силы и харизмы, я бы его не заметила. Но именно это все дело его таким сексуальным и притягательным, несмотря на шрамы, уродующие его когда-то идеальное лицо.

– Назови мне свое имя, тварь. Назови его, – приказал он, поглаживая мой подбородок рукой. Тут его палец проник в мои раскрытые от страха губы и заскользил по языку.

Я еле сдерживалась от того, чтобы откусить ему палец. И хранила молчание. Игнорирование проблемы зачастую может решить ее... По крайней мере, я на это надеялась. И зря.

– Хорошо. Если ты не боишься смерти, скажу прямо: там, внизу, больше сотни пленниц, таких же как ты. Я буду убивать их одну за другой, пока ты не скажешь свое имя.

Он сумасшедший.

– Ты хочешь этого? Хочешь быть убийцей? – Брэндан очевидно бесился из-за того, что я настолько не подчиняюсь ему, что даже не могу назвать свое имя. – ГОВОРИ!

Его голос эхом разлетелся по комнате, звуча для меня как выстрел.

– Меня зовут... – Для того чтобы отвлечь внимание, я всосала его палец в рот, облизнув языком. На миг его глаза затуманились еще большим желанием.

Пользуясь моментом, я достала из волос гребень и, при-

ложив все силы, расцарапала его ключицы.

Кровь заполнила разворот его рубашки, но я прогадала – я должна была перерезать выше.

Я наивно полагала, что он падет на пол и закорчится от боли, но принц, казалось бы, и не заметил, как я нанесла ему телесное повреждение.

Только сморщился, слегка зашипев, и еще сильнее скользнул пальцем в мой рот.

– Сука. Ты не представляешь сколько стоит капля моей крови.

Ну и самомнение у ублюдка...

– В отличие от грязи, что течет в твоих венах.

– В моих венах – не грязь, – огрызнулась я, когда его палец надавил на мои губы. Он заскользил по ним, будто не мог от меня оторваться.

– Это легко проверить, и я уже это сделал. – Брэндан приблизился ко мне, обдав мятным дыханием. – И все же мои инстинкты просят о большем рядом с тобой. Я справедлив. И я ценю храбрость.

– Не пристало Королю домогаться до грязнокровки... – с издевкой заметила я.

Левая рука Брэндана смяла мою ягодицу, и он плотно вжался своим членом в мои бедра.

– Знаю. Буду считать это ошибкой. На сегодня, – прошептал он, позволяя мне почувствовать насколько он возбужден. – И я подумаю, что мне с тобой делать. – Пальцами он

поправил залитый кровью воротник рубашки и потом снова прижал их к моим губам – я ощутила во рту вкус железа, и мой разум окончательно погрузился в глубокий транс, над которым властвовал Брэндан.

Когда он делал такие вещи или даже просто находился рядом, я будто бы теряла себя... Не знаю, что за дикая сущность во мне просыпалась, но я намерена искоренить ее из своего тела, прежде чем принц поймет, что может иметь надо мной некую власть.

Это не правда.

Он всего лишь человек – высокого ранга, происхождения, но все же человек.

С силой нажав на мою губу, он в последний раз окатил меня ледяным взглядом, который обжигал сильнее пламени, и, чересчур нервно и резко отстранившись от меня, направился к двери.

Он уходил так, будто боялся, что какая-то неведомая сила не позволит ему этого сделать. Но, наверное, мне это привиделось, потому что, как только он скрылся из виду, я резко втянула воздух в легкие, очнувшись от забытья.

Только вкус его крови и боль в моих скулах напоминали мне о том, что Брэндан был здесь и делал весьма недвусмысленные намеки в мою сторону...

«И я подумаю, что мне с тобой делать».

Это звучало для меня более жутко, чем: «Хочешь смерти? Да будет так». Ибо для меня не было ничего страшнее, чем

принуждение к чему—либо или лишение свободы...

Мои ноги до сих пор были ватными, и, пытаясь прийти в себя, я наспех вымылась, так и не насладившись вечерней ванной, и убежала в комнату, заперев дверь на два замка.

Не знаю зачем, но я поставила под ручку двери стул, но это все равно не принесло мне покоя, а паранойя не давала уснуть.

Зачем ему эти пленницы? Зачем теперь и я? И как мне сбежать?

Три вопроса, без конца крутившиеся в голове, заманивали сознание в тупик до тех пор, пока я не провалилась в сон.

Наполненный кошмарами.

Глава 8

Кенна

Дни вновь превратились в скучную бесконечность. Единственным развлечением для меня являлось чтение – я часами переворачивала страницы книг на чужом языке, каждый раз все больше и больше вникая в написанное. Для меня это было некой тренировкой английского, ведь до этого я понимала и говорила только на «примитивном» уровне. Но книги открыли мне новый мир, полный не только волшебных событий и интриг, но и красотой нового языка.

А еще этот мир был полон эмоций, которые я бы никогда не испытала в реальности.

Когда я жила на ферме, постоянно думала о том, что моя жизнь скучна и однообразна, и мне не хватает чего—то яркого и запоминающегося. И вот, пожалуйста, – это событие совершилось, да только мои приключения закончились, едва начавшись.

Мой скверный характер. Сплошные противоречия самой себе...

О Брэндане я старалась не думать, боясь собственных мыслей. Как только я закрывала глаза, перед внутренним взором вставала его кровь, проливающаяся на ключицы, на его кожу, к которой я хотела прикоснуться...

Его образ словно держал меня на аркане – постоянно преследуя, испытывая на прочность. Его плоть, возбужденная

моим полуобнаженным телом... Как бы я не убежала от этих мыслей, они начали преследовать меня, как болезнь.

Мешается, бесит, а избавиться не можешь. Только это была болезнь неизвестная лекарям, и я понятия не имела, как она может лечиться.

Гаспара я всегда оценивала с помощью трезвого ума, несмотря на то, как смотрели на него другие девушки. Когда он проходил по городку в своей парадной военной форме, они в его сторону головы сворачивали и обсыпали меня завистливыми упреками.

В один из вечеров я зашла к Меридиане, чтобы спросить не будет ли у нее еще каких-либо поручений ко мне, и была удивлена, когда застала ее в раздавленном состоянии.

– Уходи! – заявила принцесса с порога, пытаясь захлопнуть перед моим лицом дверь. Тогда зачем нужно было ее открывать?

– Ваше Высочество. – Я проявила упрямство и проникла в комнату Мэри. Вгляделась в красные глаза девушки и на щеки, усыпанные слезами.

– Уходи, я сказала! – завизжала она, бросаясь на кровать. Новая порция рыданий Мэри прервала ее крики в мою сторону.

– Может, я могу чем-нибудь помочь? Это из-за... Даниэля? – осмелев, поинтересовалась я, садясь на край кровати принцессы. Не знаю, с чего я взяла, что имею права лезть в душу к человеку такого уровня. И все же... Осмелилась.

– Отстань... Прошу тебя, уйди! – Мэри взвыла и схватила с тумбочки носовой платок, который был уже битый час как мокрый от ее слез.

– Меридиана, вы можете рассказать мне. Поделиться. Станет легче, – тихо прошептала я, изобразив на лице самый понимающий вид из тех, что имела в запасе. – Вы же знаете, я здесь ни с кем не общаюсь – ваша тайна останется со мной. Вы можете мне доверять. Вспомните...

Я могла быть очень убедительной в моменты, когда желала удовлетворить свое любопытство.

– Даниель... Он...

– Обидел тебя? – Я не заметила, как перешла на «ты», но принцесса, кажется, пропустила такую вольность мимо ушей.

– Нет... Он замечательный. Я так сильно его люблю... Он бы обрадовался, если бы узнал... Но нам нельзя... Боже, какая я дура... Он убьет нас троих...

Я не совсем понимала, о чем она говорит. Я просто взяла Мэри за руку и крепко сжала ее ладонь.

– Успокойся. Все не так страшно, я уверена. Ты изменила Даниелю? Почему троих? Выскажись, и тебе станет легче.

– Я беременна! – вскрикнула Мэри, после этого мгновенно замолчав. Я застыла, глядя в ее глаза и искаженное болью лицо.

Абсолютная тишина только усугубляла драматичность момента. Восемнадцать лет. Ребенок. Для всей Европы это

был еще детский возраст для рождения первого ребенка. Как правило, люди не рожали раньше двадцати восьми, в крайнем случае, двадцати пяти лет... А тут...

Передо мной сидел ребенок, да я и сама считала себя таковой.

До того дня, пока Брэндан не посетил меня в ванной...

– Мэри, но это же... Нормально. Ребенок – это хорошо, тем более ты любишь Даниэля... – Это первое, что пришло мне в голову. Девушка тут же зарыдала в два раза громче, от чего мое сердце затрепетало от жалости.

– Ты не понимаешь! Это конец... Конец всему...

– Но почему же? Это ребенок. Это радость. Наследник...

– О нет, только не это... Дурацкое... Слово... НАСЛЕДНИК! Брэндан не должен ничего знать об этом ребенке... Тем более от Даниэля...

– Тебе нельзя нервничать, тихо. – Окончательно забыв, с кем разговариваю, я обхватила Мэри за дрожащие плечи и крепко обняла. – Этот ребенок – дитя любви. Все будет хорошо. Ты сестра Брэндана. Откуда у тебя такие мысли... Он, конечно, жестокий, но не до такой же степени. Он же... Не посмеет что-либо сделать с беременной сестрой?

– Еще как посмеет. Не со мной, но сделает. С ребенком. Он убьет Даниэля... С позором, – захлебываясь новой порцией слез, проревела она.

– Объясни мне.

Она чересчур резко замотала головой, округлив и без того

большие глаза.

– Н—нельзя.

– Ты можешь мне доверять. Я здесь никто, я никогда не расскажу об этом Брэндану. Я просто хочу помочь тебе.

Я говорила очень убедительно, и принцесса начала сдаваться... Ее можно понять – на ее сердце лежала непосильная ноша, которую она хотела с кем-нибудь разделить.

– Он... Мне нельзя иметь ребенка. До коронации Брэндана. А коронация Брэндана невозможна до тех пор, пока он не вступит в брак... И будет это, скорее всего, не скоро. Мой брат пока не способен разделить свою спальню с женой и представить кого—либо народу. И я сомневаюсь, что это ждет его в ближайшем будущем...

– Неужели он не женится даже ради короны?

– Нет, – огрызнулась вдруг Мэри, явно что-то недоговаривая. Только вот я совершенно не понимала, какой подвох здесь спрятан. Брэндан так одержим властью... Почему бы не жениться? Получить корону и все права, которыми он сможет без труда задавить Парламент. – Он не женится. Я догадываюсь почему, но я не буду рассказывать тебе причину. Брэндан... Изменился.

– Из-за Адинбурга? Это что-то вроде тюрьмы? Почему он был туда отправлен?!

– Это место хуже, чем тюрьма. Боюсь представить, что он там пережил, – вдруг тихо сказала она, опуская взгляд. В ее глазах было столько скорби, что мне самой постоянно пере-

давалась эта боль... Боль от потери.

– Он был отправлен туда, потому что нарушил закон.

– Но он же принц! Что он мог такого сделать... Сейчас он, почему—то, спокойно издевается над всеми, а я сомневаюсь, что искалечить другого человека – это в рамках закона! Как и держать пленниц! Держать здесь меня!

– Раньше все было иначе. При родителях. Король и Королева вместе с Парламентом имеют безграничную власть. Брэндан был наследником. Сейчас же – он сам себе закон, и только я могу встать с ним рядом. И все же не могу, потому что... Все слишком сложно, Чужая...

– *Кенна*, – выдавила я, поглаживая принцессу по ладони. Она посмотрела на меня так, будто я только что что-то произнесла на Французском.

– Это твое... Имя?

– Да. Кенна. По крайней мере, так меня называли... В месте, где я жила. Я не знаю своего настоящего имени, потому что потеряла все свои воспоминания до семи лет. Моя жизнь начинается с этого возраста. – Когда-то я произнесла эти пару предложений Гаспару, и он смотрел на меня точно так же, как смотрит сейчас на меня Меридиана.

– Это... Жутко. И ужасно.

– Сначала мне тоже так казалось. Но потом... Я привыкла. Если все время думать о прошлом, можно упустить настоящее. Не так ли?

Мэри вытерла слезы с ресниц, все еще тихонько всхлипы-

вая.

– Я бы многое отдала, чтобы мои воспоминания о прошлом были стерты. А Брэндан... Уверена, он отдал бы за это половину своих земель.

Я вновь была заинтригована. Мне было трудно представить себе, что воспоминания могут быть настолько ужасными, что проще и вовсе отказаться от них, чем помнить... Каждый день.

– Но, в случае с тобой, это чудовищно. Все так...

– Так, не смей плакать. Продолжай рассказывать мне все, как есть, – строго наказала я, понимая, что принцесса в состоянии аффекта. Ей действительно необходимо выговориться.

– Мне нельзя иметь ребенка – это все, что я знаю. Он... Может... Помешать Брэндану... Стать Королем. А это все, чего он хочет.

– Но как твой ребенок может помешать ему? Брэндан же первый в очереди на престол! Он принц!

– Не первый... У нас был брат – Бастиан. Он погиб. – Глаза Мэри затуманились, и она схватилась за голову, больше походя на умалишенную.

– Его убили, как и ваших родителей? – продолжала давить я, но тут же наткнулась на холодную стену молчания. Мэри одним взглядом ясно дала мне понять, что Бастиан – запретная тема для разговора.

– Ребенок... Он от Даниэля. Я так его люблю... Но не

знаю, что делать. У меня есть пять месяцев... Примерно... Какое—то время я смогу прикрывать беременность под одеждой, а потом... Он убьет Даниэля. И я боюсь представить, что будет с ребенком... Девочку он пощадит, возможно, даже обрадуется. Но мальчику пощады не будет.

У меня мурашки прошлись по телу от ее слов. В очередной раз я убедилась, что жестокость Брэндана не знает границ — новая волна ненависти заставила меня снова сжечь его на костре собственных мыслей.

Ублюдок. Истязатель. Дьявол. Его самого не нужно щадить...

— Кенна, Брэндан знает, что делает. Да, он ведет жестокую войну, но я все еще верю, что он преследует благую цель, в глобальном смысле этого слова. Он хочет сделать Англию непобедимой. Это не так плохо для нашего народа, и он считает, что вправе чем-то жертвовать... Понимаешь?

— Нет.

Я не понимала. Пусть, я была далека от военных действий, но знала, что творится на севере нашей страны. Голод, постоянные подати государству — на оружие, на танки, на боевые ракеты. От этого люди не знают ничего, кроме страха и боли. Лишь малая часть Франции не затронута всем этим — в частности, моя ферма. Хотя, и на нас война немного отразилась — еды стало гораздо меньше, потому что почти все мы отправляли в крупные города. Но поскольку я не ела мяса, то не сильно замечала разницы. Братья всегда говорили, что

я питаюсь как птичка.

– Он хочет объединить наши страны. Если Франция и другие сдадутся, то война закончится.

– Мы не собираемся быть рабами! – огрызнулась я, чертовски злясь на капризную принцессу. Она не понимает, о чем говорит – ей с рождения неведомо рабство. А вот я теперь прекрасно знаю, что такое плен и пресечение воли человека.

Самое большое, что может потерять человек, – это право самому принимать решения.

– Не рабами...

– Почему ты оправдываешь своего сумасшедшего брата, который способен убить твоего ребенка?!

– Я... Он моя семья, Кенна. Он все, что осталось от моей семьи. И я... Дорога ему. Я знаю.

Я очень сильно сомневаюсь в том, что Брэндан к чему—либо сильно привязывался.

– Ты не знаешь, каким он был. Совершенно другим. Посмотрела бы я на тебя, если бы тебя шесть лет пытали...

– Это его не оправдывает. Его не стоило допускать к правлению. Шесть лет пыток нанесли на него отпечаток, и теперь он безумец!

– Тебе бы голову с плеч за такие слова... – ахнула Мэри, положила руку себе на живот.

– Но ты же знаешь, что я этого не боюсь.

– Знаю. А теперь прошу, уходи, Кенна. Я и так от боли

была слишком с тобой откровенна... А теперь жалею. Уходи. Это приказ! – уже громче велела она. И в последний раз сжав ее ладонь, я направилась к выходу. – Стой, – остановила принцесса, но я не повернулась. Только прислушалась к ее печальному голосу. – Завтра будет прием в честь годовщины возвращения Брэндана. Я хочу отблагодарить тебя... За верность. Ты приглашена в качестве моей Фрейлины.

Я вспомнила Брэндана.

– Спасибо, но я, пожалуй, откажусь.

– Там будет возможность выйти в сад. – Это были последние слова, которые я услышала от принцессы. Закрыв за собой дверь, направилась в свою спальню, стараясь не поддаваться искушению.

Что меня больше всего интересовало в приеме, я так и не поняла: возможность выйти на улицу или столкнуться с Брэнданом лицом к лицу после всего того, что произошло в ванной?

Flashback. От третьего лица

– Брэд, прошу тебя, не уходи далеко от охраны, – молодая женщина с ребенком на руках обратилась к своему сыну. Все, кроме ее утонченности в каждом движении и прямой осанке, умалчивало о том, что она королева. Дни, когда Королевская семья выбиралась в свет, были очень редки, но, когда они наступали, и Джонатан, и Кэтрин старались одеваться просто – так, чтобы сильно не выделяться из толпы.

Только самые внимательные туристы и горожане могли бы заметить шлейф охранников, преследующий семью чуть поодаль.

– Мама, ну, мне не интересно здесь. – Мальчик примерно десяти лет выглядел недовольным: он не любил, когда ему приказывают, что делать и куда идти. Брэд огорченно посмотрел на маму, а потом на стаю розовых птиц, разместившись возле маленького озера. Фламинго.

– Мэри очень нравятся эти птицы. Правда, Мэри? – Кэтрин улыбнулась малышке, которую держала на руках. – Брэндан, ты же хотел погулять вместе, почему ты не можешь оставаться с семьей?

– Бастиан и папа ушли, почему я должен стоять с девочками?! Я хочу в вольер к хищникам! – На губах мальчика появилась хитрая улыбка – такая всегда появлялась на его

лице, когда он затевал очередной маленький бунт.

– Они пошли за мороженым... И поговорить. Бред, прошу, не привлекай внимание. Не хочу, чтоб к нам пристали папарацци.

– Ну, мам...

– Брэндан! – попросила ребенка Кэтрин, начиная утомляться от постоянных споров с ним. Ее сын так быстро выросл. И она гордилась им и в то же время боялась того, что ждет мальчика в будущем. Что будет, если все узнают правду?

Она отогнала от себя плохие мысли, глядя в его темно-синие глаза. Никто из ныне живущих членов Королевской Династии не обладал радужской такого цвета.

В голове автоматически возникла мысль о том, сколько сердец он разобьет, когда вырастет. Впрочем, как и Бастиан. Мэри было всего около двух лет, поэтому за нее она не переживала так сильно. Пройдет еще очень много времени, прежде чем она начнет интересоваться мальчиками.

– Ладно. Здесь неплохо, – наконец уgomонился младший сын, глядя на фламинго со скучающим выражением лица. Зоопарк Лондона летом преобразался, потому что простирался на открытой территории одного из национальных парков. Животные здесь были представлены без клеток, не считая Буйволов и Горилл. Остальные же располагались на своей отдельной территории за маленьким забором, который смогла бы перелезть даже Мэри. Разумеется,

переходить за ограду забора было строго—настрого запрещено, о чем свидетельствовали постоянные предупреждающие таблички, развешанные администрацией зоопарка.

—Мам, а почему никто не нападает на нас? Разве животные не хотят сбежать? — Они прошли вперед к площадке с кенгуру, которые лениво развалились на солнышке.

— Видишь эти черные коробки на деревьях? Они издают звук, который человек уловить не может. Они отпугивают животных от ограды. К тому же, здесь их кормят, и они ни в чем не нуждаются. Я думаю, животным нравится здесь.

— Но они же как будто в плену. Это ужасно. Ни дня бы не стерпел в плену!

— О, в этом я не сомневаюсь, — рассмеялась Кэтрин, любясь сыном. — Ты слишком гордый и упрямый.

— Папа говорит, что таким и должен быть будущий король. — С амбициозностью взрослого заявил мальчик.

— Будущий король — Бастиан. Он старше. Надеюсь, тебя это бремя не коснется. Быть королем не так просто, как ты думаешь.

— Я знаю. Я был бы готов к этому, если бы не Бас. Мой первый указ был бы о том, чтобы выпустить животных отсюда.

— Почему? — Они шли по зоопарку и разговаривали. Кэтрин обожала такие дни — она была счастлива от того, что у них такая большая и дружная семья. Да, она не всегда успевала проводить время с мужем, а теперь еще и

с сыновьями, которые проходили постоянное обучение. Но она знала самое главное – они все любили друг друга. И доказательством этой любви была Мэри.

– Они заперты. Лишены воли. Первым – выпустил быльвов. Представляешь, какво царю зверей в неволе? Его бьют, когда он не слушается, кидают ему готовое мясо, в то время как он рожден для охоты. – Мальчика аж передернуло от этой мысли, а Кэтрин еще раз отметила про себя, что ее сын стал слишком взрослым.

– Ты фантазер. Знаешь, я думаю тебе стоит обсудить это с Басом, когда он станет королем. Ну, а пока...

– Меня обсуждаете? – Бастиан и Джонатан вернулись с мороженым в руках. Джонатан кивнул охране, которая стояла недалеко, о том, что все нормально, и можно не приближаться так близко.

Бастиан и Джонатан выглядели как абсолютные копии друг друга – создавалось такое впечатление, что Джонатана просто клонировали. Те же строгие черты лица, темно—карие глаза круглой формы. Брэндан был мало похож на Винзоров, если не считать выразительные скулы и слегка заостренный подбородок.

– Есть немного.

– Я что-то уже перехотел мороженое. – Брэндан отказался от своего рожка, глядя вдаль.

– Еще бы, у него пропал аппетит, потому что ему жалко животных.

– Эй, брат, ты чего? Им тут живётся как в пятизвездочном отеле. – Бас потрепал младшего брата по голове, рассмеявшись. Ему совсем недавно исполнилось пятнадцать.

– Пап, а ты можешь написать указ о том, чтобы в нашей стране были запрещены зоопарки? – на полном серьёзе спросил Брэндан, обращаясь к Джонатану.

Король нахмурил брови, глядя на Кэтрин. Она знала, о чем тот думал – у Джонатана было слишком много государственных дел, и проблема человеческого обращения с животными была последней в этом списке.

– Брэд, это невозможно. Я лично знаю директоров зоопарков и национальных парков. Обращение с животными тут замечательное. К тому же, если бы не такие места и не редкие дни, как этот, мы бы вечность сидели в замке – радуйся возможности выйти в город.

Джонатан и сам был счастлив: весь день с семьей на свежем воздухе. В замке они постоянно были на виду и обращались друг к другу совсем иначе.

– Да, день хороший. Теплый, – произнес Бас, и они отправились вперед, обсуждая то, куда отправятся вечером. Впереди был запланирован ужин в ресторане, и, хоть в Замке они могли бы отведать любое блюдо в любое время дня и ночи, им был приятен сам факт выхода из четырех стен.

Каждую возможность погулять где-то вне территории дворца Кэтрин расценивала как подарок.

– Брэд, разве они не выглядят счастливыми? – Бас обра-

тился к брату, показывая на двух жирафов в следующем открытом вольере.

Но ответа не последовало – Кэтрин с ужасом обернулась по сторонам, понимая, что Брэндана рядом с ними нет. Почувствовав неладное, она хотела поинтересоваться, каким местом думала охрана, но один из гвардейцев уже спешил к Джонатану.

– Не знаю, как это вышло... Он... Ваш сын... Он побежал и...

– Говорите! – рявкнул Джонатан, убивая взглядом гвардейца.

– С ним все в порядке. Он... Просто... Пойдемте.

– О, Брэндан решил нас повеселить, – посмеялся Бас, но тут же наткнулся на предостерегающий взгляд матери. Кэтрин, уж точно, было не до смеха – она всегда слишком сильно переживала за детей.

Через три минуты они оказались в зоне, где расположены вольеры с хищниками.

Джонатан и Кэтрин обеспокоенно переглянулись, когда подошли ближе к одному из маленьких заборов.

В следующую секунду у Кэтрин сердце остановилось от страха – она еле сдержала крик, который напугал бы ничего не понимающую Мэри.

– Вот дает, – только и сказал Бас, скрестив руки на груди. – Брэд, иди сюда. Уходи оттуда немедленно!

– Почему вы не стреляете? – взревел Джонатан, глядя

на гвардейца, покрывшегося испариной. – Как вы это допустили?!

– Ваше Величество, если выстрелим хоть в одного, боюсь, другие... Нападут на Его Высочество... – не глядя по ту сторону забора, бормотал он.

– Тише, – очень спокойно произнес Брэндан, ступая босыми ногами по траве, возвращенной в вольере. Впереди него были небольшие камни, сложенные в скалу. Своеобразная иллюзия жизни для таких животных, как львы. Брэндан пришел сюда, чтобы просто посмотреть на них... Хоть одним глазком.

Но, когда он увидел одного, лежащего на одном из камней скал, то не выдержал его взгляда, полного скорби.

Лев был один, все остальные – львицы, так же лениво валяющиеся рядом с ним. Одна из львиц ходила по камню взад – вперед, видимо, сходя с ума от того самого «ультразвука».

Брэндан шел к ним вперед, стараясь уговорить бешено стучащее сердце. В первый раз в жизни он испытывал такой адреналин, и, несмотря на то, что это было жутко, он чувствовал себя королем мира.

Лев заметил, что чужак ступил на его территорию, и встал, ужасая Брэндана своим видом. Глаза хищника тут же загорелись, а оскал и утробный рык не сулили ничего хорошего. Кажется, он услышал, как за спиной тихо заплакала мама.

Львицы тоже встрепенулись, окружив разозленного льва. Животное, определенно, смотрело на Брэндана как на обед: не моргая и с вызовом.

Мальчик, тем временем, ступал к нему ближе, слегка вытянув руку вперед. Его веки тоже не закрывались – он почему-то чувствовал, что любое, даже малейшее резкое движение заставит зверя прогрызть его глотку.

А он просто хотел... Брэндан не знал, чего хотел. Ему всегда нравились эти животные, и сейчас он искренне жалел о том, что они вынуждены жить в неволе.

– Здравствуй, – тихо прошептал он, медленно опустив голову на два дюйма. Со стороны это было похоже на легкий поклон. Лев замер, прекратив скалиться, но глаз со своей «добычи» не свел. – Они не будут стрелять в тебя. Ты можешь мне доверять, – тихо шептал мальчик, четко обозначая свои слова движением губ. До могучего зверя оставались считанные шаги, но рука Брэда только сильнее вытягивалась в его сторону – казалось бы, еще чуть-чуть, и лев с удовольствием полакомится «молодым человеческим мясом».

Но с каждым движением, с каждым словом Брэндана повадки зверя менялись. Он знал, что это замечает только он – то, как лев слегка опустил голову; то, как его оскал превратился в сомкнутую пасть.

Львицы будто потеряли интерес к этим двоим и направились к корыту с водой, которое наполняли каждое утро.

– Я видел на табличке – тебя зовут Арслан. Красивое имя. Я – Брэндан. Это означает «принц». – Лев вдруг припал к земле, будто собираясь прыгнуть. Кэтрин чуть не потеряла сознание от такого зрелища.

Брэд заметил некие раны на теле льва – чем ближе он подходил, тем больше шрамов на спине и морде он замечал, поражаясь человеческой жестокости.

– Они... – Он взглянул на ряд рубцов вдоль гладких боков льва и оторопел. – Не имеют право обижать тебя.

А потом Брэндан дотронулся до гривы льва рукой, и все за забором ахнули. А там уже собралась приличная толпа из людей и папарацци, которые сразу узнали в семье – королевскую.

– Я обещаю, этого больше не повторится. – Лев по-прежнему глядел на мальчика не моргая, но уже без враждебности. В это было трудно поверить, но между ними будто образовалась связь, феномен, который никто бы не смог повторить.

Для всех лев был просто животным, игрушкой, на которую можно было бы с интересом поглазеть. Но для Брэндына лев был олицетворением всего, что он чувствовал в себе.

Олицетворением самого себя и силы, которая сокрыта у него внутри.

Только тогда он еще не понимал, что значат эти чувства.

В тот же день по указу Короля, льва забрали на терри-

торию замка, а спустя какое—то время отправили в место, которое было для него домом.

И больше никто и никогда не смел наносить ему шрамы.

А маленький принц в глазах народа был настоящим храбрецом, за которым не страшно существовать. Люди тянулись к нему постоянно, считая, что именно ему суждено занять трон.

Брэндан же знал, что с правлением никто не справится лучше Бастиана.

Глава 9

Брэндан

Мне были чужды чувства.

С восемнадцати лет я отрицал их, как и связи, которые могут возникать в душах людей... Намеки на привязанность, на пресловутую любовь... Все это было ложью, иллюзией, которой подпитывался народ.

Но иногда эти иллюзии одолевали и меня.

В редкие моменты, когда вспоминал прошлую жизнь – семью, строгий взгляд отца, крепкую руку брата, что жмет мне руку. Невинная улыбка сестры, которая теперь, похоже, ненавидит меня.

Мать.

Стоя в своей ванной комнате в одной распахнутой рубашке, я схватился за кольцо, что висело на моей шее. Оно доставало до середины живота, и я всегда носил его на цепочке, не позволяя никому прикасаться к нему. Даже наложницам. Тем более им.

Наверное, они не понимали, зачем и чье женское кольцо я ношу так близко к сердцу. Матери. И это единственная вещь, которая до некоторых пор напоминала мне о том, что я – человек.

О том, что я когда-то чувствовал, я жил.

Я был им, а не просто глыбой льда из стали, жестокости и зла, какой предстаю перед всеми.

За шесть лет пыток в Адинбурге я настолько привык к ним, что теперь с упоением находил причины для пыток других – для меня это было своеобразной мезтью за самого себя, и, честно говоря, я надеялся... Каждый раз надеялся, что испытаю к кому-нибудь жалость. Что это чувство придет, подарит мне былую человечность.

Но нет. Каждый раз мне было плевать.

– Ваше Высочество, вы готовы? – В купальню зашли две светловолосые девушки с идеально красивыми лицами. Обе были одеты в специальную форму черного цвета и ничем не отличались друг от друга. Дурнушек в шляхах я не держал, но никаких эмоций, кроме плотского удовлетворения, они не давали.

– Ага. – Сдернув с себя рубашку, не испытывая ни капли стеснения, я опустился в ванную, положив предплечья на бортики.

Черт. Картинка вспыхнула в памяти мгновенно – ванная, вечер, девушка. *Дежавю.*

Я закрыл глаза и почувствовал, как одна из девушек опускает на мои плечи мочалку, тщательно потирая их.

– Можно к вам прикоснуться? – робко спрашивает одна из них, и я киваю. До восемнадцати лет я не принимал их услуг и вполне справлялся с ванной сам, но после шести лет в заточении изголодался по женскому телу, и постепенно этот вечерний ритуал вошел в привычку. Не считая дней, когда я действительно хотел побыть один.

Женские руки с нежностью заскользили по моим плечам, и мысли мои в миг унеслись к Чужой – к девушке, которая ко мне не то чтобы не притронулась... Она даже не хотела смотреть в мою сторону – то ли из-за отвращения, то ли из-за страха. Скорее, первое.

Это она.

Это она проводит своими мягкими невинными пальчиками вдоль моего живота и опускается ниже, нерешительно замирая. Краснея под моим взглядом, она замедляется, и все в ее движениях говорит о том, что она не хочет этого делать. Вызов в темно—карих глазах слишком заметен, а ненависть удваивает жар в крови, от чего еще больше хочется получить от нее свое.

Не говоря ей ни слова, я беру ее ладошку в руку и направляю в то место, где мне так необходимо ее почувствовать. Мой член в ее руках, и она начинает неумело ласкать его рукой...

– Ваше Высочество, если мы нужны вам, только скажите, – пропела на ухо одна из наложниц, отвлекая меня из собственных мыслей. Взгляд шлюхи заскользил ниже пояса, улавливая мое возбуждение – черт, и как я мог думать об этой пленнице, когда у меня под рукой два прекрасных ротика. *На все согласных.*

Наложница провела рукой по моей груди, касаясь кольца, и я тут же закипел, быстро встав прямо в ванной.

– Не разрешал трогать кольцо. – Я смерил одну из куколок

унижающим взглядом.

– П—простите.

– Делай то, что должна, – ледяным голосом приказал я, делая шаг ей навстречу. Мой член оказался на уровне ее губ, и она быстро взяла его в рот.

А дальше я забылся, повторяя одни и те же ритмичные движения. Было приятно. Но мысли о том, что лежит на моих плечах, воспоминания, прошлое – все это преследовало и никогда не давало полностью расслабиться.

Лишь на мгновение.

Каждая из них предоставила мне свой рот, предлагая после и все свое тело. Девушки были безумно красивы, а их фигуры предстали передо мной абсолютно обнаженными – прекрасными в своих изгибах.

Но даже не разглядев их, я оделся и велел им уйти, не желая пользоваться тем, что они предлагали.

Раньше они казались мне чем-то «новым» и долгое время были интересными, но сейчас – нет. Тем более, вся моя потребность была успешно удовлетворена их отработанными движениями ртом.

Вернувшись в свою спальню, я сел за бумаги – отчеты о военных действиях, происходящих в разных странах – и так и уснул над ними с больной головой и тяжестью на сердце.

Кенна

Я не хотела идти на этот прием. Но когда, после очередной одинокой прогулки по замку, я вернулась в комнату и обнаружила посреди нее манекен, одетый в нарядное платье, засомневалась.

Меридиана пригласила меня. Почему я должна отказываться от свежего воздуха из-за гневных взглядов этого ублюдка? Тем более, я уверена, что он уже забыл о своих планах «подумать, что со мной делать», и занят чем-то более важным.

Если я выйду, наконец, из четырех стен, хуже никому не будет. К тому же, не мешает оглядеть территорию – это пригодится мне, когда я, наконец, найду удачный момент для побега.

Платье полностью скрывало мои ноги, а корсет, с которым я промучилась около часа, подчеркивал грудь. Я не знала, почему Мэри так расщедрилась на меня – платье было из мягкой синей ткани с черным кружевом в верхней части, а рукава – прозрачные, белые, летящие... Как крылья.

Какая ирония. Мои настоящие крылья давно обрезают, как только засадили в темницу.

Я до сих пор содрогалась от отвращения, как только вспоминала прикосновения Золотозубого. К счастью, его мерзкую рожу я больше в замке не видела.

***

– Не отходите далеко, – попросила Мэри, обращаясь к нам. Втроем мы плелись в ее тени, но мне было все равно, в каком качестве я оказалась в этом потрясающей красоты саду. Это даже не просто сад, а целый парк, который заканчивался лесом – совершенно очевидно, что замок находится далеко от Лондона, и здесь... Будто бы время остановилось.

На приеме все девушки были одеты в подобное моему платью, а мужчины в черные костюмы и белые рубашки. Народу было так много, что мой взгляд ни на ком не останавливался.

– Особенно, это касается тебя. – Мэри плакала всю ночь – синяки под глазами были слишком красноречивы. Я кивнула, надеясь, что мне представится случай хоть немного погулять в одиночестве.

– Меридиана, вы, как всегда, очаровательны. И ваши подруги, разумеется. – К Мэри подошел молодой мужчина и тут же начал оказывать ей знаки внимания. Они шли чуть впереди нас, и принцесса все время смеялась – только вот я улавливала в этом смехе нотки притворства и отчаянья.

Бедняжка. Ей приходится улыбаться, когда всю душу рвет на части.

Неужели нет никакого выхода из сложившейся ситуации?

В миг, когда я задала себе этот вопрос, мои глаза нашли Брэндана. Он был одет в синий костюм, сидящий на нем как влитой. Принц сдержанно кивал, разговаривая с одним из

офицеров – по его лицу я поняла, что они говорят о чем-то неприятном.

Словно почувствовав мой взгляд, он повернулся ко мне так резко, что я чуть на месте не подскочила. Он глядел долго – издалека я видела плохо, но что-то мне подсказывало, что он детально рассмотрел мое платье, а особенно его вырез.

Сделав глубокий вдох, я прервала эту мимолетную связь и перевела взгляд на тополи, с которых начинался лес. Дорожка туда вела мимо красивейших клумб из розовых цветов и небольших фонтанчиков. Апогеем красоты сада был огромный фонтан, выглядевший как серебряный шар, покрытый водой.

Странная абстрактная конструкция, которая притягивала взгляд.

Я так долго не была на улице, что теперь ловила каждый сантиметр воздуха и наслаждалась им. Птицы закружились в танце над моей головой так низко – скорее всего, скоро пойдет дождь, и мы перейдем в замок. Надеюсь, у меня еще есть несколько минут счастья...

– Я рад вас видеть здесь, дорогие гости. – Через полчаса мы с Мэри сели за столик, но к еде я не притронулась. На сцене перед столами выступал Джейсон с речью в честь своего будущего короля.

– К нам вернулся тот, кому всегда принадлежали наши сердца. Но, пока, как вы знаете, страной по—прежнему правит парламент, но мы делаем все, чтобы изменить это. Он

уже не тот, что прежде – не такой, каким был при правлении короля Джонатана и королевы Кэтрин.

После этих слов Джейсона все в зале произнесли одну единственную фразу, смысла которой я не разобрала – язык был мне незнаком.

– Благодаря тому, что в течении шести лет, которые Брэндан провел в Адинбурге, мы с вами доказывали его невиновность, каждый день подтверждая свою верность ему, мы здесь. А справедливость, наконец, восторжествовала.

По залу прошёл тревожный шёпот, а я стала слушать внимательнее: Джейсон ходил вокруг желанных ответов на мои вопросы.

– Мы все здесь, – он оглядел взглядом всех присутствующих гвардейцев, – чтобы служить будущему королю – Брэндану Виндзору. И я хочу, чтобы вы всегда помнили об этом.

И... Опять ничего. Какой-то пустой треп. Я никогда не узнаю правды, черт побери.

Скрестив руки на груди, я откинулась на спинку стула – здесь было скучно, а сад и лес манили меня все сильнее. Если бы только убежать в лес... Наверняка, там я найду выход.

– Мэри, можно тебя на минутку? – К нашему столику подошел Даниэль – лицо его было бледным, как белый лист. Мэри же наоборот покраснела так, словно вот-вот снова рыдает.

– Расскажи ему, – вдруг наклонилась к ней я, шепнув на ухо. – Он должен знать.

Она смерила меня высокомерным взглядом и была права: я – никто, чтобы раздавать Ее Величеству свои дурацкие советы. Я ничего не знала об отношениях.

Я сразу вспомнила Гаспара, мгновенно помрачнев – он даже не ищет меня. И я почти уверена, не вспоминает.

– Только на минутку, – выговорила она, вставая из-за стола. Как только она скрылась в стенах замка, я расплылась в милейшей улыбке.

– Вынуждена покинуть вас. Мне нужно в дамскую комнату. – За время, проведенное в замке, я выучила несколько типичных фраз, которые звучали так, как обычно и говорят люди при дворе.

– Хорошо. – Фрейлины кивнули, не отводя глаз от Джейсона. Еще бы, ни одна из них не отказалась бы от такой партии – на Брэндана они претендовать не смели, а вот правая рука принца – в самый раз.

Радуюсь их пустоголовости, я поднялась из-за стола и побежала к дорожке, которая вела к тополям.

Около серебряного шара сбавила темп – я не должна привлекать к себе внимания, а обязана выглядеть как девушка, которая просто решила прогуляться по саду. Со стороны замок казался мне не таким устрашающим, как внутри, но по —прежнему огромным. Уверена, я и одну десятую часть его не исходила. Верхушки его башен упирались в надвигающиеся тучи, а крики черных птиц, закруживших прямо над замком, напоминали мне звуки из фильма ужасов.

Все это выглядело как знаки. Знаки о том, что мне не стоило уходить далеко от приема.

Но я уже дошла до края сада и осталась никем незамеченной, а значит я на верном пути. Скрывшись за первым тополем, оказалась в подобии леса и еще раз вдохнула свежие запахи природы полной грудью.

Я прекрасно понимала, что все не так просто. И лес охраняется. Наверняка, живой я из него не выйду. *Но попробовать стоит...*

Из-за листьев деревьев, скрывающих любой дневной свет, здесь было довольно мрачно. Поэтому я шла на единственный источник света и шум воды, который становился все громче и громче.

Возможно, это был еще один фонтан, но звук этот был слишком мощный и беспокойный. Мое платье запуталось в ногах, а туфли на небольшом каблучке сравнялись с земельной грязью.

Да и в этом дурацком корсете дышать было тяжело, как в бункере с малым количеством воздуха.

Наконец, я вышла на свет – туда, где заканчивался лес. Точнее... Он обрывался.

Передо мной возник небольшой кусочек земли, покрытый идеально зеленой травой, и я подошла к краю и ахнула.

Обрыв. Я и не знала, что мы находимся у воды. Повернув голову направо, я смогла оценить весь масштаб этих огромных скал, настолько белоснежных, что казалось, они состоят

из одного мела.

Высота обрыва была чудовищной – один шаг, и прыгающего ждет верная смерть. Несмотря на толщу воды, там, внизу, виднелись крохотные, такие же как скалы, белые камни, которые успешно могли бы рассечь человека на части и переломать кости.

Мне стало плохо от одного вида этих скал. Это место было пропитано отчаяньем, болью и потерей.

Я не знала, почему на меня вдруг нахлынули эти три чувства, но они были настолько яркими, что захотелось мгновенно покинуть этот обрыв и вернуться на прием.

– И что ты здесь делаешь? – От ледящего душу голоса стало только хуже. Обернуться на Брэндана было тяжело – уж лучше прямо сейчас спрыгнуть вниз и надеяться на чудо. – Обернись.

Прозвучало как приказ. Я не слушалась.

– Хочешь спрыгнуть? Вперед. Представляю, как ты упадешь вниз, все себе переломав. Но ты останешься жива и будешь медленно тонуть, погибая в муках... Ты действительно этого хочешь? Неужели ты так меня боишься?

– Не боюсь. – Набравшись смелости, поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. – Вы меня преследуете?

Брэндан вскинул бровь, нахмурившись.

– Ты не убежишь от меня. Не скроешься. Ты – моя пленница. У тебя нет прав. Ты можешь только дышать. И быть готова выполнить все, что я пожелаю.

«Я подумую, что мне с тобой делать».

Боже, нет.

– Зачем я тебе? Отпусти меня домой!

– А у тебя есть дом?

– Есть!

– Отпустить тебя – значит признать, что ты сильная и смогла так легко от меня сбежать. Но это не так. Ты такая же, как и все, просто... Глупее. Поэтому ты останешься здесь для моего развлечения. Знаешь ли... Мне бывает скучно.

Брэндан смотрел прямо на меня, постоянно покручивая кольцо на своем большом пальце. Синий костюм, синие глаза. А душа – черная, как ворота ада.

– Больной ублюдок, – вырвалось у меня. Я забыла о том, кто стоит передо мной, да и, честно говоря, было глубоко плевать на эту важную персону.

– Ну все. Ты от меня не сбежишь, – с угрозой произнес он, делая шаг мне навстречу. Подняв полы платья, я ринулась в другую сторону, скрываясь за ближайшими тополями. Брэндан последовал за мной.

Сердце вырывалось из груди, пока я бежала вперед, перепрыгивая через массивные корни деревьев. Пару раз я чуть не упала, спотыкаясь о них, и чувствовала руки принца, которые скользили сквозь пряди длинных волос.

Наконец, они подвели меня, и ему удалось поймать меня за локоны. Дикая боль пронзила мгновенно – словно тысячи иголок разом воткнули в кожу головы.

– *Sordida*, – Брэндан вмиг дернул меня на себя, как куклу, а потом припечатал к ближайшему дереву. Неровная кора царапала мне спину, но бежать было больше некуда. Я попала. – Ты испытываешь мое терпение.

Я вновь отвела голову в сторону, подставив под удар шею. Голос принца сулил мне расплату за то, что сбежала, когда не следовало. Не хватало еще попасть в плен его глаз и распрощаться с разумом.

Его рука лежала на шелковом рукаве моего платья – таком прозрачном и легком, что я чувствовала его хватку кожей.

– Я не оставлю попыток сбежать от вас. Никогда, – негромко, но четко произнесла я. Брэндан схватил меня за запястья и завел за дерево.

– Я привяжу тебя к себе. Жаль, что сейчас у меня нет веревки, иначе бы я оставил тебя здесь, у этого дерева. На всю ночь.

– Извращенец... – Слова застревали в горле, а я не понимала, зачем ему все это нужно. Ненависть, которую я испытывала к принцу, была настолько осязаемой, что ее можно было резать ножом.

– Смотри на меня, – грубо сжав запястья, прошипел он. – СМОТРИ НА МЕНЯ!

Его крик эхом разразился между деревьями.

Нахально вжавшись тазом в бедра, он согнул мою ногу в колене, вместе с тем поднимая платье. С силой вдавив меня в дерево, Брэндан ухватился за мое бедро и шлепнул с такой

силой, что перед моими глазами заплясали звезды.

– Ах, – не смогла удержаться я и тут же поджала губы.

– Громче, – хрипло попросил он, быстро проводя носом по моей шее. – Смотри на меня. Или ты хочешь, чтобы я продолжал причинять тебе боль?

Свободной рукой он сжал мой подбородок и развернул к себе против воли.

Глаза Брэндана, словно глаза Инкуба, притягивали, обещали и питались сексуальной энергией, постоянно нуждаясь в ней.

Я почувствовала его запах, который отложился в моей памяти еще тогда, когда мы были в ванной. Гель для душа, амбра и... Мята. А сейчас и алкоголь: очевидно, на приеме он позволил себе лишнего. Да кто его знает, может, он вообще сидит на чем-то покрепче. Его импульсивность, порой, граничила с поведением наркомана, который готов убить ради дозы.

– Ты не сможешь причинить мне боль. Потому что мне на тебя плевать.

– Ты слишком часто перескакиваешь с «вы» на «ты», грязновка. Но продолжай, я запишу это в список дел, за которые тебя можно наказать...

Его губы скользили над моей шеей, изредка касаясь ее. Проклятый комок желания внизу живота говорил моему телу, что мне это нравится. Слишком нравится.

– Мне плевать на то, кто ты! – горячо заорала я, чтобы

еще больше разозлить. – Я не дамся вам...

– Скажи мне только одно. Ты невинна?

Нежданный вопрос завел меня в тупик. Я молчала, словно язык проглотила.

– Отвечай, – его рука в мгновение ока раздвинула мои ноги, а ловкие пальцы сдвинули трусики в сторону.

Я чуть не захлебнулась от возмущения... И жара, парализовавшего бедра.

– Да, – солгала я, надеясь, что это остановит его. Не думаю, что ему нужна девственница. Гаспара это очень пугало, и долгое время он не хотел заниматься сексом со мной. Как бы там ни было, мы провели с ним три ночи, и каждый раз мне было жутко больно, а он с трудом мог пролезть в меня даже наполовину.

– Это хорошо, – разочаровал мои иллюзии Брэндан, касаясь самого интимного места на моем теле. Я одновременно хотела разрыдаться от унижения и в то же время желала двигаться... Плавно... Против его пальцев. Не переставая. – Невинные девочки такие чувственные. И так легко заводятся. Они такие как ты сейчас... Каких у меня было много... – Его губы приблизились к мочке моего уха. – Влажные.

Его палец настойчиво размазал влагу по моим нижним губам.

– О. – В его голосе слышалась отчетливая усмешка. – Тебе нравится это, грязнокровка? Твоя «девочка» все говорит за тебя. И о тебе.

Как бы я не хотела к нему прикасаться, но, воспользовавшись случаем, уперлась руками в его пиджак, намереваясь оттолкнуть.

– Отстань!

– Не сопротивляйся, Чужая. Я просто поиграю с тобой. Пока ты не скажешь свое имя, я буду очень—очень... Жестким с тобой. – Мои руки, все мои силы, что я вкладывала, были для него пылью. Он властно схватил меня за попку, разминая ягодички, членом вжимая меня в дерево.

– Хммм... – Непроизвольный стон вырвался из моих легких, и я надеялась, что он звучал как клич о спасении. Или как звук полный отвращения.

– Я так и знал, – распаленным голосом зашептал Брэндан – его губы задевали мое ухо, от чего по коже прошелся холодок. – Что ты такая же, как и все.

Я взорвалась магмой из злости и, словно одержимая злым духом, заорала, заколотив кулаками по его груди, ключицам и животу. Я била его там, где только могла достать, пока он смеялся... Смеялся. Дьявольская усмешка слетела с его лица, как только я оттолкнула его, но лишь на мгновение – сорвав с себя пиджак, он вновь кинулся ко мне, как разъярённый зверь.

Я не успела даже двух шагов сделать и побежать, как снова оказалась припечатана его телом – на этот раз к земле.

Я не говорила ни слова, сжимая зубы до боли в деснах – к чему тратить свои силы на бесполезные крики. Отчаянно

вырываясь, я все равно барахталась под ним, в то время как он сел на мои ноги сверху и опустил сильную ладонь мне на поясницу.

– Знай свое гребанное место. Подо мной, – скомандовал он, сцепляя мои руки накрест, прижимая их к лопаткам. Дикая боль сковала меня всю: я горела от ненависти, которую испытывала к этому человеку.

Принц был безумным.

Психически неуравновешенным человеком с тягой к насилию и убийствам. Узурпатором и тираном.

Я не представляла, как такому ублюдку можно доверить управление целым государством. Люди, что, слепцы!?

– Ты будешь гореть в аду, – в очередной раз повторила я, кряхтя от боли.

– Неинтересно. Придумай что-нибудь жестче, грязно-кровка. То, что действительно заденет меня... – Его слова показались мне бредом сумасшедшего, но Брэндан продолжал, прикасаясь ко мне, как одурманенный.

Его руки поползли по моим ногам, закатывая платье наверх – еще никогда я не находилась в столь бесстыдном положении. Я не любила выставлять свое тело на обозрение, даже от Гаспара вечно прикрывалась, но сейчас...

– То, что причинит мне боль... Я хочу это услышать. Постарайся, – с каким-то приказным отчаянием умолял он, все больше заводя меня в логический тупик.

Я впилась в землю ногтями, царапая ее и вереща как обе-

зумевшая кошка, но Брэндан не собирался слазить с меня.

А я не могла остановиться, не могла притвориться без-
движенной и холодной, потому что уже приняла его вызов и
не хотела проиграть эту битву.

Брэндан

Не осознавая, что делаю, я разорвал ее корсет, обнажая узкую спину девушки, которая лежала подо мной. Что-то заставляло терять контроль рядом с ней, рвать и метать, вызывать ее на эмоции, стараясь дожидаться от нее долгожданных слов.

Чувства были мне чужды и очень давно, и за чужую я хватался как за соломинку, хоть и не хотел этого признавать.

Мне казалось, еще чуть—чуть, и вот... Она сделает или скажет что-то такое, что разбудит мое сердце, причинит боль, заставит почувствовать к себе сострадание... Но этого не происходило.

Зато набегала страсть, от которой даже руки подрагивали, и я не знал, как сдерживать ее в себе.

Нежная белоснежная кожа перед моими глазами была чиста и невинна – все синяки, что оставили на ней солдаты, ушли, и сам не знаю почему, но я дико этому порадовался.

Каждый раз, когда я дотрагивался до девушки, на ней оставались красные отпечатки моих пальцев – моих и только.

Уродуя ее платье, я перешел ниже, поглаживая поясницу, наслаждаясь мягкостью кожи. Все это было так быстро, в впопыхах, как будто она исчезнет сейчас прямо подо мной, поэтому ей, наверное, мои касания казались очень грубыми.

– Назови мне свое имя, – снова попросил я, прикасаясь

к своему члену через брюки. Освободив его от ненужной ткани, я почувствовал, как уткнулся в ее влажные трусики и мгновенно затвердел еще сильнее, задыхаясь от удовольствия.

Вырываясь, она ерзала подо мной, даже не догадываясь, что возбуждает меня и морально и физически – словно в тумане, я навалился на нее, как дикий, потираясь о расселину упругих ягодич.

– Нет, черт возьми, нет... Не делай этого... ПРОШУ! – взмолилась она, чуть не плача. Мои руки нашли ее руки и, прижав их к грязной земле, я, словно одержимый, начал тереться об ее нежную плоть, что извивалась мне навстречу.

Она постоянно прогибалась в пояснице и спине, словно думала, что это поможет.

Я знал, что унижаю ее своими действиями, и мне это нравилось.

Я не мог унижить своих наложниц – даже если бы они валялись в моих ногах и лизали мне пятки. Для них бы это было подарком, а не наказанием. С этой девушкой же было иначе – она была моей пленницей, жертвой, девушкой, которую я хочу взять против воли.

Девушкой, полной тайн и загадок. Черт возьми, я даже ее имени не знаю, что уж говорить о потаенных уголках ее души.

Удовольствие накопилось внизу живота сладкой болью, и, словно одержимый, я уже не мог терпеть, ускоряя движение

против ее соблазнительных бедер. Мой взгляд падал на ее ключицы – хрупкие, проступающие через фарфоровую кожу, и даже этот вид сводил меня с ума.

– Твое место подо мной, – зашипел я, стараясь усмирить мятежницу. Я хотел унижить ее, раздавить, чтобы она, наконец, сказала свое дурацкое имя, упала к моим ногам и вела себя как и другие девушки, но я... Остановился.

Потому что знал, что она может дать мне больше, чем это валяние в грязи, до которого я опустился.

На меня нашел животный инстинкт, я и трахнуть ее хотел не как человек, а как зверь, загнавший добычу в тупик...

Еще больше злило, что она молчала. Или сопротивлялась. Я не знал, как подойти, как подобраться к ней, чтобы сломать... Она рушила всю систему, что так долго выстраивалась в моей голове.

– Скажи свое имя, – мои пальцы впились в ее покрасневшую кожу на ягодицах и сжали ее до крика.

И этот крик заводил еще больше – мне хотелось, чтобы она никогда не замолкала. А если бы и замолкала, то только от моих губ и языка, которые ласкали бы ее небо.

Я хотел вбирать ее стоны в себя и хотел оказаться внутри этого маленького бунтующего тела.

Или... Девушки.

Пока она не назовет мне свое имя, упрямая, я так и буду называть ее в мыслях: плоть, тело, никто. Пленница.

Но вместо поцелуя я ввел в ее рот два пальца, думая толь-

ко о том, что хочу узнать ее вкус и хочу, чтобы она попробовала и меня.

Позже.

– Отморозок, – она выругалась на простолюдинском жаргоне, но я сразу понял, что это что-то очень нелицеприятное. Моя рука замерла на ее шее, поднимая голову вверх.

– В следующий раз будет хуже. Ты же знаешь. Это только ягодки...

Разгар приема. Ответственный день. Я решил проследить за этой чертовкой, не имея никаких намерений до нее дотрагиваться... Но, как увидел, сорвало голову.

Видимо, не мешает надеть корону, чтобы хоть как-то придавить безумный разум, что проявлялся близ девушки.

Начиная приходить в себя, я ослабил хватку, вставая. Девушку трясло, когда она поднималась с земли и не могла этого сделать.

Стараясь не глядеть на ее поясницу и попку, вид которых пьянил меня, я протянул ей руку помощи – и она схватилась, на мгновение повиснув на мне. Встала, одарила взглядом полным такой лютой ненависти, и, вновь оттолкнув, побежала прочь.

– Ненавижу. Ненавижу до смерти! Лучше спрыгнуть с обрыва, чем жить под одной крышей с вами! – заплетавшимся языком проревела она и побежала прочь.

А потом случилось нечто маленькое. Но навязчивое. И очень странное.

То, чего я многие годы не испытывал.

Мою грудь словно шпагой проткнули, но лишь на секунду — болезненное ощущение исчезло так, словно его и не было.

Оно было похоже на страх, если такое чувство я вообще испытывал ранее.

В Адинбурге мне пришлось стереть его из сознания, чтобы защитить себя от зверств, которые со мной вытворяли.

И я уж точно не хотел возвращения этого чувства.

И я не хотел, чтобы она прыгала с обрыва.

Поэтому побежал за этой безумной.

К счастью, я довольно быстро понял, что дороги к обрыву она не помнит и бежит к замку, на пути стараясь поправить свое теперь уже страшное платье. Корсет распустился, ткань держалась только на рукавах, и, к тому же, любой бы, кто подошел бы к ней близко, сумел бы разглядеть мой след и понять, чем она занималась со мной в лесу.

Sordida puella.

Кто—то сегодня стал очень—очень грязной девочкой.

И мне это чертовски нравилось.

Глава 10

Кенна

У меня не оставалось никаких сил на бег. Щиколотки словно веревкой скрутило – я запинаясь, но бежала, натыкаясь на острые ветки кустов, что встречались на пути. Когда я добежала до сада и увидела впереди серебряный шар, а за ним и людей, как ни в чем не бывало присутствующих на приеме, мне стало легче.

А потом пришла волна отчаянья и позора – я выгляжу как дешевая проститутка в этом оборванном платье, щеки расцарапаны, а на спине наверняка остались синяки от пальцев мерзавца.

Я обернулась – белая рубашка Брэндана тоже была уже разодрана, но это не мешало ему гнаться за мной.

Я снова рванула вперед, понимая, что этого недостаточно. Если я побегу к народу, он не будет меня трогать. Но если я покажусь так на людях, упаду в своих собственных глазах.

Я побежала к столу с закусками, который уже все оставили в покое – Прием шел несколько часов, и поэтому стол уже давно пустовал. Люди разбрелись по площади сада: кто играл в гольф на отдаленной поляне, кто беседовал у фонтана, а кто слушал музыку возле сцены.

Оттуда доносились звуки скрипки, что-то из великого Моцарта, но в моей душе играл настоящий тяжелый рок.

Когда я добежала до стола, чуть не рассмеялась от глупой

мысли: если кто—нибудь увидит, как принц бежит по саду за какой-то девкой не самого роскошного вида, вот смеху—то будет при дворе. Уверена, фрейлины Мэри завтра же расстрезвонят об этом всей прислуге.

Схватив в руки тарелку с тортом, я обернулась и с размаху кинула ее в принца, который уже почти наступал мне на пятки.

Брэндан увернулся в два счета, а я потеряла время и испортила, наверняка, вкусный торт.

– Сюда иди! – скомандовал он, притянув меня за талию. Я прогнулась, стараясь отдалиться, но, в итоге, сделала только хуже. Давление его руки на моей пояснице в сочетании с его голодным оскалом тревожило разум.

Мой взгляд опустился на губы Брэндана.

И он это заметил.

– Грязная девочка хочет поцелуя? – ехидно заметил он, играя скулами.

– Разумеется, Ваше Высочество! – Я схватила со стола бокал (судя по цвету, с шампанским или белым вином) и опрокинула на его лицо все содержимое бокала.

– Вае! – выругался он, ослабляя хватку. Я вырвалась из стальных объятий принца и побежала в замок, стгорая от унижения, стыда и желанья принять душ.

***

Я забежала в ванную на высокой скорости и, заперев за собой дверь, облокотилась на нее спиной.

Мои плечи затряслись от беззвучных рыданий – даже сейчас Господь не посылал мне ни слезинки.

Я была какая-то одеревеневшая... Никаких эмоций, чувств, боли или страха. Теперь только унижение и желание постоять за себя.

Я прикоснулась к своим щекам тыльной стороной ладони: они горели. Сняв с себя платье, я провела ладонями по спине и залилась краской еще больше.

Брэндан даже не взял меня, а унизил так, будто оттрахал как дешевку.

Я не могла в это поверить.

И все же все внутри меня горело от возбуждения, а низ живота налился болезненной истомой, которая просила освобождения.

Никогда, никогда, никогда в жизни Гаспар не позволил бы себе подобного! Он всегда был так аккуратен и нежен. И мы всегда предохранялись. О прикосновениях друг к другу на уровне «кожа к коже» и речи быть не могло – это казалось мне неприятным.

А тут все мои представления рухнули. Да, это было неприемлемо для меня, но, видимо, внутри меня жила вторая и очень неприятная личность.

Которая имела другое мнение на счет происходящего.

И я ее ненавидела. Я ненавидела Брэндана! Я ненавидела весь чертов мир и хотела поделить его на мелкие кусочки! Но вместо этого я надолго засела в ванной, стараясь прийти

в себя.

Все было тщетно.

Все тело потряхивало от воспоминаний, а когда я закрывала глаза, видела бездну синих глаз, которые издевались и издевались, смеялись и смеялись...

Затыкала уши и слышала только его голос.

«В следующий раз будет хуже. Ты же знаешь. Это только ягодки...»

Я медленно начинала сходиться с ума и, даже оказавшись в комнате за прочтением любимой книги, не смогла отвлечься от навязчивых мыслей.

А потом в мою комнату раздался стук – медленный и нарочито вежливый.

Наивно полагая, что снаружи стоит Мэри, я приоткрыла дверь, увидев его – моего Губителя.

– Пойдем со мной, – отчеканил он, выводя меня из комнаты. Парень схватил меня за локоть и потащил по коридору. Прошло несколько часов после нашей беготни, и я заметила, что за это время он передел только рубашку – и наспех. Значит он все это время был на приеме. А как только он закончился, вернулся ко мне. – Трусиха, – подметил он, глядя на мою нервозность. И правда: мои вдохи стали такими крошечными, что собрались в горле колючим комком, который мешал дышать еще сильнее. – Я не сделаю с вами ничего, ле-ди, – подчеркнутым тоном промолвил он, ведя меня по замку. Я оказалась в новом для себя крыле, но рассматривать

красоту картин и цветов было уже не так интересно. – Пока не окажемся наедине.

– Ваше Высочество, уберите от меня свои грязные руки.

– Ну, грязные они потому, что я прикасался к вам, моя дорогая леди, – с издевкой подметил он, подводя меня к огромной дубовой двери, украшенной позолотой.

– Так ты будешь меня теперь называть?

– А грязнокровка тебе нравилась больше? – Дверь передо мной распахнулась, и Брэндан, не отпуская меня, повел в середину комнаты.

Это был большой, просторный зал. Не думаю, что это была его комната – скорее, что-то вроде гостевой. Современная мебель, черно—серые тона, в которых была выдержана спальня.

И тут... Брэндан посадил меня на мягкий стул возле журнального столика и отошел. Вот так, просто.

Я хотела задать ему вопрос и уже открыла было рот, но поймала предостерегающий взгляд принца.

«Лучше – молчи», – будто бы говорил он. Может, он слишком много выпил?

Но нет. Его взгляд был, как и прежде, пронзителен и ясен.

А потом парень скрылся за белой дверью, прихватив с собой полотенце. Я слышала, как из крана потекла вода, и засела в абсолютной тишине, не понимая, что, черт возьми, происходит.

Попытав счастье открыть дверь, я поняла, что это безре-

зультатно, и огляделась. Все комнаты в замке, очевидно, были огромными, кроме моей коморки.

Кровать, заправленная темными атласными простынями, черный ковер на белом паркете... Серый рояль с раскрытой крышкой и клавишами, как будто кто—то совсем недавно на них играл. Свет Брэндан приглушил, перед тем как уйти в душ, и теперь я восседала на стуле в гордом одиночестве при освящении парочки ночников в форме корон, стоявших у кровати.

Разозлившись, я подошла к ним и, взяв один в руки, со всей силы разбила, обрушив стекло на пол. Стемнело – от чего стало только более жутко, поэтому ко второй короне я не прикоснулась.

Мне хотелось разнести всю комнату, и как только я метнулась к стулу, Брэндан вышел из душа.

Я замерла. Он остановился в дверном проеме, глядя на меня исподлобья.

Он не был зол или удивлен – просто молчалив и равнодушен, как в тот день, когда я впервые его увидела. С этим же отстраненным взглядом он тогда ранил человека насмерть и приказал отрубить руку Золотозубому.

И это пугало куда больше, чем его интерес к моей персоне, который он, явно, проявлял в лесу. В ванной.

Отводя от меня взгляд, он прошелся по комнате так, будто меня здесь не было. Словно я не была его вещи. Он даже одет был так, как будто находился один в комнате – по-

лотенце, плотно облегающее бедра. Принц был повернут ко мне боком, и мой взгляд упал на его мышцы, освещенные последними остатками света.

Я... Видела. Видела его почти обнаженным. По идее, это должно было как-то ослабить его в моих глазах, но нет... Его сила завораживала.

Каждый мускул выпирал на поджаром мужском теле, создавая рельеф. Я сама не заметила, как разглядываю мощное мужское предплечье, бицепс и полосы вен, рассекающие его грубые руки.

Он же принц. Он должен быть белоручкой, изнеженным сынком.

Но Брэндан другой.

Он выглядел, скорее, как военный, а не принц. Потому что, когда он повернулся ко мне спиной, я еле сдержала стон, вовремя прикрыв рот рукой.

Вся его спина была усыпана длинными шрамами, пересекающими крепкие мышцы. Они были такими глубокими, как будто кто—то рвал его кожу до мяса.

Это не портило его сексуальности, и все же... Меня пробивало на озноб, когда я смотрела на этот ужас, что с ним сотворили.

На животе и груди таких глубоких отметин не было. По крайней мере, тех, что я могла увидеть при таком освещении. А вот две татуировки на ключицах я видела прекрасно. И какой-то предмет, который он носил на шее.

– Сними платье, – отдал тихий приказ он, наконец заговорив. – Девочка.

В этом нежном «девочка» было столько зла, что я чуть не упала на осколки ночника замертво.

– Я—я...

– Снимай.

И все тот же прохладно—дружелюбный тон.

– З—зачем? – Я начала заикаться, выглядя жалко. Я сняла платье – на этот раз короткое, и оно упало к моим ногам.

– Встань у рояля.

– Ты издеваешься? Я, что, марионетка, которой ты можешь управлять? У короля должно быть много игрушек. Что тебе нужно от меня?!

Брэндан не ответил. Он развернулся ко мне, и я увидела, как в его руках что-то заблестело – на кулак он наматывал длинное ожерелье из жемчуга, которое выглядело как... Поводок.

– Могу. – Все, что я услышала в ответ.

Я осталась перед ним в одном нижнем белье, но он не стал меня детально оглядывать – так, как только что пялилась на него я, да и продолжаю.

Будь он не жестоким принцем... А Гаспаром, я даже... Хотела бы провести рукой по этой стали из мышц, чтобы проверить, насколько она твердая.

Черт. Он – черт.

– Жду, – снова краткое слово, зарождающее во мне страх.

Глянув на меня со скупающим выражением лица, Брэндан увидел, что я даже не сдвинулась, и тяжело вздохнул. Он налил себе виски из круглого графина, что стоял возле кровати, но почему—то к нему не притронулся.

Шли минуты, но ничего не происходило. Он стоял в молчании, глядя в одну точку, а я смотрела на него и тряслась от страха, как наложница в шатре у султана.

Я сделала шаг к роялю, потом два. Чувствуя себя раздавленной и переполненной ненавистью, встала у злополучного рояля.

– Встань возле ножки, которая держит крышку. Ко мне лицом.

Да он издевается!

Наши взгляды встретились, и, увидев в них темноту, я послушалась, словно околдованная.

А потом Брэндан направился ко мне – ленивой, вальяжной, королевской поступью, которая жутко раздражала и в то же время завораживала.

– Зачем? Скажи мне!

– Мне нравится этот вопрос. Другая бы его не задала, – тихо произнес он, приблизившись. Вблизи он выглядел еще более сильным.

Я поняла, что следующие несколько часов моя ненависть будет бороться с возбуждением, и, надеюсь, первая победит.

– Плевать мне, что тебе нравится! Я не хочу быть твоей рабыней!

– Здесь ты ошибаешься. Ты уже так послушно встала здесь, девочка. – Глядя мне прямо в глаза, он накинул жемчужную цепь на мою шею. Перекрестив ее над моей грудью, принц завел мои руки за спину и намотал на запястья ничемную драгоценность. – Ты же не откажешься от такого подарка, *bellus* (от лат. – «красивая»)?

Его бездушная любезность пугала меня еще больше. Этот подарок – подобие золотой клетки. А точнее – золотая цепь, которой он четко и ясно обозначил мои права. Отсутствие моих прав. Любая моя вольность вызовет в нем только большее желание прогнать меня под себя.

– Лучше бы ты называл меня грязнокровкой... – огрызулась я, понимая, что попала в его сети.

– Это слово не возбуждает меня. А я уже решил, что трахну тебя.

Я начала задыхаться, но вдруг кислород окончательно перестал поступать в мои легкие. Брэндан поднял с пола приличных размеров осколок ночника и одним быстрым движением распорол ткань моего белья, обнажая грудь.

– Но я по—прежнему хочу слышать твое имя.

Я закрыла рот на замок, сжав губы. Пусть делает что хочет, я не издам ни звука и не сделаю и малейшего движения... Пусть трахает куклу, если Его Высочеству так угодно.

– Молчишь. – Он поднес пальцы к своему подбородку, словно задумался, с чего из припасенных пыток ему начать. Взяв с крышки рояля виски, он опустил в стакан два пальца,

чем вызвал во мне бурю недоумения.

Виски, как бы, пьют, а не...

– Не трогай меня, – сквозь зубы отчеканила я, когда его влажные в пряном напитке пальцы коснулись выемки на моей шее.

– Что такое, девочка? Ты незнакома с древними традициями? Всего лишь небольшой ритуал, который сделает тебя немножечко покорнее.

Его ладонь решительно сжала мою грудь, а пальцы заскользили по соскам, делая их мокрыми и блестящими.

Дрожь страха превращалась в дрожь возбуждения. И я мечтала, чтоб он об этом не догадался.

– Дертерье нернде маа... – тихо прошептал он на непонятном мне языке. – Ишнуаала, вердерьер саа.

В Брэндане было что-то от Дьявола. Он заслужил каждый шрам, который распорол его спину.

Его рука заскользила по моему животу, и, предварительно смочив пальцы в напитке, он погладил меня меж бедер, заставляя раздвинуть ноги.

Не знаю, что на меня действовало, но я начала чувствовать, как каждая клеточка моего тела расслабляется, тая в муках наслаждения.

– Ваше Высочество...

– Это скучно. Называй меня по имени.

– Не собираюсь. – Я упрямылась. Имя было чем-то личным. Представить себе не могла, что когда-нибудь назову его

напрямую – Брэндан или, еще хуже, Брэд. И, уж тем более, я не хочу, чтобы из его губ вылетало мое имя...

Брэндан нахмурился. Сильнее, чем обычно. Кажется, я здорово его задела.

– Да? Сейчас посмотрим, – он развязал мои руки. Потянул за жемчужный поводок на себя, завязывая на моей шее упругую петлю. – Опустись на колени. Девочка.

– Не собираюсь, – петля на шее затянулась сильнее, и я сразу все поняла. Он задушит меня. Вот так унижительно – голую, с жемчугом на шее. Еще капля, еще последняя капля, и я действительно паду на пол и зарыдаю.

Я опустилась на колени и поводок ослаб. В глаза принца я не смотрела. В глаза этого чудовища.

Вереница вен, пролегающих под полотенце, оказалась перед моими глазами.

– Сними, – снова сухой, бесчувственный приказ. – Зубами.

– Да пошел т—т... – жемчуг врезался мне в шею, и я послушно взялась зубами за полотенце и потянула его на себя.

Его твердость была перед моими глазами – он был возбужден. Из-за меня? Я испытывала двойственные чувства. Да что там, целую гамму чувств на разрыв. И боль, и унижение, и страсть, и необузданное, первобытное желание: как убить, так и ублажить того, кто завораживал меня своей силой.

Сила или жестокость. Я знала, что между этими понятиями лежит тонкая грань, но не могла ее провести.

– Возьми его в рот. Ты делала это прежде?

– Нет. И не собираюсь.

На этот раз жемчуг не затянулся на моей шее, Брэндан просто подался вперед – так, чтобы мои губы нашли его член.

– Соси его. И делай это, пока не сможешь назвать меня по имени.

Очередной вызов забурлил в крови – нет, черта с два, я назову этого ублюдка по имени. Нет, нет, нет.

Не испытывая ни отвращения, ничего, я послушалась его.

Закрыла глаза, чтобы не сгореть от стыда, и прошлась губами по чувствительному месту на его члене. Я слышала, как Брэндан тихо втянул воздух, и его стон отдался желанием внизу моего живота.

Черт возьми, я ласкаю его языком. Я была настолько против этого... А сейчас...

Он был так уязвим в этот момент, несмотря на всю непроницаемость, напыщенность и силу. Я чувствовала себя той, что дарит ему что-то такое, от чего он зависим.

Я управляла им.

– Жестче, – приказал он, свободной рукой обхватывая меня за волосы. Его пальцы хаотично заплясали в моих волосах, помогая мне ласкать его твердость. – Скажи. Мое. Имя. – Его дыхание стало более глухим от удовольствия, что я ему дарила. Я распахнула века и посмотрела на принца снизу—вверх, пропадая в омуте его глаз.

Голова кружилась.

Чувство потребности переполнило меня до краев.

Теперь это была потребность в этом ощущении – в ощущении безоговорочной близости с человеком, полного раскрытия и снятия всех масок друг перед другим.

На миг я ощутила его, когда заглянула в его нахмуренное лицо, на приоткрывшиеся из-за возбуждения губы.

– Брэндан, – выдохнула я, заскользив по нему языком. Я сказала это.

– Громче.

– БРЭНДАН! – и я снова сказала это. Не потому, что он приказал. Потому что хотела. Я хотела произносить его имя.

Снова и снова.

– Ты такая жалкая, – презрительно усмехнулся Брэндан, окончательно раздавив меня. – Почему я еще не вижу слез? Или тебе понравился вкус моего члена?

Пустота обрушилась на меня мгновенно, раздавив страсть, которая еще секунду назад пылала в крови. Я была унижена. Человеком, которого ненавидела.

И в эту минуту я пообещала себе одно – отомстить. Как бы это не произошло, на что бы мне не пришлось пойти, какие бы эмоции не вызывал бы во мне Брэндан, я отомщу ему.

Рано или поздно.

Я пообещала себе, что придет час, когда моя месть стрелой угодит прямо в его черствое сердце.

– Не слышу, – он провел своей твердостью по моим губам,

но я держала их плотно закрытыми. – Ты точно такая же, как мои шлюхи. Они делают это каждый день.

Потянув жемчужный поводок вверх, он жестом приказал мне подняться. Когда я встала во весь рост, все равно едва доставала до плеча принца.

– Я хорошо с ними обращаюсь, – мягче произнес Брэд, перекидывая мои волосы на одну сторону. Его рука с печатькой на пальце играла с моими локонами, пока он смотрел только на мои губы. – Я буду хорошо обращаться с тобой, если ты будешь послушной девочкой. И такой же грязной...

Палец Брэндана прошелся по моим влажным губам, настойчиво раскрывая их.

– Тебе никогда меня не сломать. – Я гордо вскинула подбородок – так, будто только что и не сидела перед ним на коленях. – Ты можешь трахать меня сколько угодно, но тебе не сломать мою душу, которая никогда не будет принадлежать тебе. Как и души твоего народа. Очень скоро все они увидят, какой ты мерзавец, и с радостью пустят пулю тебе в лоб. Надеюсь, они уступят мне, и я самолично... Сделаю это.

Слова вырывались из меня нескончаемым потоком – хотелось сию секунду воплотить сказанное в жизнь. Но Брэндан внешне никак не отреагировал. Все то же непроницаемое, холодное лицо – маска, за которой, действительно, нет никаких чувств.

– Ты прямо—таки оратор. Удивительно, сколько положительных качеств у столь узкого ротика. – Улыбка, полная

тмы, коснулась губ принца. Я смерила его взглядом, полным презрения.

– Заткнись!

– А то что? – принц прижал меня к стенке рояля, снова натягивая жемчуг и привязывая меня к ножке. Его твердый член коснулся моего живота – возбуждённый до предела и именно моими действиями.

Я не знала прежде чувств, которые парень вызывал во мне. Чувство слабости. Чувство близости к сильному мужскому телу, чья сила могла и разрушать, как сейчас, но могла бы присутствовать и в другой форме.

Оберегать.

Брэндан был слишком многогранен – я чувствовала это, но сейчас видела в нем только насильника, убийцу и человека, который пойдет на все ради власти.

И эта власть ослепляла, она била по лицу, давала под дых, обезоруживала.

Она дарила всю полноту эмоций, которые я когда-то мечтала ощутить, сетуя на свою скучную жизнь.

И, вот, получила. Его сила душила, забирала меня без остатка, привязывая к себе тугими оковами.

Столько гневных слов вертелось у меня на языке, но я знала, что, чтобы я не сказала, ему будет все равно.

– То—то же, – удовлетворенно кивнул Брэндан, не услышав от меня ответа. Его руки уверенно легли на мои бедра и приподняли ягодицы, сминая в хватке собственника.

Мои колени ослабели, и я растаяла в руках Брэндана. Это произошло против воли, но, как бы там ни было, я не могла это изменить.

Собственное тело не слушалось – оно больше мне не принадлежало.

Его пальцы пробрались к моим складочкам с задней стороны бедер и грубым движением прошлись по моей влажности. Стыд накрыл с головой, и я надеялась, что в темноте Брэндан не увидит моих пунцовых щек.

– Ты вл—а—а—жная, – прошептал он против моих губ, забирая остатки рассудка. – Тебе так понравилось ублажать короля языком?

Его слова были едва различимы. Словно шипение змея, который предлагает вкусить мне запретный плод.

Мое сердце вскрывало мне грудь, но мой глухой стон так и не смог остаться внутри. Он слетел с губ, приглашая Брэндана, пока его пальцы неудержимо ласкали меня между ног, изредка едва проникая внутрь.

Дрожь стала невыносимой.

– Отвечай, – его губы были еще ближе, а ладони то поглаживали поясницу, то вновь спускались к ягодицам, сладко подразнивая.

Ответить, принять его – значит сдаться. Значит ясно дать понять, что он привлекает меня, как мужчина.

Да, не как человек. Как личность, он по—прежнему мерзавец и деспот в моих глазах, который ничего в этой жизни

не достоин, кроме как нового заточения в тюрьме.

Боже, но его касания...

Его дыхание. Руки.

Я покрылась бусинками пота, представляя, как его член войдет в меня, и наши животы соприкоснутся в стремлении стать ближе.

Я так хотела... Но не могла этого допустить.

– Ты не король, – как можно жестче произнесла я, хоть и язык заплетался от желания. – Ты дьявол. Убийца...

Его взгляд, который еще секунду назад был слегка дразнящим, в один миг изменился до неузнаваемости.

Руки замерли, словно Брэндана заморозили.

Мы смотрели друг другу в глаза, шли бесконечные секунды в молчании.

Взгляд Брэда был таким, будто он раздумывал убить меня сразу или, прежде, оттрахать, как последнюю шлюху.

А потом он отпустил меня, отдалившись, позволяя холодному ветерку коснуться мест его жарких прикосновений.

Я была привязанной, обездвиженной, бесстыдной в своей наготе...

– Тебе. Не. Стоило. Говорить этого. – Брэндан поднял с пола еще один осколок ночника и со всей дури прижал кулак с стеклом к моей шее, заставляя меня резко втянуть ртом воздух.

Если он нажмет чуть сильнее – прольет мою кровь. Если проведет рукой выше – убьет.

Страсть и смерть. Никогда не думала, что грань между ними настолько тонка.

– Убийца, – повторила я, скрывая всепоглощающий страх. Брэндан зарычал, оскалившись.

Кровь пролилась, но боли я почти не чувствовала. Брэндан так сильно сжимал этот осколок, что поранил и свои пальцы. Шепча ругательства на незнакомом мне языке, он отбросил осколок в сторону.

Он смотрел только на мои губы, его мускулистая грудь резко вздымалась при каждом вдохе.

Сделав один шаг, он сжал меня в болезненных тисках, надавливая на беспомощные плечи, и заткнул мой рот своими губами, вбирая непрошенный стон.

Как бы я не старалась сжать их, противиться, бунтовать, вырываться, ему без труда удалось раскрыть мои губы и ворваться языком в мой рот. Он настойчиво поглаживал каждый уголок, до которого мог дотянуться, а я закрыла глаза, отдаваясь чувству, испытывая которое хотелось раствориться.

Мое сердце, наверное, за эту минуту испытало столько чувств, сколько большая половина человечества не испытывает и за всю жизнь.

Его поцелуи превратились в укусы, я чувствовала привкус собственной крови, но мне было плевать. Пусть забирает. Пусть пробует. Пусть только целует...

Раз я все равно не могу его оттолкнуть.

В последний раз проведя языком по моим губам, он так же резко отстранился, как и налетел, и с отвращением вытер кровь со своих губ.

– Грязнокровка, – выдавил он, глядя на меня как на нечтожество. Ненависть в его глазах была такой неприкрытой, что была способна раздавить одной силой мысли.

Мне показалось, я уменьшилась в размере, хотя, еще вот-вот была для него той, которую не хотелось отпускать...

Но это были лишь мои иллюзии.

– Отпус...

– Не смей ничего ГОВОРИТЬ! – рывкнул он, кладя руку на несчастные клавиши фортепиано. Они звякнули в недружелюбном диссонансе, и он с хлопком закрыл ни в чем невиноватую крышку. – МОЛЧИ!

– Не сме...

– Я сказал: МОЛЧИ! – Я вздрогнула, а потом Брэндан взял полотенце, которое еще недавно окутывало его бедра, и порвал его на части. Одну из частей он привязал к моему рту, да так плотно, что я теперь не могла и слова связать.

Потом он небрежно плеснул остатки виски на мою рану от стекла и, не оглядываясь на меня, пошел к кровати. Опираясь на резанное изголовье, он пытался успокоиться. Шрамы на его спине не давали мне покоя.

Ничто не давало мне покоя.

Мне тоже хотелось кричать, а он привязал меня, как безвольную куклу, унизил, порезал и... Поцеловал.

Это было слишком жестоко.

Мое возбуждение никуда не делось. Истома накопилась внизу живота и разрывала кожу на части.

Виски стекал по груди, бёдрам, ногам, и это... Гадко. Гадко, что он так играл со мной.

Я мычала. Я пыталась снять с себя оковы. Безрезультатно.

Брэндан лег на диван и, прежде чем накрыть себя одеялом, прошептал:

– Если ослушаешься и скажешь хоть слово или попытаешься сбежать, я завтра же отправлю во Францию войско. Невинные люди погибнут. И ты тоже станешь убийцей.

Я похолодела, чувствуя, как подступившие слезы разъедают глаза.

А потом закрыла их, чтобы Брэндан никогда их не увидел. И чтобы не видеть его, когда он отвернулся.

Потому что он был развернут ко мне спиной, и его шрамы напоминали мне о том, что кто—то создал его таким по своему образу и подобию.

Глава 11

Кенна

Как бы я не пыталась порвать прочную жемчужную цепь, мои усилия были напрасны. Я заснула на полу в муках с поднятыми вверх затекшими руками.

Как привязанная к столбу ведьма, как опозоренная шлюха и ненужная вещь, с которой поиграли и бросили на пол.

Одни только мысли об этом и моя провокационная поза уже были противны и оскорбительны.

Я знала, что Брэндан долгое время не спал. Чувствовала.

Но я не стала мычать, кричать и вырываться, решив, что это ниже моего достоинства.

Он получит равнодушие и спокойствие, а не то, чего он так рьяно добивается.

Хотя, я понятия не имею, чего он хочет.

Его поцелуй до сих пор горел на губах, а от воспоминаний о влечении, которое постоянно возникает между нами, раскалывалась голова и ныло все тело. Глупо было бы отрицать очевидное.

Я только что делала с его телом то, о чем раньше и думать боялась...

Я чувствовала себя такой грязной. За то, что желала его, когда он меня касался. За то, что хотела, почувствовать его руки везде... За то, что уснула, думая только о нем.

И пусть мои мысли были наполнены жаждой мести и нена-

висти – так или иначе я не могла думать ни о ком другом, словно привороженная.

Причинить ему боль. Вскрыть его душу, которой, как он думает, у него нет.

Есть, и еще как. Просто темная, без единого просвета. Но то, как он смотрит на сестру, то, каким он изображен на той картине в Большом зале... Ясно говорит мне об одном: принц не всегда был таким.

Когда я проснулась, первое что я почувствовала – это мягкие простыни и подушку под моим лицом. В ужасе, проведя по телу рукой, я распахнула глаза и обнаружила красные браслеты боли на своих запястьях.

Рана на ключице была залеплена, а на кресле у кровати лежало новое, не порванное платье.

Я с тоской посмотрела на него. Я так скучала по джинсам или шортам, в которых постоянно бегала на ферме. В таком платье невозможно побегать против ветра по травке, в нем и шаг—то сделать боязно – как бы не запачкать дорогую ткань и не порвать кружева.

Мысль о том, что Брэндан взял меня на руки и пронес через комнату, казалась немислимой. Неужели он опустил меня на кровать и смотрел на то, как я спала?

Может, это сделал кто—то из Гвардейцев?

Боже, какой позор... Меня передернуло от мысли, что кто—то, кроме Брэндана, видел меня в столь унижительном виде.

Ниже пасть уже просто нельзя.

Надев белоснежное кружевное платье, которое полностью обтягивало фигуру, я заметила рядом заколку с украшением в виде красного цветка. Сначала мне показалось, что это роза, но потом поняла, что эта форма бутона мне совершенно незнакома.

Я никогда не видела этого растения, хоть и жила в местности, где все было усыпано целыми полями цветов.

Сердце сжалась, когда я вспомнила о ферме, доме и Гаспаре.

Я мало вспоминала о нем, и все же с каждым днем, проведенным здесь, понимала, как сильно люблю Гаспара. Я уважаю его, доверяю, восхищаюсь им... Все эти слова неприменимы ни к Брэндану, ни к одному другому мужчине.

Потому что только Гаспару я могла бы доверить свою жизнь, и, появившись он прямо сейчас здесь, на пороге моей комнаты, я бы немедленно сбежала вместе с ним, полагаясь только на его защиту.

– Ты прекрасна, – В мыслях возник его образ: длинные, почти до плеч волосы, которые он изредка собирал в хвост. Военная форма, подчеркивающая статную фигуру. И глубокие зеленые глаза, которые знали все мои тайны. – Кенна.

– А кое-кто подлиза, – Нежно шепчу я, приближаясь к его губам. Провожу пальцем по его щеке, на ощупь помня каждую черточку.

– Я просто не перестаю восхищаться тобой. Ты такая

красивая, – хвалит меня он, поглаживая волосы. – Умная, – его губы находят мои и бережно касаются их. – Восхитительная. Добрая.

– Я не такая, – игриво отвечаю я, смущаясь. И это правда. Этот мужчина боготворил меня, не замечая недостатков.

Я жуткая эгоистка и, по натуре, отшельница. Мне хорошо наедине с собой, с природой, и я совершенно не умела общаться с новыми для себя людьми. Это здесь, в замке, мне приходится подстраиваться и ради разгадок всех тайн общаться с Мэри и пытаться как-то наладить отношения хоть с кем-нибудь. Найти себе как можно больше союзников, чтобы скорее обрести свободу.

– Я безумно тебя люблю, – его признание такое искренне, но мои слова застревают в горле, а улыбка превращается в неуверенную гримасу. Я вдруг смотрю в глаза Гаспара, стараясь запомнить этот момент. Но он ускользает.

И я ничего не могу почувствовать, хоть и умоляю Вселенную подарить мне хоть каплю той самой любви, о которой он мне говорит.

«Безумно тебя люблю».

Я не без ума от него. Наоборот, я только и делаю, что анализирую его слова, действия и поступки. И каждый раз только умом понимаю, насколько он идеален, что я должна его любить за эти бесценные качества.

Все это кажется таким неправильным.

Он любит меня. Любит!

А для меня это звучит так, будто он сказал о том, какая сегодня прекрасная погода.

Воспоминания рассеиваются, будто они были частью прошлой жизни или давно забытого сна, и я прикладываю руку ко лбу, укоряя себя за тотальный идиотизм. Дура. Всего мне было мало. Простой жизни у моря, братьев и Гаспара, который стал бы великолепным мужем и хорошим отцом. Я люблю, люблю его... Но эта любовь какая-то пустая.

Я не отдала бы за него жизнь. И я не боялась его потерять.

Если бы он сказал, что влюблен в другую, я бы отпустила его с улыбкой и свободным сердцем, искренне пожелав ему счастья.

Ненависть к Брэндану ощущалась совсем иначе. Она заполняла меня изнутри, заставляя разум и тело вести неравный бой, а душу трепетать от страха. Она пленила, она горела в моих венах, она сводила с ума...

От чего осознавать все это было еще противнее.

Я хотела бы увидеть его душу так же, как вижу его тело, и убедиться в том, что она черна, как ночь.

Чтобы разочароваться.

Но что-то заставляло меня бесконечно оправдывать его в самых глубинах моего сердца, я каждую минуту выдумала объяснение его жестокости и бессердечности...

И это действительно пугало. Бесконечные игры разума, в

которых я не знаю правил.

Прекратив этот непрошенный поток душевных терзаний, я открыла дверь и лицом к лицу встретила с одним из гвардейцев, который явно поджидал меня.

– Леди, прошу вас, пройдемте за мной, – с непривычной любезностью обратился ко мне офицер, отличавшийся от всех остальных глазами с прищуром и сияющей улыбкой.

– Что?.. Я сама найду свою комнату. Не нужно.

– Это приказ принца: проводить вас. Вы переезжаете, – мягко сказал он, положив руку на мое предплечье.

– Если вы не в курсе, то я каждое утро прихожу к принцессе Меридиане. И сегодня я очень опаздываю, – настойчиво повторила я, не собираясь куда—либо переезжать.

Не трудно догадаться, куда будет осуществлен этот переезд. Темница. Я задела Брэндана за живое – и вчера я отчетливо увидела это по его бешеному взгляду.

Он сделает все, чтобы окончательно растоптать меня, и следующие дни я опять буду облизывать воду с грязных камней.

– Пойдемте, – выбора у меня не оставалось. Я вновь пошла на поводу у принца, с отчаянием понимая, что это все. Никакого побега. Ни—че—го.

В голову пришла очередная мысль о Брэндане: я могу больше никогда его не увидеть.

Но все. Хватит, довольно. Я забуду подобие связи между нами, как страшный сон. И то, как таяла от его рук, и то,

какими были на вкус его губы...

Я вдохнула глубже, выравнивая дыхание. Добряк—гвардеец резко остановился у белой двери с нарисованным серебром узором.

– Ваша комната, леди. Северное крыло вместе со спальней принцессы Меридианы находятся не так далеко – вам нужно подняться по лестнице, пройти по длинному коридору и вновь спуститься. Сейчас мы в Южной Башне – это часть замка, которая принадлежит Его Высочеству Брэндану. Мне было приказано доставить вас сюда. И охранять вас.

Гвардеец открыл мне дверь, приглашая войти внутрь комнаты. Я находилась в таком шоке, что, не помня себя, ступила за ее порог.

Брэндан

Просторный зал с огромными панорамными окнами наполнился звуками бьющегося друг о друга металла.

Сегодня я два раза позволил Джейсону приставить мне шпагу к горлу, а такого никогда прежде не случалось. Это забавляло друга, но ровно до тех пор, пока я не занес клинок прямо над его лбом.

– Помилуйте, Ваше Высочество, – картинно заявил он, делая вид, что не напуган.

– Хватит паясничать, – отрезал я, откидывая шпагу в сторону. Расстегивая верхние пуговицы белой формы для фехтования, я потянулся за стаканом воды, который стоял на столе с десертом и фруктами.

– Что-то не так? Сегодня ты не в очень хорошей форме. – Только с Джейсоном я мог поговорить по-настоящему. Мы были друзьями с детства – вместе проходили обучение боевым искусствам и хотели поступить в Оксфорд. Он то свою мечту осуществил, а вот я поступил в другой «институт».

В Адинбург.

– Мой мир полон дерьма и грязи. У сестры ветер в голове гуляет. Парламент давит на меня со всех сторон. Они управляют мной, большая часть народа по—прежнему на их стороне. Они боятся перемен. Думают, что я буду еще хуже.

– Куда уж хуже. Большинство из этих Идиотов склоти-

ли себе состояние и плевать хотели на обычных граждан. А тем временем богатые – богатеют. Бедные – беднеют. Враг с запада не дремлет – того и глядишь, наступит нам на пятки и сделает нас своей колонией. Все они против объединения Европы...

– Народ слеп, он многого не понимает. Они видят только то, что я пошел против воли отца. Но они не знают его воли и не слышали его слов, которые он произнес незадолго до смерти. Я делаю все возможное, чтобы не пролить рек крови, и ты прекрасно об этом знаешь... Я на все готов ради этой страны. Но, видимо, судьба не идет мне на встречу. Мы не можем ее найти. А тем временем, наши отношения с Францией все хуже и хуже. Как и с другими странами. К тому же, больше половины людей считают меня Убийцей и Тираном.

И у них есть основания для этого. Но вспоминать о том, что случилось в день моего заключения, я больше не хотел.

– Мы не должны терять надежду. Как только мы найдем ее, мы встанем на правильный путь. Брачный союз поможет тебе стать Королем и укрепить связь с Францией навсегда. А там и со всей Европой.

– Но мы не можем ее найти! – нервно проговорил я, сжимая в руке стакан с водой. Джейсон пожал плечами, будто еще верил в то, что это возможно. – Возможно, ее и в живых—то нет. Я мучаю этих женщин. Там, внизу. Я думаю, пора отпустить их. Всех.

– Брэд, она может быть одной из них... Мы не знаем точ-

но.

– И как нам это выяснить?!

– Она сказала имя? Эта пленница. Или по—прежнему молчит?

– Молчит, и лучше ей держать свой грязный рот на замке, – прошипел я, не глядя на друга.

– О, – многозначительно протянул Джейсон, и мне не понравился тон его голоса. – Я удивлен твоему вкусу. Она некрасива, но что-то в ней, видимо, есть.

– Заткнись, – я смерил друга убивающим взглядом, не понимая, почему меня так злили его слова.

У нас были разные понятие о красоте – да и я прежде никогда не обращал внимания на чужестранок.

Но если до нее мне нравились исключительно типичные рыженькие британские красавицы, то теперь я от них плевался. В ней было что-то большее, чем просто внешность.

Она была сильной.

Она умела сказать «нет».

И даже голая с завязанными бандажом руками... Она стала моему телу более желанна, чем шлюхи, готовые ради меня на все каждую гребанную ночь.

Черт. Нет—нет—нет. Я не должен думать о пленнице, как о ком—то особенном. Она интересная жертва, не более. Жалкая узница, уже побывавшая передо мной на коленях.

И в ее жилах всегда будет течь недостойная моего рода

кровь. Она другая.

Я знал, что бывает, когда король завязывает близкие отношения со своей шлюхой. Получаются страшные, непоправимые ошибки...

Я знал это на своей шкуре.

Я не хотел повторять ошибок своего отца. Пусть он и любил маму, но я сомневаюсь, что их отношения стали прежними, после того как родился я. Ей понадобилось несколько лет, чтобы принять меня, как родного сына, и сделала она это исключительно потому, что обладала добрым сердцем и не могла отвернуться от маленького ребенка, пусть даже рожденном вне Королевского закона.

Я могу распустить всех пленниц, но грязнокровку, раз она бросила мне вызов, я оставлю. Оставлю как можно ближе к себе.

И буду ломать ее, пока она не поставит себя в один ряд с другими. Так и хочется сбить эту горделивую спесь с ее лица, которую я прежде не видел ни у одной девушки.

Тварь должна знать свое место.

– Вижу, ночь была интересной, – продолжал подшучивать Джейсон, хватая со стола яблоко. – Ну, и как она? Горяча?

– Она девственница. Ты за кого меня принимаешь? Я не стал бы пачкаться. Она всего лишь пленница. Которую спасла моя сестра.

Я передернул плечами, показывая, как отвратительна мне мысль о ночи с этой девушкой.

– Ну, да. Ну, да, – Джейсон откусил от яблока и быстро его съел, но даже за столь короткое время оно стало темным. – Я вижу. Что же в ней такого особенного, что ты вдруг пропустил от меня два удара? В первый раз.

Если бы передо мной стоял не Джейсон, я бы давно свернул собеседнику шею. Но и мне нужен был человек, с которым можно просто поговорить.

Пока я думал, Джейс съел второе яблоко и оставил на тарелке для объедков. Я взял из вазы красный плод – маленький, свежий и нетронутый.

– Посмотри на это яблоко, – я взглянул на друга, даже не рассчитывая на то, что он поймет. – И задай себе вопрос, чем оно отличается от тех, что чернеют на тарелке?

Потом я кинул яблоко ему в грудь, от чего он только рассмехался.

– Вот и ответ, – а про себя добавил: «Для тебя – ничем не отличается. И для меня не должно. И так не будет».

– Собери всех Лордов Парламента завтра вечером. Мне пора поставить их на место.

– Но... Брэндан, это бессмысленно. Они не признают...

– Собери, – прервал его я, и без того зная, что он скажет. Я ненавидел сам факт того, что он сказал бы правду, но это было так.

С самого рождения я носил клеймо, о котором не знал добрую половину своей жизни. И если бы все осталось в тайне, возможно, все сложилось бы по-другому.

***

– Я рад видеть здесь сегодня всех вас, уважаемые Члены Парламента. – Я окинул взглядом шестерых присутствующих мужчин, одетых в длинные мантии, которые скрывали их полные тела. Все они были уже довольно почетного возраста и имели за плечами большой опыт по управлению маленькой страной.

И он, безусловно, был для меня ценен, но не более того.

– Пришло время поговорить о том, куда нас приведет война с Европой. Куда ведете нас вы. – Я сделал акцент на последнем слове, чтобы до них, наконец, дошло, что массовое кровопролитие не поможет им построить долговременный союз со всеми соседними странами.

Недовольные мужчины посмотрели на меня, как на отребье – но я с достоинством вынес этот взгляд. Конечно, они недовольны. Недовольны тем, что восемь лет назад заточили в Адинбург главную угрозу для своей власти, а я взял и вернулся оттуда живым. Еще и с Армией союзников и людей, готовых отстаивать мои интересы.

Наконец, Лорд Тернер – пожилой мужчина с седыми волосами и бакенбардами – прервал молчание.

– Нападение – лучшая защита. Не ваше дело, как мы распоряжаемся нашей армией. Вы, Ваше Высочество – юнец, чьи политические взгляды сравнимы с взглядами ребенка на песочницу. Вы не понимаете, какие цели мы преследуем...

– Убийства. Взрывы. Запугивание. Вот ваши цели. Вы так

трясетесь, боитесь потерять свою власть, что готовы на все, чтобы остаться при деле. Но скоро я положу этому конец.

– Вы не имеете никакого права голоса и, уж тем более, прав на престол. Ваш род прервется, если Мэри не родит наследника. А значит и с Монархами навсегда будет покончено.

Я сжал зубы, стараясь не схватить за мантию лорда Корнуолла и не вытряхнуть из старика всю дурь.

– Я признан своей матерью, как родной. В моих жилах течет кровь моего отца. Церковь признала во мне наследника, когда мне не было еще и года.

– По ошибке! Никто не знал... – Лорд Тренер сделал глубокий вдох и выплюнул прямо мне в лицо: – Бастард! Что вы всего лишь Бастард! Вы... Вы сын Короля и его Шлюхи, о чем мы вообще можем говорить?! Бастиан был единственным настоящим наследником! Законным!

Два гвардейца у моего плеча резко направили автоматы прямо в грудь старому Лорду, но я остановил их рукой и взглядом, хоть это было и трудно. Гнев обжигал каждый оголенный нерв в моем теле, но я знал, что не должен показывать его им.

– Вы забываетесь, лорд Тернер. Вы говорите с будущим Королем. Даже сейчас я могу сделать так, чтобы от вас и живого места не осталось. А вы, тем не менее, продолжаете вякать... И думаете, что я не знаю, по чьему приказу расстреляли Короля и Королеву. Даже Адинбурга было бы мало за

такое деяние, не правда ли?

Его светлые глаза затуманились оттенками страха, и я надеялся, что другие будут более избирательны в своих выражениях.

– У вас нет доказательств!

– Есть или нет – это не так важно. Я могу быть очень убедителен. И ваши последние сторонники развернутся к вам спиной.

– Или же мы снова отправим вас туда, откуда вы вернулись. Люди еще не забыли, что вы – Убийца, – ехидно подметил Лорд Астингс, который до этого все время молчал со скучающим видом.

Одной секунды хватило, чтобы я смог отогнать от себя воспоминания о том дне. О том, что произошло между мной и Бастианом на том самом обрыве в лесу, куда я приходил каждый день.

Немного помолчав, я поджал губы и начал:

– Знаете, почему я вас всех еще не убил? Я же такой... Убийца. Да, вы правы. – Я щелкнул в воздухе пальцами. – Одного приказа будет достаточно, чтобы стереть вас с лица земли прямо сейчас. Но это... Слишком легкий путь. Моя коронация не будет такой интересной, если пройдет без присутствия ваших опечаленных лиц. И, ах, да, не найдется, что после нее я убью вас. Этого не случиться. – Я указал им всем на дверь, давая понять, что короткий разговор на сегодня окончен, и развернулся к выходу, пренебрежительно до-

бавив: – Я всех вас отправлю в Адинбург – Ад на этой земле.

В сопровождении охраны я покинул Зал Переговоров и почувствовал некое облегчение. И даже радость за то, что увидел, как они напуганы. А значит я на верном пути.

И все же, легитимной власти у меня по—прежнему нет. Меня слушаются только мои сторонники и верные подданные.

Кенна

– Вас что-то беспокоит, Мэри? – обратилась я к принцессе, которая схватилась за живот и уставилась в окно – в цветущий тем временем сад.

– Хватит, Кенна. Обращайся ко мне на «ты». Я устала от этих формальностей. – Она обошла свою комнату и присела на кровать. – Как бы я хотела нормальной жизни. Я и Даниэль. Работа, дом, работа. Ждать его с военных сборов и радоваться за его успехи.

– Знаете, мы часто не ценим то, что у нас есть. Дома я постоянно думала, что моя жизнь скучна и обыденна, а теперь мечтаю туда вернуться.

– Тебе так плохо здесь? – Мэри обеспокоенно глянула на меня, как будто действительно за меня переживала. За последние несколько дней мы очень сблизились, причем я и сама не знала, как это выходит. Мы часами могли болтать ни о чем, и хоть принцесса иногда раздражала меня своими капризами, я была терпима к ее скверному характеру. – Ты пленница, но ты живешь в замечательных условиях. Ума не приложу, почему брат передумал. Еще и отнял тебя в свое крыло. Он не объяснялся?

– Я не видела его больше недели. – Я непроизвольно начала кусать свои губы, припоминая свою последнюю встречу с Брэнданом.

Жемчуг. Прикосновения. Жар. Поцелуй. Кровь.

Боль в коленях прошла только пару дней назад.

– Это на него не похоже, – задумалась она, вглядываясь в меня. – Разве что ты... У тебя же ничего не было с моим братом?

– Не считая того, что он опускает меня каждый раз, когда видит, – ничего, – лихо соврала я, даже глазом не моргнув.

– Это радует. Это не мое дело, но Лия – одна из фрейлин – рассказывала, что он очень груб с фаворитками... Мне такое не по душе. Он трахается как животное. Это неправильно. Ему неведомо чувство любви и нежности. – С теплотой во взгляде она погладила свой плоский живот. Даже не верилось, что внутри нее зарождалась новая жизнь.

– Видимо, ты нужна ему для других целей. Но я не осведомлена по этой части. Насчет пленниц и прочего. Я раньше и не интересовалась этим – знала, что привозят каких—то девушек, с тех пор как Брэд вернулся, и все...

– И все-таки, расскажи мне, Мэри: что случилось с вашей семьей? Почему атмосфера в замке пропитана проклятьем и смертью?

Принцесса замешкалась, глядя на меня. Я прекрасно понимала, что она хочет поговорить, хочет рассказать свою историю, но не доверяет мне. Я взяла ее за руки и мягко сжала ладони.

– Я была маленькой. Я толком не знаю, что произошло. Родителей расстреляли после смерти Бастиана. Все произо-

шло в один день. И очень—очень быстро... — Тут она разрыдалась, да так сильно, что я испугалась и за девушку, и за ее ребенка. Мэри в последнее время напоминала комок из ходящих гормонов: то заливалась непрерывным смехом, то плакала без перерыва. — Я так их любила. Мы были чудесной семьей, — бормотала она, сотрясаясь от горя. — Мне было десять... И все произошло на моих глазах. Даниэль... Это он меня спас, укрыв в одном из подземелий замка во время осады. Ему было тогда как Брэду, может, чуть больше...

Я не знала, что ответить на это. В голове все давно перемешалось, я уже и не знала, как относиться к этой семье — то ли жалеть их обоих, то ли ненавидеть.

И все-таки, именно в эту секунду моя ненависть переросла в жалость. Я ничего не помнила ни о своем детстве, ни о происхождении, ни о родителях. Но даже мне иногда было тяжело и одиноко. Если бы не Гаспар, меня бы ни для кого... Не существовало.

А Мэри помнила их. И каждый день она просыпалась с этим чувством потери. Их же убили на ее глазах...

— Ладно, все, хватит, Кенна. Не знаю, как тебе это удастся, но рядом с тобой я не могу держать язык за зубами. Ты всегда выглядишь такой понимающей и искренней. — Она замотала головой, отталкивая меня.

Конечно, я знала об этой сильной стороне своего характера — люди действительно быстро проникались ко мне доверием. А вот я не подпускала никого. Могла часами слушать

разные истории из жизни других людей, но чтобы рассказать что-то самой... Об этом и речи быть не могло. Хотя, рассказывать особо—то и не о чем.

– Мне лучше помочь тебе сбежать, пока мы не стали подругами, – отшутилась Мэри, нервно посмеиваясь.

Надежда в душе расцвела во мне с новой силой.

– А может, стоит, Меридиана?

– Нет. Об этом и речи быть не может. Брэндан с цепи сорвется, если узнает, что я помогла тебе. Джейс проболтается про Даниэля. Не знаю, что они сотворят с Даниэлем... А если узнают про ребенка... – Ее и без того большие глаза расширились, а рот приоткрылся от ужаса.

– Но ты должна меня понять тоже. Принцесса... – Я старалась говорить, как можно проникновеннее. Для большей натуральности я вспомнила лицо Гаспара, стараясь вызывать в себе настоящую тоску по нему. – Мне нужно домой. Меня там тоже ждет человек, которого я люблю всем сердцем.

Это прозвучало слишком наигранно и искусственно, но принцесса вдруг замерла, оторопев:

– Правда? Я и не знала об этом. Я думала ты одинока и... Кенна, я не могу. И не говори об этом.

– Но мы можем сделать так, чтобы никто не узнал, что ты причастна. Ты же Принцесса, ты можешь все. Тебя это никак не коснется! Помогите мне, прошу тебя... Я искренне ненавижу вашего брата и ничего не могу с собой поделать. Он жесток со мной и с моим народом.

Она тяжело вздохнула, проведя рукой по моим волосам.

– Ты ничего не знаешь, глупая. Ты ничего не знаешь о Брэндане.

Конечно, абсолютно ничего. Принцесса даже не представляет, насколько мы с ним «близки».

– Я подумаю, Кенна. Ничего не обещаю. А пока будь приветлива с Брэнданом – может, он остынет, пораздумает и отпустит тебя сам. Этого я не знаю. Я сама не понимаю, зачем ему ты сдалась. Мой Брат как закрытая книга, написанная на древнем языке. Все могут ее видеть, но прочитать – никто.

Я закатила глаза, поразившись такому чудовищному сравнению. Я могла бы сравнить Брэндана только с кровожадным дикарем из древних племен, который не знает, что такое человеческое общение.

– Спасибо. – Я встала с кровати, вежливо кивнув ей. – Я никогда не забуду всего, что ты для меня сделала.

– Это все из-за того, что ты спасла Даниэля. Я чувствую, что должна тебе... Да и, к тому же, ты мне нравишься, Кенна.

Я слабо улыбнулась, не зная, что чувствую к принцессе.

Она и не друг мне, и не враг. И пусть я чувствую, как полна лицемерия, но на войне хороши все средства.

Главное – что теперь у меня есть надежда обрести свободу.

Глава 12

Кенна

Когда я в первый раз увидела комнату, в которую отвел меня офицер, была удивлена – совершенно не понимала, зачем Брэндан поселил меня в своей части замка, еще и в таком месте.

К тому же, это ничего не меняло. С той ночи я только один раз видела его в замке – и снова в окружении девушек.

И каждый раз, когда я думала о том, что он уединялся с ними вечерами, мне хотелось сгореть от стыда.

Я не была для него чем-то особенным, как могло мне тогда показаться. Я была одной из этих кукол, которая готова была на все, чтобы уважить своего Короля.

Когда я не видела Брэндана, не чувствовала к нему ничего, кроме ненависти. Но, заметив его в компании этих шлюх, возникло непреодолимое желание расцарапать их симпатичные мордашки.

Сходя с ума в своей спальне от одиночества, я менялась, не узнавая саму себя.

К тому же, меня начали терзать странные сны, которые я забывала, проснувшись. Но они были яркими. Как... Воспоминания.

Мне казалось, что это ключ к разгадке моего прошлого, и, возможно, рано или поздно я смогу вспомнить хоть что-нибудь. Хотя бы лица родителей и их смех. Но все было бес-

полезно.

Сны оставались снами.

Хоть и спала я теперь на роскошной белоснежной кровати, украшенной длинным балдахином. Моя комната была минималистична и современна: никакого золота, красного дерева и мрамора под ногами, как в комнате у Мэри. И мне это очень нравилось, потому что Замок с его холодностью и чопорностью начинал мне надоедать.

К тому же, Брэндан приставил ко мне постоянного охранника – Лукаса, который ходил за мной по пятам, словно тень. Даже дверь моя изнутри не запиралась, хотя это так глупо – ну куда я могу сбежать? Это крыло занимало всю башню, и, судя по виду из окна, я располагалась на достаточной высоте от земли.

Надев ночную сорочку, достав ее предварительно из шкафа, который любезно был набит одеждой моего размера, я легла спать и потянулась к выключателю, как вдруг дверь распахнулась, и с свойственной ему царской манерой Брэндан влетел в мою спальню.

Я автоматически натянула свое одеяло до подбородка, оглядев принца с ног до головы.

Сейчас он выглядел как обычный человек. Голубые джинсы и рубашка, какую носят игроки в поло.

Белый цвет ткани подчеркивал его загорелое тело и рельефность мышц.

Я подняла взгляд на лицо принца, застывшее с холодным

выражением.

Еле отведя от него глаза, я легла на подушки и сомкнула веки, делая вид, что мне плевать, зачем он ко мне явился.

Наверное, задумал очередной акт насилия или унижения – видимо, те куколки ему надоели.

– Ты так неприветлива, грязнокровка, – с издевкой заметил он, подкрадываясь к моей постели. У меня мгновенно возникло очень нехорошее предчувствие. – Сядь.

Я ничего не ответила, но не стала противиться – хорошо, я сяду. Как скажите, Ваше Высочество.

Брэндан встал около моей кровати и просто застыл, вглядываясь в черты моего лица. Только Дьявол знает, какие грязные мысли плясали в его голове, отражаясь огнем в синих глазах.

– Ты знаешь, почему ты здесь оказалась? – вдруг спросил он, размяв шею. Смена в его настроении пугала меня еще больше, чем открытые приказы и унижительные замечания в моей адрес.

– Потому что ты ужасный человек. И я вижу, как ты жесток со всеми, кто тебя окружает. – Я медленно и четко проговорила каждое слово, замечая, как его глаза сужаются, глядя на меня с интересом и презрением. – Что до невинных девушек... Которых ты держишь в ужасных условиях, которые живут в темницах и не видят белого света... Я не знаю, какие причины у тебя, чтобы делать это, но могу сказать одно: ты – чудовище.

Ни один мускул не дрогнул на лице Брэндана. Глаза были подобны синему тяжелому небу, замирающему перед сильной бурей.

Я знала, что рано или поздно рванет молния. И нацелена она будет на меня.

– Но ты их не видела. – Он нахмурился, и меж его бровей пролегла угрожающая морщинка.

– Я прекрасно все слышала. Их крики. Я видела, как ты расправляешься со своими служащими, и как легко с твоих губ слетают угрозы об убийствах. Я выросла в среде, где всего этого нет, и для меня это дико!

– Ты забываешься, – напомнил он мне, когда тон моего голоса стал выше.

– А мне плевать! Я просто хочу, чтобы ты отпустил меня! Или отправил обратно в темницу!

Конечно, я его обманывала. Жизнь в Королевской спальне была куда лучше облезлых и холодных стен подземелья. Но я знала, что не должна молчать, умолять и плакать. Я должна требовать – это единственное мое оружие против Брэндана.

– Я думаю, ты понимаешь, что ты никогда отсюда не выберешься. Неважно, зачем мне все эти девушки. Важно то, что ты оказалась неплохой игрушкой в постели. Хотя... Этого я еще не знаю. – глубоким голосом протянул он, а в следующую секунду его пальцы быстро захватили меня под челюстью, но не причиняли боли.

– И никогда не узнаешь, – пылко заверяю его я и пытаюсь

отстраниться, и тогда Брэндан сжимает крепче, напоминая мне о том, кто здесь хозяин.

– Судя по тому, как ты сосеешь член... – он слегка наклонился к моему лицу, обдав мятным дыханием. – Ты можешь быть очень страстной фавориткой. Ты сопротивляешься. Это забавно... Я никогда не любил легкую «добычу», но, к сожалению, в этом замке водится только такая.

Добыча. Меня трясло от того, как звучали его речь и это слово. Потому что я боялась, действительно боялась. Потому что я понимала, что такое ночь, проведенная с Брэнданом.

Это не нежные поцелуи и ласковые слова по утру, которые были у меня прежде.

Это другое.

Он будет трахать меня как животное, если до этого дойдет. Черт, это может случиться прямо сейчас...

– К тому же, ты невинна. Сначала я сомневался, но, судя по тому, как ты заводишься... – Он многозначительно взглянул на мою грудь, и я только сейчас заметила, как напряглись мои соски под тонкой тканью ночного белья.

Ублюдок.

– Я... – Я хотела сказать ему правду, но осеклась. И я ненавидела себя за это, потому что прекрасно понимала причину. Мне нравился его интерес, мне нравилось быть... Особенной. – Отомщу тебе. Пусть увидит весь мир, Ваше Высочество, но настанет день, когда вы будете валяться на коленях. За себя; за то, что ведете кровавую войну; за то, что

унизили меня, как девушку...

Я думала, что мои слова разозлят его, заденут, но эффекта, который был тогда, ночью, не произошло. Брэндан смотрел на меня как на маленького ребенка, который не выучил урок и что-то бормочет себе под нос.

– Что бы ты не говорила, меня это не волнует, грязнокровка. Тебе лучше вообще молчать. Единственная ситуация, в которой, твой язык может быть полезен – это когда твоя голова находится на уровне моих бедер. Ясно?

Другая его рука опустилась на мои волосы, и он потянул их в сторону, полностью управляя моей головой.

– Я спросил: тебе ясно?

Я сомкнула губы, уставившись в потолок. Он не получит от меня ответа до тех пор, пока не научится уважать меня.

– Ты хочешь, чтобы я «случайно» отправил парочку Гвардейцев в место, где ты жила? Говорят, у тебя была большая семья.

Я судорожно вздохнула, не веря в то, что слышу. В этом человеке нет ничего святого.

– У меня нет семьи. Я сама по себе.

– Теперь ты принадлежишь мне. И тебе лучше развлекать меня, а не утомлять своим упрямством и красноречивыми угрозами.

– Я не принадлежу вам! – вспыхнула я, снова переводя взгляд на Брэндана.

Противоречивые чувства вновь одолели меня. Искушение

– почувствовать руки Брэндана на своем теле – было слишком велико. И, в то же время, это желание шло наперекор разуму, который мечтал видеть его горящим на костре заживо.

И вдруг его манеры снова переменялись, удивляя, поражая, опьяняя. Брэндан наклонился к моим губам так близко, что наши носы соприкоснулись.

– Маленькая, ты принадлежишь мне. – Его колено опустилось меж моих ног, и он заставил откинуть меня на подушки, зависнув сверху. – Ты ласкала меня там, где я тебя просил, но не хотела этого. Я заставил. Ты сделаешь для меня все, что я пожелаю. И ты не посмеешьслушаться. Потому что понимаешь, каким жестоким будет твое наказание. Или еще не понимаешь? – шептал он против моих губ, медленно покачивая головой из стороны в сторону.

Что-то очень интимное, до боли дразнящее было в его движениях.

И я знала, что всему тому мои воспоминания о том поцелуе, о его вкусе у меня во рту. О запахе. При всем страхе, ненависти и аморальности происходящего, каждое слово, сказанное Брэнданом, заставляло меня вести внутреннюю войну с самой собой.

На каждое, сказанное им, гребанное слово я хотела прижаться к его колену местом, которое отчаянно нуждалось в его пальцах.

В его члене.

Вспомнив все это, моя голова вдруг закружилась, оставив

в голове только одну ясно выраженную мысль, которая и слетела с губ:

—Брэн—н—дан... — умоляюще произнесла я, прикрыв глаза, совершенно не желая этого. Я немного прогнулась в пояснице, надеясь, что он не заметит этого, но он, казалось, видит меня насквозь.

— Ты уже хочешь почувствовать мой член внутри, — довольно прошептал он, слегка задев пальцем мою влагу, и тут же убрал его. — Ты уже одна из желающих меня шлюх, которые ждут своей очереди.

Его слова царапают мне душу, возвращая к унижению. Мне действительно хочется сбежать отсюда как можно скорее, лишь бы больше никогда не чувствовать, как я теряю контроль.

Как... Становлюсь зависимой.

И сама не знаю от чего. Видимо, властность Брэндана настолько сильна, что не знает границ. Он убеждает, подчиняет, заставляет.

А я готова простонать, схватить его и немедленно положить его руку туда, где еще минуту назад чувствовала легкое прикосновение его пальцев — между ног.

Слегка встряхнув головой, пытаюсь прийти в себя.

— Оставь меня. Оставь меня, — прошу я, скрывая в своем голосе гамму противоречивых чувств.

— Я оставлю тебя, зная, что ты уснешь, вспоминая мой вкус у себя во рту и прикосновения на твоём теле. В следу-

ющий раз ты придешь сама. Это – приказ.

– Тогда вынуждена предупредить: я его ослушаюсь. – Я резко отодвинулась от него, стараясь не смотреть на Брэндана.

Его сила заключена в глазах, смотреть в которые – настоящее самоубийство.

– Надеюсь, ты понимаешь, что тогда тебе придется об этом пожалеть. Не заставляй меня... Быть грубым. И делать тебе по-настоящему больно. Мне не хотелось бы портить твою нежную кожу. – Он поставил мне ультиматум и, еще раз оглядев меня с ног до головы, удовлетворенно кивнул.

Я прикрылась одеялом, прекрасно зная, что он видит. Он видит, как я сдаюсь его воле и растекаюсь перед ним, как кусочек льда на солнце.

Это так мерзко.

Я сама себя ненавижу больше, чем его – за такую слабость.

Отвернувшись к стене, я слышу его тихие шаги, а потом резко опускаюсь лицом в подушку, чтобы притупить все слезы и чувства на корню.

Но воспоминания становятся все ярче и ярче, что уже через пятнадцать минут я с ног до головы покрываюсь холодным потом.

Словно находясь под действием дурмана или наркотика, я слышу только его голос в своей голове, и впервые трогаю свое тело медленно и нежно, представляя, что это руки Брэндана.

Кончики моих пальцев невольно тянутся к бедрам, и, сго-

рая от стыда и желания, я опускаю их между ног, постоянно прокручивая его слова в своей памяти.

«Соси его. И делай это, пока не сможешь назвать меня по имени».

«Жестче».

Я поглаживаю свою кожу быстрее, прикрывая глаза от удовольствия.

«Маленькая...».

Сладкий трепет внизу живота требует большего, и я сама не замечаю, как извиваюсь на простынях, бесстыдно раздвинув ноги.

Так грязно.

Так хорошо.

Я хочу чувствовать его язык на месте своих пальцев и, представляя эту неосуществимую картину, без конца повторяю его имя, чувствуя, как ноги дрожат от обрушившегося на меня удовольствия.

– Брэндан...

Flashback

. От третьего лица

– *Джонатан... – срывающимся голосом произносит Кэтрин, пряча в своих волосах дрожащие пальцы. Глаза девушки полны слез, а сердце разрывается от постигшего от мужа предательства. – Ты говорил, что л—любишь только меня... Что никогда не будешь пользоваться привилегиями Короля.*

Они оба знали, о каких «привилегиях» идет речь. Еще молодой широкоплечий мужчина впервые в жизни выглядит таким убитым, таким растерянным.

Властное выражение его лица вдруг затуманилось болью — он не знал, что сказать в свое оправдание, как исправить все то, что он натворил.

Он бы отдал половину своих земель, чтобы вернуть время вспять и никогда не совершать этой ошибки, но все было как в тумане.

Джонатан не отдавал себе отчета в том, что делает. Та девушка словно околдовала его...

— Прости. — Он никогда не просил ни у кого прощения. Король вообще мало заботился о чьих—то отдельных душах. Только, в целом, о народе, но члены семьи удостаивались его мудрости, его заботы и любви.

Кэтрин и Бастиан были для него всем, и он не понимал, как смог отвернуться от этого и разрушить отношения со своей женщиной. Со своей Королевой.

— Я знаю, ты простишь меня, Кэтрин. — Он говорил спокойно, как и всегда. Не в его характере было падать на колени и умолять о прощении. — Она... Ведьма. Я был словно под действием заклятия.

От части, Джордан не врал. В молодости он любил разных женщин — надолго в его постели они не задерживались, но так было до того, как Король встретил Кэтрин. С тех пор он не изменял жене до того, как не познакомился с одной

из ее компаньенок – Анной – и не потерял голову.

Было в этой Анне что-то мистическое, загадочное, словно от Дьявола: синие обещающие удовольствие глаза за трепетом черных ресниц, пленительный взгляд, точенная фигура и медленный тихий голос, завораживающий своей сексуальностью.

Только недавно Джонатан узнал, что Анна увлекалась всякой чепухой – читала книги по древней магии, ходила в лес, проливая свою кровь во имя очередного дурацкого ритуала... Мысли, что она его приворожила, не покидали его, особенно после той ночи, когда они прощались.

Тогда он сказал, что оставит ребенка – мальчика, которого он назвал Брэндан (принц), а в ответ она опустилась перед ним на колени и заплакала.

Она умоляла не забирать ребенка, но как только он увидел своего сына, понял, что не сможет с ним расстаться.

– Прошу, мой Король... Я не хочу изгнания... Только позвольте мне быть рядом с сыном... Я прошу тебя, Джон... – Она валялась у него в ногах, рыдая от боли, которую поймет только мать, которую навсегда разделяют со своим дитя.

– Анна, ты отправишься за океан. Ты должна благодарить меня. Я дам тебе все, ты ни в чем не будешь нуждаться. Я приму сына, как родного.

– Кэтрин никогда не назовет его родным! Он будет Бастардом! Все будут его ненавидеть, он будет тенью твое-

го настоящего сынка – Бастиана... – гневно прошипела она, захлебываясь слезами. Ее неземной красоты лицо было искажено гримасой ужаса, да настолько, что сейчас она действительно напоминала Джонатану уродливую ведьму.

– Молчать! Я не допущу этого! – Он протянул ей руку, пытаясь помочь встать, но Анна не принимала его помощи и прикосновений.

Она слышала плач мальчика, которого любила большего всего на свете.

– Я ничего тебе не обещал, – тихо сказал Джонатан, встряхивая девушку за плечи.

Взгляды бывших любовников встретились – в глазах у обоих еще тлели огоньки ненасытной страсти, но теперь она была еще более запретной и разрушающей, чем прежде.

– Ты... Бездушная скотина, тварь и подонок, каким всегда был! Ты...

– Между нами был просто секс. Я не смог совладать со своей похотью и если бы верил в сверхъестественное, то был бы уверен в том, что ты этому посодействовала.

– Ах, так! – взревела Анна, ненавидя мужчину, которого еще несколько недель назад боготворила. – Я прошу оставить меня, Джонатан... Я буду твоей любовницей... Буду кем угодно. Только оставь меня рядом с сыном...

Она умоляла, заклинала, просила его только об одном. Но Джонатан избегал ее синих глаз, которые могли убедить в чем угодно, и оставался непреклонен.

– Вся ваша семья сгорит в аду. А мой сын... Он еще себя покажет. Оставляя его у себя этого Ангелочка... – Она жалобно всхлипнула, прислушиваясь к голосу мальшиа, который плакала в кроватке. – Ты берешь под свое крыло Дьявола.

– Что ты несешь? Ты мне угрожаешь? – Джонатан не понимал, к чему клонит эта сумасшедшая.

– Еще как! Я никого не пожалею! – Вдруг Анна встала с колен и расправила плечи, закрыв глаза. Руки ее поднялись вверх, а губы зашептали слова, значения которых Джонатан не знал, да и не хотел знать. – Дерьмьен дер... ванто. Лаасаар, – повторяла она, пока король не прервал ее бредни одним метким ударом по щеке.

Она только пошатнулась, приложив ладонь к своей коже. Он часто бил ее в порыве страсти – она уже привыкла. Но сейчас этот удар имел совсем другое значение, и он окончательно раздавил все ее надежды на то, что она еще может вернуть бывшую связь с Джонатоном.

Ее заговоры рассеялись. Все ритуалы потеряли силу. Любовь Джонатана к Кэтрин была слишком сильной, и она больше не могла держать его ничем, сколько бы не подливала свою кровь ему в вино.

– Ведьма, ты сумасшедшая. И что я в тебе нашел? – шептал король, сотрясаясь от гнева. Слишком сложные чувства и эмоции он испытывал к этой женщине.

Слишком сильно был привязан к ней, пусть и не любовью –

настолько, что даже не мог отпустить ее вместе с сыном.

Джонатан был жутким собственником и не хотел даже думать о том, что принц, пусть и полукровка, будет скитаться где-то там, за океаном, даже не догадываясь о том, какой он – его отец.

Теперь, объясняясь с Кэтрин и вспоминая сцену расставания с Анной, он, наконец, обрел уверенность в том, что жена простит его.

– Кэт... – слишком нежно для своего характера произнес он, взяв жену за руки. – Ты же знаешь о моих чувствах к тебе. Ты единственная женщина для меня.

– Он всегда будет напоминать мне о твоём предательстве, Джонатан! – резко оборвала его Кэтрин, отпуская его пальцы. – Как ты мог...

Она тихо заплакала, до сих пор не зная, как унять разрывающую боль в сердце. Она смотрела на своего любимого мужчину и не узнавала его – волевой подбородок, мужественная щетина и любимые глаза вызывали в ней только отчуждение и ярость.

А пальцы, к которым он только что прикоснулся, и вовсе – отвращение.

Сколько раз он прикасался ими к другой женщине...

Ее стало подташнивать, она схватилась за грудь, медленно осматривая взглядом и без того закружившуюся перед взором комнату.

– Довольно, любимая, – снова попросил он, но уже более

строго. Терпение Джонатана кончалось – он считал, что Кэтрин обязана понять его поступок.

Он сознался во всем сам.

Он просит ее принять ЕГО ребенка.

Он – Король.

А это значит, что, в итоге, она все равно не посмеет долго злиться на него. А он, в свою очередь, сделает все, чтобы она его простила.

– Любимая...? – горько спросила Кэтрин, прислушиваясь к плачу Брэндана, которого она еще не видела, но уже ненавидела всем сердцем. – Сколько раз ты так называл ее?

– Довольно, Кэтрин. – Он силой взял ее за руки и дернул на себя, прижимая к своей сильной груди. Резко прижавшись лицом к ее волосам, он приблизился к ее ушку, прекрасно зная, что она бессильна перед его шепотом: – Ты единственная девушка, которую я любил и люблю. Остальное – неважно. Ты простишь меня. Ты простишь меня... – Он крепко сжимал ее в своих объятиях, не собираясь отпустить.

– Тебя простить я могу. Но принять сына от этой шлюхи...

Джонатана передернуло от ее слов.

– Не говори так, Кэтрин, иначе ты вспомнишь, что такое – Король в гневе, – с нежной угрозой заявил он, убирая волосы с ее заплаканного лица. – Ты даже не видела его. Он... Особенный ребенок. Так же, как и Бастиан. В его жилах те-

чет моя кровь.

Кэтрин едва сдерживала свои эмоции. Сравнить Бастиана... С этим отродьем. Для нее это было хуже, чем осознание того, что Джонатан касался другой.

Не спрашивая ее большие, он подвел жену к кровати, в которой лежал младенец.

Он был таким крохотным – маленький комочек, затерявшийся в черно—серебристых пеленках.

Кэтрин взглянула на него сквозь пальцы. На нее смотрели синие, как ирисы, глаза.

Ее сердце забилося быстрее, когда она взгляделась в черты лица ребенка.

Она была права, когда сказала, что он всегда будет напоминать ей о том, как Джонатан поступил с ней. Мальши был совсем не похож на Джона, в отличие от Бастиана, который являлся точной копией его любимого.

Но это не делало его менее прекрасным.

Это был всего лишь маленький ребенок. Крохотный, невинный, словно ангел, спустившийся на землю.

Его глаза были волшебными: Кэтрин и сама не понимала, как сможет от них оторваться.

Поймав себя на этой мысли, она опустила руки и посмотрела на него уже в открытую.

Брэд перестал плакать. Он, казалось, еще больше выпучил синие глазенки и рассматривал «маму» с интересом.

– Кэтрин, ради Бога, прости меня. Прими этого ребенка.

Я хочу, чтобы все думали, что это наш ребенок. Ты, как раз, только вернулась от матери. Скажем, что ты уезжала, чтобы родить. Никто ничего не узнает. Он будет навсегда спасен от позора. Обещаю, все плохое забудется, — мягко проговорил король, обхватывая Кэтрин сзади. — У нас будет новая малышка чуть позже. Девочка. Такая же красивая, как ты.

Она слишком сильно любила его, чтобы оставаться равнодушной к его словам. Тяжело вздохнув, она ответила не сразу:

— Я приму его, — три коротких слов, через которые она отдала любимому всю себя. В который раз. Потому что не могла иначе.

В глубине души она верила, что интрижка с Анной для него ничего не значила. Да и она сама уехала, оставила его без присмотра. Оставила сына, сославшись на то, что устала от жизни в замке, где каждый день приходилось носить маску. А выйдя на улицу, вечно бегать от папарацци.

Она допустила ошибку.

Еще, когда полюбила его, но это уже было не важно.

— Правда? — срывающимся голосом переспросил он, прижимая руки к ее животу.

— Да, — тихо подтвердила Кэтрин, наклоняясь к Брэндану. — От его глаз невозможно оторваться. И он ни в чем не виноват. Я не хочу, чтобы мальчик рос с клеймом позора на лице. Я буду относиться к нему так же, как к Бастиану.

– Бас – истинный наследник. Брэндан – мой сын. И не более. Надеюсь, это тебя радует.

– Бастиана ждет трудный путь, и это меня не радует. Как и Брэндана. Но... Я стану ему матерью. И не потому, что ты просишь, и я тебя уже простила. А потому, что он правда...

Она не договорила. Магия, да и только. Но нее смотрит мальчик – не ее, чужой, а она уже чувствует себя так, будто хочет нравиться ему. Она хочет воспитать его. Хочет видеть его первые шаги.

В этом была вся Кэтрин – мудрость, нежность и доброта. Олицетворение идеальной матери и чистоты. Непосредственности, за которую полюбил ее король.

– Ты моя Королева, – мягко развернув жену к себе, Джон прижался к ее рукам губами, обсыпая ее нежную кожу короткими поцелуями. – Только моя королева.

Кэтрин молчала, отдаваясь его ласке. Каждым поцелуем он снимал ее боль, забирая обиду. Она не могла долго злиться на Джонатана – она всегда прощала ему все: будь то грубость или едкий приказ в ее адрес.

Ее любовь была безусловна, и даже если бы он держал при себе тысячи любовниц, она бы все равно терпела.

Потому что она знала, знала одно...

Что только ее он называл «моя королева».

Брэндан

Дверь в мою комнату закрылась за спиной с оглушающим грохотом, но мне было этого мало. Я вновь распахнул ее и с силой захлопнул обратно, наслаждаясь разразительным шумом.

Злость закипала во мне, как раскаленная магма, превращая в ходячего агрессора.

– Черт! – Выругавшись, я вновь ударил по двери кулаком, чувствуя, как лоб покрылся испариной. Сделав пару шагов, я встал, пытаюсь сфокусировать взгляд хоть на чем-нибудь и отдышаться.

Моя комната представляла собой двухэтажный лофт на вершине башни. Никакого намека на мрачность и старину замка – я не любил весь этот пафос и при себе держал только самое необходимое. Именно в этой комнате я обустроил все так, как хотел. Первый этаж был зоной для отдыха с синтезатором и мягким диваном, на котором с утра я разбросал утренние газеты, которые писали про меня очередную чушь.

Недопитый кофе на журнальном столике перед телевизором.

Поймав его взглядом, я подлетел к кружке и с криком кинул ее на пол, схватившись за волосы.

Меня трясло от ненависти. От того, что я способен терять контроль, от того, что я уже его теряю.

От того, что сегодня был тяжелый день, и я готов был немедленно отравить всех Членов Парламента, которым хватило наглости в очередной раз напомнить о моем гадском происхождении.

Сыш шлюхи короля.

Бастард.

На людях я придерживался напускного равнодушия, но сейчас все внутри требовало разрушения. Казалось, даже шрамы на спине заболели, напоминая о том, через что мне пришлось пройти, но это была полная хрень – мне было не так важно, что сотворили с моим телом в Адинбурге.

Шрамы. Всего лишь рубцы на теле.

Гораздо глубже были шрамы другого характера.

Они давили меня, душили, словно невидимая всемогущая сила держала меня за грудки, вытряхивая остатки души.

Кэтрин была для меня единственной матерью. Другой я не знал и какое—то время не знал, что я «ненормальный».

Во всем виновата кровь... Жалкий генетический набор, за который меня обвинили во всех грехах.

– Не оправдывай себя, не оправдывай. Ты все равно – убийца, – болезненно прошептал я, мечась по комнате. Лестница, ведущая в спальную зону моей комнате, расплывалась перед глазами, и, направляясь к ней, я схватился за поручень, желая вырвать его с корнем.

Это была прошлая жизнь, далекая – она больше не принадлежала мне. Счастливая жизнь, в которой мы были боль-

шой семьей. Где брат был мне настоящим другом, а мама любила как родного, несмотря на то, что это было не так. Отец давал мне уроки мудрости и делился жизненным опытом, постоянно повторяя единственный устав: «Брэндан, не так важно, чем ты занимаешься. Важно – какую пользу ты приносишь людям. Будучи Королем или просто лицом публичным, ты должен понимать, насколько это большой шанс – сделать что-то не только для себя. Но и для тех, кто в этом нуждается».

И это и было моей целью. Когда-то. До этой мерзкой пропущенности в шесть лет, когда я вынужден был гореть в котелках Адинбурга.

Сморщившись от боли, я вспомнил мертвые, бездушные глаза Служителей Адинбурга и пожелал раз и навсегда забыть их. Но они преследовали. В каждом. Ночном. Кошмаре.

А теперь еще и это. Эта девка.

Почему—то именно после того, как она появилась здесь, я все чаще стал вспоминать прошлое, которое уже почти стерлось из памяти.

Виной тому ее открытость или упрямый нрав, или то, что она была единственной девушкой, кто мог ответить мне «на равных»... Я не знал. Но чувство, что она срывает с меня кожу, не покидало. Вместе с тем желание обуздать ее становилось до безумия диким.

Прижавшись лбом к зеркалу возле лестницы, я слегка уперся кулаком в его гладь и закрыл глаза, чтобы не видеть

свое отражение.

Красота не имела никакого значения, когда внутри я чувствовал себя гребанным чудовищем.

Успокоиться.

Дышать.

Последним, что дало мне расслабление и легкую эйфорию, были ее губы. На моем члене.

Мои движения в такт с ее неопытным, невинным ртом. Но, черт возьми, как она произносила мое имя, как хотела доставить удовольствие, пытаясь скрыть это в карих глазах, горевших желанием.

Я знал, что, если трахну ее, потеряю интерес. Игра закончится.

Не трахну – сойду с ума от боли в члене, который каждый раз реагирует на ее аппетитную фигуру, фарфоровое личико и упрямый нрав.

А еще месяц назад я считал ее дурнушкой. Но здесь она изменилась... Или изменился я?

Никогда не помнил вкуса губ, но ее вкус я запомнил надолго. Мягкость губ, которые не сразу мне отдались.

Эта девушка была абсолютной загадкой для меня, начиная с самого главного – ее гребанного имени.

Я должен бы отправить ее куда подальше, но сам не заметил, как делал все, чтобы она была как можно ближе.

Это нужно закончить. Я должен ее отпустить.

Зарывав от злости, я со всей дури ударил зеркало, отпря-

нув от него, свалившись на пол. Не понимая, что произошло, я закрылся руками, чувствуя, как его осколки падают на меня.

Один врезается в предплечье, но мне плевать. Боль сильна, но не настолько, чтобы быть жестче той, что я испытывал в Адинбурге.

Когда оно полностью рассыпается, я расправляю руки по осколкам, разбрасывая их в разные стороны по всему полу.

Их так много. И в каждой части меня, и в каждом я потерян настолько, что кажется, что меня нет.

Я так давно не испытывал никаких чувств, что эта ненависть меня разорвет. Как это зеркало.

Я – это зеркало, и я не хочу, чтобы моим личным кулаком, который сломает меня, станет какая-то грязнокровка.

Я сломаю ее первым.

Кенна

Когда я проснулась на следующий день, первым, о чем я подумала, была мысль о побеге. Я с нетерпением шла к Мэри, надеясь, что она подумала над моими словами и поможет мне осуществить задуманное. Но оставаться здесь так близко к Брэндану, от которого у меня кровь стынет в жилах, я больше не намерена.

– Доброе утро. – Я вошла в комнату с коротким кивком, но не обратилась к принцессе должным образом, за что Лия и Тесса – другие компаньонки Мэри – смерили меня взглядом, полным презрения.

Еще бы, для них оставалось загадкой, что я здесь делаю, так же, как и для меня. К тому же, они начали замечать, с кем Мэри предпочитает проводить свое время, и в тайне меня ненавидеть.

Если бы лицо Брэндана читалось так же легко, как лица этих недовольных идиотов...

Моя жизнь бы была намного легче.

– Лия, Тесса, вы можете ждать нас внизу, – мягко попросила девушек Мэри, но это звучало как приказ и намек на то, что она хочет поговорить со мной наедине. За это в мою сторону полетел еще один раздражительный взгляд.

– Что случилось? – спросила я, когда они ушли. – Ты в порядке?

Мэри робко улыбнулась, опустив взгляд.

– Да. Он был так счастлив. – Она закружилась по комнате, опускаясь на кровать. Я смотрела на нее и удивлялась тому, что от ее бывлой капризности и строгости не осталось и следа.

Либо мы сблизились, и она стала вести себя иначе по отношению ко мне, либо... Ожидание ребенка так ее изменило.

– Он сказал, что не позволит мне убить его. Что, скорее, умрет сам. – Вдруг она мгновенно помрачнела, сморщившись, будто от невыносимой боли. – Кенна, что мне делать? Брэндан убьет его.

– Боже, ну почему? Почему? Неужели в нем ни капли человечности?

– Ты не понимаешь. Он слишком хорошо знает, что такое... Неважно, – оборвала она, ничего мне не объясняя.

Я смотрела на ее счастливое лицо, на порозовевшие щеки, которые сливались с цветом ее рыжих волос, и не понимала, как у такой прекрасной девушки может быть такой брат? Это генетически невозможно.

– Гвардейцы при дворце дают особый обет перед церковью. Им нельзя жениться и заводить детей. Их долг – защищать страну и своего Короля. Мы совершили ужасное преступление...

Я не могла поверить в то, что она говорит всерьез. Получается, что в мире, где мы живем, любить – это преступление.

– Любовь – не преступление, Мэри. – Я хотела поддержать ее словами, какими угодно, потому что действительно переживала за нарождённого малыша. – Ты не должна быть рабыней своего брата, как я. Ты принцесса. У тебя есть миллионы прав на то, чтобы установить свои законы и жить так, как хочешь ты.

Мы обменялись долгим взглядом, после которого Меридиана нацепила на себя холодную маску равнодушия.

– Мне нельзя сближаться с тобой, Кенна. И именно поэтому я должна тебя обрадовать: сегодня ты покинешь стены замка. – Мое сердце пропустило удар, незамедлительно реагируя на ее слова. – Ты поедешь со мной и девочками в Лондон. Мне нужно выбрать несколько новых платьев в ателье у Розы Вар. У меня есть несколько офицеров, которые слушают меня, а не Брэндана, и, хоть мне стоило это больших усилий, сегодня нас будут сопровождать только они. Ты выйдешь из салона через заднюю дверь, там тебя будет ждать один из гвардейцев – Натаниэль. Он отвезет тебя до родных земель.

Я не могла поверить ее словам. Я так сильно хотела сбежать, так долго представляла это, что думала, что мне будет нереально трудно это сделать. А тут... Все так легко. Что даже подозрительно.

– Все так... Просто? Я, правда, свободна? – уточнила я, глядя на Мэри.

– Да. Для всех нас будет лучше, если ты покинешь замок.

Нездоровый интерес Брэндана к тебе начинает пугать меня. Это на него не похоже.

Я не знала, что ответить на это все. Личных вещей у меня не было, поэтому в комнату возвращаться не было смысла. Было как-то странно осознавать, что я не чувствую радости от предстоящего освобождения.

Только не понимаю, почему.

Может быть, потому, что знаю, что дома меня никто не ждет, а Гаспар не ищет.

Для мира я перестала существовать, как только оказалась здесь. Но Брэндан позволял мне чувствовать, что я существую.

Что я живу.

***

У ворот на территорию замка нас поджидала длинная черная машина, и всю дорогу до Лондона мы провели в молчании, изредка переглядываясь с принцессой. Была какая-то тоска в ее глазах, я чувствовала свою значимость, когда она так смотрела на меня.

Что с ней будет? Чем закончится ее история с ребенком? Я вряд ли узнаю это из новостей, да и вообще когда-либо.

Когда мы въехали в город, я приставила лоб к окну, не в силах оторваться от Лондонских улиц. Этот город был огромен, современен и загадочен. Серые тучи, как всегда скопились над высокими небоскребами различных форм и размеров, но больше всего мне понравилось здание, полностью

сделанное из зеркал изумрудного—голубого цвета.

Здесь была совсем другая жизнь. Огромное количество машин, людей в дорогих костюмах, которые спешили на работу или обед. Пожилые дамы, выгуливающие собак около входа в Гайд Парк, и бесконечный поток двухэтажных красных автобусов.

С больших плакатов на меня смотрели лица кинозвезд, имен которых я не знала. Подобное я видела только один раз, когда была в Париже, и эта атмосфера захватывала меня, была чем-то совершенно новым и неизведанным.

Но вот народ, который толкался на улицах, словно стая муравьев, раздражал – здесь было слишком людно. И все куда-то спешили, одаривая друг друга холодными взглядами и неприветливыми лицами.

Наконец, мы подъехали к салону, и нас тут же облепили папарацци.

– Закрой лицо руками, – приказала мне Мэри и сама последовала своему совету. Быстро проскочив в салон с Тессой и Лией, я огляделась.

Повсюду стояли манекены шикарных платьев, больше напоминающих свадебные.

– Ваше Высочество, какая честь. Рада видеть вас и ваших компаньенок. – К нам навстречу вышла хозяйка салона – светловолосая женщина средних лет, одетая в эффектный брючный костюм, который подчеркивал зону ее декольте.

– И я рада видеть вас, Роза. Не могли бы вы пока помочь

Ли и Тессе с выбором платьев? Мне нужно сделать пару важных звонков. – Мэри достала из сумочки телефон, взглядом позволяя подругам делать в салоне все, что угодно.

– У вас новая компаньонка? Можно мне ее параметры? – вежливо поинтересовалась Роза, пристально разглядывая мою фигуру. Я чувствовала себя на осмотре у врача. – У вас дивная фигура.

«Дивная».

Меня перекосило от этой фальши в ее голосе, но я—таки натянула на себя улыбку.

– Я побуду рядом с принцессой.

– Да, она останется со мной, мне не хотелось бы оставаться наедине с папарацци, которые вот-вот проломают входную дверь, – отшутившись, произнесла Мэри, глядя на прозрачную дверь, через которую был виден человек с постоянно вспыхивающей камерой в руках.

Когда Роза и компаньонки поднялись на второй этаж магазина, Мэри взяла меня за руку и повела за собой.

– Мэри, стой, – вдруг оборвала я, остановив ее прямо посреди белоснежного коридора, который явно вел к запасному выходу.

– Что такое? – нахмурилась она, вскинув брови. – Нас кто—то видит?

– Нет... Я просто боюсь за тебя. Что если Брэндан узнает, что это ты помогла мне сбежать? Что с тобой будет?

Этот вопрос не давал мне покоя. Я не хотела быть причи-

ной, по которой Мэридианна окажется в опасности. В ее—
то положении.

– Не переживай за меня. Он не узнает. А даже если узнает
– не убьет.

– Он может перейти на Даниэля...

– Он не узнает, Кенна! Хватит меня пугать! – Мэри схватила меня за запястье. – Уходи и не возвращайся. И лучше навсегда забудь меня, моего брата и все, что здесь произошло. Для тебя все плохое кончено. Я верю, что ты будешь счастлива с тем... Со своим любимым...

Мне стало так стыдно, что я приврала ей. Гаспар был мной не настолько любим, чтоб ради него жертвовать своим положением, своей семьей и идти на такой риск.

Но Мэри сделала все это для меня, не попросив ничего взамен. Я не выдержала.

Сделав шаг, я крепко обняла ее, погладив по длинным волосам.

– Я не знала, что так привяжусь к тебе, – всхлипнула она, глядя на меня блестящими глазами. – Ты удивительная, Кенна. У меня никогда не было подруг. Но, если бы не все те обстоятельства, при которых мы познакомились, ты бы обязательно ей стала.

Я была растрогана, но в ответ только крепче обняла ее, не находя слов. Я будто дар речи потеряла, до конца не осознав, что происходит.

Я покидала свой личный Ад, но у меня было такое чув-

ство, будто я расстаюсь с чем-то важным. Будто с судьбой.

– Я буду молить небеса о твоём ребенке. Все будет хорошо. – Это были последние слова, которые я ей сказала. Перед тем как открыть дверь, я в последний раз посмотрела на нее, стараясь запомнить ее милые веснушки, рыжий шелк волос и доброту во взгляде.

А потом открыла дверь и сделала шаг в никуда.

Глава 13

Кенна

Я вышла на узенький задний двор, где стояли множество картонных коробок и пара больших баков для мусора. Подняв взгляд выше, я увидела спину офицера, одетого в знакомую мне форму, и почувствовала облегчение.

Все идет так, как нужно. И очень скоро я буду дома. Вдохнув полной грудью дневной воздух, я направилась к Гвардейцу.

– Вы – Натаниэль? – Я окликнула мужчину, и он тут же повернулся, словно только и ждал моего голоса.

Он повернулся, резко захлопнув мне рот рукой, и все мое тело пронзил дикий страх, когда я за секунду поняла, кто был передо мной.

Эти бездушные, пустые глазницы; этот мерзкий запах человека, который жаждал мести и расправы надо мной и, одновременно, тела.

Меня схватил Золотозубый. Он перевел полноценную руку на мое горло и сдавил его, наслаждаясь моей беспомощностью:

– Красотка, пришел твой час. – Он повел меня через арку, запихивая в машину, но я не собиралась сдаваться. – Ты заплатишься за то, чего меня лишила.

– Гребанный ублюдок! Ты получил по заслугам! – взревела я, но в машине меня вдруг встретили две пары новых рук,

которые похабно схватили меня за руки и принялись лапать так, словно налетевшие ястребы на кусок свежей добычи.

Я захлебывалась от собственной глупости, от растерянности. Мэри не могла так поступить со мной. Не знаю, как это вышло, но я не верю, что все это было специально. Кто знает, что стало с Натаниэлем? Может, его тело оставили в одном из мусорных баков...

Меня передернуло от ужаса, когда я поняла, что человек, возможно, погиб из-за меня. Вступив с принцессой в разговор, на который она пошла ради меня, его лишили жизни. А он просто выполнял свой приказ.

Губы задрожали, и я почувствовала мощный шлепок по своей спине, и то, как руки дружка Золотозубого поползли под мое платье.

Я даже не видела их лиц. Мне хватало мерзких прикосновений и смеха Золотозубого, который был за рулем.

– Не делайте с ней ничего до тех пор, пока мы не приедем на место. Я хочу сделать это первым. А потом я с удовольствием поделюсь ею с вами. Одновременно.

Ужас сковал мое тело за долю секунды, глаза распахнулись от боли, которую выжигали соленые непролитые слезы. Я извивалась, пыталась ударить своих похитителей, но была бессильна – те были слишком сильны, и моя строптивость распалаяла их злость только сильнее.

– Может, вколоть ей все-таки? Поспит до места назначения. – Мужчина, которому принадлежал голос, оттянул ме-

ня за волосы. – Что, сучка, хочешь вколем тебе наркоты, а? Кайфа захотелось?

В ответ я только закричала, а его пальцы коснулись моего рта. Я укусила его, не раздумывая, так сильно, до хруста в его костях. Меня мгновенно затошнило.

– Видимо, захотелось. Дура, – вскипел он, лапая меня за грудь через ткань платья.

– Животные! Отвалите от ме... Ня... – Мою шею про-
ткнула острая игла, и я тут же почувствовала, как тело немеет с каждым мгновением.

Подонки трогают меня, но я уже не чувствую их прикосновений. Все тело накрывает приятная теплота, а, закрыв глаза, я вижу свет и лицо женщины.

Галлюцинация поглощает меня, становится моей реальностью. И тут я оказываюсь в комнате, где вижу двух молодых людей – мужчину и женщину. Они смотрят на меня, и в их глазах стоят слезы.

Родители.

Это воспоминание, но и оно ускользает, сменяясь новым лицом, возникающим перед внутренним взором.

Лицо Брэндана. И отчетливее всего – его синие глаза, смотрящие на меня с осуждением и беспокойством одновременно.

– Ну, что, она утихомирилась? – Мне трудно шевелиться, но слышу я все более чем отчетливо. – Что ты ей вколол?

– Успокоительное. Скоро действие пройдет, и мы сможем

ей воспользоваться. Он не будет ее искать?

– Нет. Он будет думать, что она сбежала.

– Отлично, – отозвался сжимающий меня мерзавец, пальцы которого начали блуждать по мне с грубой настойчивостью.

Я чувствовала себя так жалко из-за того, что не могла дать ему отпор. Его руки опустились, забрались под подол моей юбки, и я ощутила, как он начал спускаться с меня ниже белье.

Но крика не было. Да и сил тоже.

Спасения ждать было не от кого, и я прекрасно понимала, что через несколько часов от бывшей меня не останется и следа.

Эти люди раздавят меня, уничтожат, превратят в игрушку для своих утех...

Сделают то же самое, что сделал бы и Брэндан.

И все же, была колоссальная разница между их поступком и покровительством Брэндана. Да, он был жесток и груб со мной. Но он бы не стал делать со мной все эти вещи против моей воли.

Когда я целовала его – я хотела этого. Когда прикасалась к нему – я желала этого больше всего на свете.

А здесь... Я товар, да еще и девушка, которой нужно отомстить.

Мои мысли и жалость к себе прервали скрип тормозов и три громких выстрела, от которых все внутри сжалось.

– Черт! Это еще что за хрень?! – спросил один из гадов, на что Золотозубый только сильнее газанул, но не тут—то было. Раздался еще один выстрел, и нас закрутило по спирали – потолок машины, который и без того плыл перед моими глазами, теперь начал еще и вертеться.

– За нами... О, черт... О, черт... – В голосе Золотозубого я услышала такую панику, что еще не поняла: радоваться мне или плакать. – Это не полиция! Это Королевская тачка! – Он выругался грубым матом. – Неужели они за этой сучкой?

Я не сразу поняла, что происходит, но как только к моему вику приставили пистолет, почти мгновенно вернулась в сознание.

Золотозубый выволок меня из машины и держал за подмышки, как тряпичную куклу.

– Я выстрелю. Если вы нас не отпустите.

Его слова встретили молчанием. Приоткрыв глаза, я увидела перед собой людей в черной форме и масками на лицах. У каждого в руках был огромный автомат, и все они были нацелены на нас с Золотозубым.

– Вы украли собственность Принца Уэльского, если вы немедленно не вернете ее нам, вы будете убиты, – произнес механический голос. Как я поняла, мы находились за городом, потому что кроме дороги, группы военных и леса, я ничего не могла различить.

Я возвела глаза к небу.

Тучи на нем рассеивались, будто смеялись надо мной. Да-

же солнце выглянуло, заставив глаза сощуриться.

Оно было так красиво в этот момент. И оно всегда было таким. Но заметила я это только сейчас, когда готовилась к самому худшему.

И я поняла, что это небо ничем не отличается от неба, которое ждало бы меня домой.

Ждало... В прошедшем времени.

– Отлично. Перед смертью я хотя бы лишу Его Высочество такого удовольствия, – подметил мой похититель.

А потом раздался выстрел, и от испуга, сковавшего каждую клеточку, я почти потеряла сознание.

Запах и вид крови ужасал меня. От крика и истерики спасало только действие наркотиков. Когда хватка мертвого Золотозубого ослабилась, я чуть было не упала на землю, но меня вовремя подхватили несколько пар мужских рук.

– Будьте аккуратны с ней. – Я бы узнала этот холодный голос из тысячи. Брэндан. – И почистите здесь все.

Я закрыла глаза, притворившись, что нахожусь в обмороке. Но его слова я слышала прекрасно. Мне с трудом верилось, что все это мне не мерещится. Ну зачем Брэндану ехать сюда просто потому, что одна из его пленниц сбежала?

Сквозь туман, наполнивший мысли, я по—детски радовалась тому, что он был здесь. Как бы он не выказывал свое равнодушие и пренебрежение ко мне, он приехал, когда я сбежала.

За «грязнокровкой».

За «своей собственностью».

Я поняла, что меня положили в машину на удобное и мягкое кресло.

– Что ей вкололи? – Я чувствовала, что Брэндан сидит рядом со мной.

– Судя по шприцу в машине, ничего опасного. Снотворное.

– Как долго она будет спать?

– Часа два или три. Но спать будет крепко.

Какое—то время я еще прислушивалась к шуму машинных колес и ветра. Но как только осознала, что я в безопасности, мгновенно провалилась в сон.

Брэндан

– Ваше Высочество, мы отнесем пленницу в ее комнату. – Я знал, что офицер держал девушку на руках, но не мог даже смотреть на это.

– Нет. В мою. На мой диван, – сдавленно произнес я, изо всех сил стараясь сдерживаться и не расстрелять всех собственноручно.

Я всегда был вспыльчив. Но Адинбург подарил мне вспышки необоснованной агрессии, и сейчас она копилась во мне, как лава, которая вот-вот вырвется наружу.

Сдерживаться помогала только мысль о том, что я ни в коем случае не должен показывать людям то, насколько я зол из-за побега какой-то грязной девки.

По замку тут же поползут слухи. Если это уже не случилось...

А мне бы не хотелось, чтобы кто—то думал, что эта грязнокровка дорога мне.

Ведь это не так.

Но сам факт ее несанкционированного побега приводил меня в ярость.

Из-за этой идиотки я и так прервал важную встречу – кто—то из приближенных к Мэри проговорился Джейсону, и он тут же доложил об этом мне.

Но я не мог позволить ей убежать – ей не одержать победу

в нашей игре. Никогда.

Офицеры положили девушку на диван в моей комнате, озадаченно поглядев на осколки, разбросанные около лестницы. После того, как я глянул на них с раздражением, они с глубокими извинениями удалились прочь.

Чужая лежала, и мне уже порядком надоело называть ее так в своих мыслях. Я не знал даже имени этой девушки, а помчался спасать ее с отрядом из двадцати человек.

Это ненормально.

Ее белое платье было заляпано каплями чужой крови, и, не спеша подойдя к шкафу, я достал оттуда одну из футболок, которые носил дома.

Присев рядом с ней, я убедился в том, что она спит, проверив ее веки. Схватился за ткань ее платья, медленно разорвал его на две части, открывая ее кожу своему взору сантиметр за сантиметром.

Кожа девушки была холодной, от чего становилось не по себе. Такой белой, что сквозь были видны синеватые ниточки вен. Меня вдруг одолело непреодолимое желание согреть ее, прижать к своей груди и почувствовать, как она теплеет от моих объятий. Хрупкая и маленькая.

Я потряс головой, выкидывая эту чушь из головы. Что только не подумается, когда желаешь недоступное и строптивое тело...

Мои пальцы заскользили по ее груди и плечам, освобождая девушку от остатков платья. Еще никогда я не был так

аккуратен в своем обращении с девушкой. Но сейчас, когда она этого не знала, я мог себе это позволить.

Мог вспомнить, каким был на самом деле.

Мой взгляд был прикован к ее груди – она медленно поднималась и опускалась, а девушка выглядела такой спокойной и умиротворенной.

Я медленно и аккуратно провел рукой по ее ребрам – сейчас я не был одержим страстью. И я не знал названия этому поганому чувству, которое испытывал именно сейчас, но для меня оно было сродни болезни.

Ну, ничего. Пусть наслаждается последними часами спокойствия, потому что, когда она очнется, она поймет, что ее побег был ошибкой.

Непростительной ошибкой.

Кенна

Я, как обычно, потянулась всем телом, прежде чем открыть глаза. В комнате, в которой я находилась, царила темнота, а надо мной был такой высокий потолок, что, казалось, ему нет конца и края.

Смутно вспоминая события, которые произошли со мной, я вдруг повернула голову и тут же подскочила на месте, приняв вертикальное положение.

Блеск синих глаз был устремлён только на меня, а их обладатель сидел в довольной расслабленной позе, но на противоположном диване. Рубашка Брэндана расстегнута на все пуговицы – мой взгляд упал на его мускулистый живот и руку, которую он держал на поясе со стаканом, наполненным темной жидкостью.

Его пальцы нервно постукивали по стеклу, в то время как он не сводил с меня синих глаз.

Я в белой футболке на голое тело, прикрывшись руками и коленями, сгруппировавшись, словно в кокон, села на диване.

Брэндан и я смотрели друг на друга с минуту, прежде чем он заговорил.

– Ты не должна была убежать. – В каждом сказанном слове я чувствовала, что он спас меня только для того, чтобы убить голыми руками.

– Но я убежала. – Нервно сглотнув, я сильнее обхватила ноги ладонями.

Брэндан усмехнулся, опустошив стакан с алкоголем до дна.

– Скажи мне, грязнокровка, – выплюнул он, хмурясь все больше, – я, что, плохо обращался с тобой? Делал тебе больно? Насиловал? Тебе так плохо в Королевских покоях, что ты решила СБЕЖАТЬ?!

Последние слова он проорал, не моргая. Меня заколотило.

– Да. Ты лишил меня свободы. И... Насиловал. – Я покраснела, вспоминая то, что уже было между нами.

– А, – его глаза забегали по моему телу, будто я сказала что-то омерзительное, – значит ты еще не знакома с насилем, грязнокровка.

Я молчала, пытаюсь не смотреть на него. Я уперлась взглядом в синтезатор, который стоял в лофте. Не могла представить его за инструментом. Слишком прекрасна такая вещь, как музыка, для такого человека, как он.

– Не называй меня так.

На миг он отвел голову в сторону, сжав челюсти от злости. Когда он встал и вернул взор на меня, на его лице появился незнакомый мне оскал, граничащий с наглой, надменной «я сейчас тебе покажу» улыбкой.

– До тех пор, пока я не узнаю твое имя, я буду тебя так называть. – Брэндан сдернул с себя рубашку, возвышаясь надо

мною и делая глубокий вдох. Его мускулы заиграли под кожей – передо мной стояло почти два метра мужской непробиваемой силы, и она разрушала меня.

– Что ты д—делаешь? – Даже я понимала, что на этот раз мои выпады в его сторону будут проигнорированы до самого конца.

– Ты уже хорошо знакома с тем, что я делаю, когда я очень зол, и мне нужно сбросить это напряжение. – Мой взгляд скользил по его рифлёному животу и опустился ниже. После того, как ремень Брэндана был растянут, он остался в одних боксерах, через ткань которых я прекрасно видела «напряжение», о котором он говорил.

Теперь меня трясло не только от страха. Кончики моих пальцев заледенели, в то время как внизу живота я почувствовала зародившееся вождение.

– Я—я... – От моей дерзости не осталось и следа. Виной тому были остатки снотворного или по-настоящему решительный Брэндан, непоколебимо настроенный на то, чтобы урвать свое... Я больше не знала.

Он сделал шаг ближе – так, чтобы его пояс оказался на уровне моих глаз, и взял меня за волосы, оттянув голову в сторону.

– Дотронься до меня. – Едко прошипел Брэндан, глядя на меня сверху вниз. Что-то появилось в его взгляде такое, чему я действительно боялась сопротивляться. Или я уже просто выбилась из сил и хотела хоть раз в жизни побыть слабой.

Я прикоснулась к его прессу, его брови сдвинулись к переносице. Принц был недоволен моим выбором.

– Не здесь, – прошипел он, вновь оскалившись.

Я чувствовала горечь, унижение и, одновременно, всю его силу, перед которой было невозможно устоять. Я нерешительно помотала головой, сделав последнюю попытку борьбы.

– Мне придется хорошо поработать с тобой, чтобы добиться твоего послушания, – зарычал Брэндан, хладнокровно хватая меня за руку. Я и подумать не успела, как он прижал мою ладонь к своему члену и толкнулся в нее, заставляя меня в полной мере ощутить его размер и твердость.

Боже.

Я вспотела за секунду, сжав бедра, пытаясь унять дрожь в теле.

– Тебе уже все ясно, я надеюсь. Кто я такой и какой ужасный человек. А значит сегодня я больше не буду сдерживаться. Тебе стоит последовать моему примеру... – Поддаваясь инстинкту, я слегка сжала его член в своей руке, чувствуя, как он становится еще больше. Мои глаза распахнулись шире, и я резко отпрянула, вжавшись в спинку дивана.

Я хотела убежать.

От собственного стыда. Потому что я была влажной для своего принца, и он прекрасно читал это в моем взгляде.

Брэндан схватил меня за щиколотки, широко разводя мои ноги, и удовлетворенно улыбнулся, убедившись в своих до-

гадках.

– А ведь я даже и не прикоснулся к тебе. – Брэндан попытался притянуть меня к себе, но я начала вырываться изо всех сил, дергая ногами в разные стороны, лишь бы оттолкнуть его.

– Ты ко мне не прикоснешься, – горячо заявила я, брыкаясь еще сильнее. К своему счастью, я заехала ногой ему по лицу, и на время Брэд ослабил хватку – этого времени было достаточно, чтобы сбежать с дивана.

– Ну, как я подправила вам прекрасное личико, Ваше Высочество? – с каким-то диким смехом произнесла я, огибая диван.

– Вае, сука! – очень грязно выругался он, обрушивая на меня новую порцию гнева.

В крови бился адреналин, мне было уже плевать, что я машу перед ним «красной тряпкой», говоря такие слова и убегая.

Мне слишком нравилась эта извращенная игра – это было трудно признать, но остановиться я не могла. Брэндан кинулся за мной, и я развернулась, с силой толкнув его в грудь, царапая его кожу, оставляя на груди розовые полосы.

Принц схватил меня за затылок вытянув руку и столкнул нас лбами, на что я только зашипела.

Жар, исходивший от Брэндана, передавался и мне, сжигая внутренности.

Страсть испепеляла разум, накрывая с головой обоих.

Мы были так близко – наши грудные клетки сталкивались друг с другом, а дыхания переплетались между собой.

Я так хотела подразнить его.

Высунув кончик языка, я медленно провела им по своим губам, вновь отталкивая его еще сильнее. Но Брэндан почти не сдвинулся с места, только сдавленно рассмеявшись надо мной.

– Далеко не убежишь. – Он налетел на меня всем телом, прижимая к вещи, которая издает странный музыкальный звук. Синтезатор.

Брэд заключил меня в плен, перекрывая пути к отступлению. Он толкнулся в мои бедра, позволяя почувствовать его твердость. И еще раз. И снова...

Так резко и с силой, что я сдавленно простонала, хватая ртом воздух, пока он чувственно толкался в меня, отперевшись руками на клавиши.

С каждым толчком его взгляд становился яростнее и не скрывал угрозу.

– Если ты будешь сопротивляться, – прошептал он, против моих губ, – я не посмотрю на то, что ты невинна. И возьму тебя, как вещь.

Я готова была проклинать этого Дьявола. Но и морально, и физически я была слабее его.

Только подарив ему удовольствие, я могу сделать его слабым на долю секунды.

На этот раз мои руки были свободны, а не объаты жемчуж-

ной цепью. Я не могла не воспользоваться этим и с нетерпением прошлась ладонями по его груди, вырисовывая пальцами линию ребер.

– Я не буду сопротивляться, мой ко—ороль... – просто-на-нала я, выводя его из состояния агрессии. – Я так хочу тебя, Брэнда—ан... – промурлыкала я, едва касаясь его полных губ. Я еле удержалась от того, чтобы не зацеловать его до смерти, зная, чего хочу добиться. – Я так хочу послать тебя к чертям, Брэндан!

Напрягая пальцы, я вновь впиалась в его ключицы, оставляя на принце глубокие царапины, о которых он запомнит надолго.

Выиграв пару секунд времени, я опускаю крышку, ударяя его по рукам, и слышу уйму ругательств на латинском, высвобождаясь из его плена.

Я побежала по паркету босыми ногами, чувствуя на своем лице нездоровую улыбку. Такая вырисовывалась на лицах моих братьев, когда они курили травку, которую тайком на ферме и возвращали.

Голова кружилась, я рванула к лестнице, не замечая ничего вокруг. Брэндан мне что-то кричал, но я не слышала его, потому что в ушах стоял неугомонный звон.

Невозможная боль вцепилась в кожу моих ног, и, взыв от раздражающего чувства, я упала на пол, опершись руками на десятки осколков зеркала.

В одном из них я словила свое отражение – дикий, не при-

надлежавший мне взгляд.

Боль была настолько сильной, что я, впервые за все это время, что находилась в замке, заплакала. Только тихо, не навзрыд. Слезы обожгли щеки, а ноги отказывались сделать даже один шаг или же встать. Истекая кровью на месте порезов, я потянулась за поручень лестницы, услышав голос Брэндана:

– Не двигайся. Прошу. – К моему удивлению, в его голосе звучало беспокойство и даже... Страх.

Я села на лестнице, схватившись за поручень крепче, и повернулась, глядя на него.

– Давай, ну же. Посмотри. На мою грязную кровь. Все еще хочешь ко мне прикасаться? – пылко заявила я, еле справляясь с адской болью в теле.

Брэндан сделал несколько шагов вперед – он прошелся по разбитому стеклу точно так же, позволяя ему впиться в его ступни. Но на его лице не отразилась и капля эмоций. Он, казалось, вообще никогда ничего не чувствовал... Только всепоглощающую ярость ко мне.

И я не знала причин, почему. Почему?

Плевать. Я никогда ему не сдамся. Пусть лучше снова отправит меня на казнь... Но она уже поджидала меня в его лице.

– Тебе больно? – спросил он, резко положив мне руку на бедро. Да он, что, издевается? Что за чудовищное и притворное беспокойство в его голосе? Когда я провела ночь на хо-

лодном полу, униженная и растоптанная, его почему—то не волновали мои чувства.

Что изменилось сейчас?!

Все внутри закипело от негодования.

С секунду я смотрела в его лицо, которое так часто видела, когда закрывала глаза. Синие глаза смотрели на меня так, будто глядели на яркий свет.

– Отвали от меня! Отвали, Брэндан! – Со всей дури я ударила принца по щеке, на что минутная нежность в его синих глазах тут же превратилась в ярость. Одной рукой он сжал мою шею и начал душить так, будто я была беззащитным котенком.

Его рука сжимала мое горло, придавливая к лестнице в тот миг, когда мы смотрели друг на друга разъяренными взглядами.

Мы смотрели друг на друга так, будто хотели поубивать.

Воздух в легких заканчивался, а Брэндан нещадно душил меня, и я до сих пор удивлялась, как можно быть настолько жестким...

Отчаянно схватившись за его руку, я попыталась убрать ее со своей шеи. Из глаз вырвался еще один поток слез, и от Брэндана это не укрылось. Словно очнувшись от гипноза, он ослабил хватку на моей шее.

– Пошел ты на хрен! – фыркнула я, отбрасывая его руку. Собравшись с силами, я поползла вверх по лестнице, но он тут же схватил меня за щиколотку. Но в ответ я быстро пну-

ла ногой в его грудь, да так, что он отлетел к подножию лестницы на осколки.

Мы дрались, как безумные. Не обращая внимания ни на что, кроме своей цели – меня, он вновь потянулся, и на этот раз ему удалось крепче вцепиться в мою кожу.

Резким движением он раздвинул мои ноги и придавил к лестнице весом всего тела. Его член вжался в мои бедра, а рука вновь легла на мою шею в порыве придушить меня к чертям.

Мы тряслись оба. Наши губы были так близко, что мы делили этот воздух на двоих.

Глаза Брэндана напоминали черные дыры – в эту секунду в них не было ничего человеческого. Только темнота и разрушительная страсть, смешанная с жадной обрушить свой гнев. Разрушить что-то маленькое и хрупкое.

Слабое.

Он приблизился ко мне близко—близко, будто охотник перед последним прыжком на жертву...

А потом резко отстранился, отпуская.

Но мне уже было все равно. Теперь уже я не могла остановиться. Все внутри меня молило о близости с ним.

Это была необходимость. Потребность. Чистейшая животная страсть, которая забрала остатки рассудка.

– Кен—на, – выдохнула я в его губы очень тихо, прижимая к себе за затылок. Снова.

Он с шумом втянул воздух сквозь зубы и смял мои губы

горячим и диким поцелуем, который разрушал меня на части.

Боль от порезов сняло как рукой. Я захлебывалась, не успевала хватать ртом воздух, но целовала его, чувствуя грубость, неукротимость его губ, которыми он готов был меня растерзать.

Его пальцы вцепились в мои ягодицы, одним рывком он разорвал на мне белье, опуская барьеры между нами. В сторону белья полетела и разодранная окровавленная футболка.

Мы были абсолютно голыми, без масок и свидетелей... Два обезумевших человека, играющих в жестокую игру.

И мне не выйти из нее победителем.

Брэндан

Впервые за восемь лет я подавился от чувств, которые на меня обрушились. Ядерная смесь из злости, ярости и желания растекалась по крови, словно бомба замедленного действия, которая была готова вот-вот прорвать плотину.

Карие глаза девушки горели от такой же испепеляющей свирепости, и это подстегивало снова и снова.

Как она отчаянно дралась из последних сил, плюя на боль и на кровь, что текла из ее порезов...

– Повтори. Что. Ты. Сказала... – приказал я, не расслышав, что она промямлила в первый раз. Очевидно, это было ее имя, и то, что она произнесла его, говорило об одном – она сдалась.

Она будет моей. Во всех смыслах, какие только можно дать этому слову.

– Нет. Нет. – Ее губы редели после наших поцелуев, и, будто ненормальная, она прижималась к моему члену все крепче, извиваясь подо мной змейкой.

– Скажи мне имя... – Рука опустилась на ее губы, я словно физически хотел сорвать с них ее имя.

Но она молчала, впиваясь ногтями в мои предплечья. Удивительно – осколки не причиняли мне боли, а ее ногти, казалось, пронзали насквозь.

Слегка зависнув над ней, я прервал соприкосновение на-

ших тел и бесцеремонно провел рукой по ее нежным складочкам, размазывая по ним влагу.

– Маленькая хочет мой член... – Усмехнулся, проникая в ее лоно двумя пальцами без всякого предупреждения. Это удается мне с трудом, и от этих движений она вскрикивает от боли.

У меня пересохло во рту, когда я пронаблюдал за ее стоном, тяжелым дыханием в налитой груди, розовым соскам, к которым хотелось припасть губами.

Я и сам не понимал, чего хочу больше – взять ее жестко, трахая как рабыню, или доставить ей удовольствие, зацеловывая бархатную, фарфоровую кожу.

Даже то, что она дрожала в мои руках, заводило в сотни раз сильнее, чем резвость и инициативность всех остальных женщин, которые у меня когда-либо были.

Я хотел полностью подчинить ее себе, чтоб в этой маленькой головке больше никогда и мысли не появилось о побеге...

– Я... Не хочу. Вы... Омерзительны... – томным голосом зашептала она, от чего я только сильнее принялся ласкать ее влажные для меня губки.

– Тсс, маленькая, – с наигранной нежностью произнес я, припав губами к ее соскам. Натянув кожу вокруг него пальцами, я обхватил его зубами и потянул на себя, глядя прямо в глаза своей пленнице.

Она вскрикнула, скривившись от боли, но я не хотел быть

конченным садистом.

Я тут же приласкал его языком, вбирая в свой рот. Мучительно и медленно посасывая.

От ее вкуса я сходил с ума, а член налился кровью до невыносимой боли. Я хотел ее до смерти. Если я ближайшее время не почувствую ее, то, наверное, точно умру... И какая нелепая смерть это будет.

– И не лги, что не думала об этом. Что не представляла, как я это делаю. Что не ласкала себя после той ночи...

Она залилась краской и прикусила свои красные губки, сдерживая стон. Она была почти сломлена сегодня – и я читал почти каждую эмоцию с ее лица, наслаждаясь знаниями, которые получал о ней.

Она желала меня.

– Нет, – солгала пленница, и, не сдержав злости, я ударил ее по упругой заднице. – Пошел нахр...

– Скажи мне правду, – перебил я, поглаживая то ее животик, то влажные складочки. Подразнивая ее без перерыва, еще больше распаяя желанную девушку. – Что ты... Представляла, как он будет внутри тебя, – прошептал я, наклоняясь к ее ушку. Ответом мне была новая порция боли, врезающаяся в ключицы. – Я буду играть с тобой до тех пор, пока ты не признаешься... – подначивал снова, желая услышать, когда она, наконец, откроется мне. Целиком и полностью.

– Да пожалуйста! – яростно проревела она, поморщившись от боли, приоткрыв рот.

Новая волна ярости окончательно меня опьянила. Облизав собственные пальцы, я приложил их к ее девочке, массируя с новой силой.

– Скажи мне, – настоял я, дотрагиваясь до нежного бугорка меж ее бедер. Она судорожно задышала, а из груди пленницы посыпались рваные стоны... Она очень близка к тому, чтобы начать умолять меня.

– Ах... Прошу... Остановись... Брэндан... – Мое имя в ее устах заставляло меня терять голову. Только бы не потерять последние капли контроля над собой. Я должен был играть с ней и выигрывать, а не стать слабым, почувствовав к ней привязанность...

Ее влага стекала на мою ладонь, и, сама того не осознавая, она начала вращать бедрами, насаживаясь на мои пальцы, выпрашивая большего.

Черт бы ее подрал.

Черт...

Она хотела меня так сильно.

– Остан—новись... – шептала она, двигаясь все быстрее.

– Маленькая хочет кончить. В первый раз? – прошептал я, наклоняясь к ее губам, играя с ними, но не целуя. Она вспотела настолько, что ее волосы прилипли ко лбу, к щекам, к телу. Она была влажной, чертовски влажной, и это я довел ее до такого состояния.

Меня распирало от тщеславия.

Свободной рукой я взял ее за скулы, заставив посмотреть

на меня. Моя рука замерла на внутренней стороне ее бедер. А пленница продолжала двигаться.

– Ты так хочешь этого. – Я убрал руку, наблюдая за ее реакцией. Она залилась румянцем, но ее тело уже не могло остановиться.

– Я... Я тебя ненавижу, – захныкала она, явно в первый раз столкнувшись с таким желанием. Но я не собирался быть с ней нежным. Не мог.

– Знаю, – самодовольно кивнул я, поглаживая кожу на ее бедрах дразнящими движениями. – Это я уже слышал. – Скука. Скажи мне правду.

– Я... Никогда не думала о тебе. Никогда. Ночью. И твои прикосновения мне противны.

Окончательно выйдя из себя, я приоткрыл ее рот пальцем и дал ей ощутить вкус собственного желания.

– Никогда? – Усмехнулся, наблюдая за тем, как она мягко принимает мои пальцы в рот. Кусает их, пытается отбиться, но ее попытки я пресекаю сразу.

Мой палец скользит по ее губам, и одним резким движением я пристраиваюсь между ее ног, притягивая к себе за попку.

Ощущение ее горячих складочек заставляли мой член дергаться в нетерпении. От такого жуткого воздержания я и сам вспотел.

– Когда я закончу, ты будешь знать, что ты – моя. Как вещь, собственность, пленница, шлюха. Кто угодно. У тебя

нет имени, а значит ты – никто. Понятно?

Я коснулся головкой ее входа, и девушка задрожала то ли от страха, то ли от желания. Может, все сразу. Но это передалось мне... Я отчаянно отбрасывал мысли о том, что она девственница.

Я сделаю это резко, как и всегда. Я буду трахать ее, как и всех. Сверху, подчиняя, снисходительно глядя на то, как это ТЕЛО извивается от моей грубости.

Она сжимала губы, кусая их изнутри – скрывала свои стоны, но на это осталось недолго. Через пять минут она будет кричать.

– У тебя есть последний шанс сказать мне что-нибудь приятное, чтобы я не был так жесток к тебе. Например, свое гробанное имя. – Я прошелся набухшим членом по ее плоти, подразнивая.

Мисс «никто» молчала, доводя меня до бешенства, и, наплевав на все в этом мире, я толкнулся в ее бедра, погружаясь до самого основания. И все же я сделал это нежнее, чем обычно...

У меня был страх, что она сейчас взвоят от боли, но... Ничего не произошло. Ничего, блядь, не было.

Я был бы глубоко разочарован, если бы не ее тугая девочка и не стон, который сорвался с ее губ.

Дикое удовольствие смешалось с новой порцией гнева: она уже была кем—то использована. И ничего не сказала. Она солгала!

– Сука. – Теперь у меня окончательно отпало желание церемониться. Я вцепился в ее бедра, вбиваясь в нее грубо, резко, но с остановками. Я хотел, чтобы она почувствовала каждый удар.

И каждая секунда, пока я ее трахал как зверь, сопровождалась стоном ее боли...

– Ты – никто. Никто... – пытался убедить я скорее себя, чем пленницу, поглаживая свободной рукой ее красивые груди. Я сжимал их, желая снова ощутить ее вкус.

– Я тебя ненавию...—ж—жу... – Она постанывала, царапая мою спину. Она специально затрагивала шрамы, глупая, стараясь причинить мне боль. Но мне нравились даже эти попытки обуздать меня.

Но это так не работает.

– Это меня заводит только больше. Лучше говори что-нибудь ласковое, если хочешь меня взбесить, – прошипел я, припав губами к ее ключицам.

– Ты разорвешь меня... – жалобно простонала она, но это звучало, скорее, как комплимент. Я был слишком большим для такой крохотной девочки, как она. Даже если она и была с кем—то до меня, то несколько раз. Но, тем не менее, это заставило меня вбиваться яростнее.

– Хватит сопротивляться, – прошептал я, обхватывая ее нежные соски губами. – Я в тебе, маленькая. Я часть тебя, теперь.

Я взглянул на нее, чтобы посмотреть в карий омут глаз. Ей

правились мои слова. Я чувствовал, как она тает, несмотря на все, что делает и говорит.

Вдруг она задышала чаще и выдохнула только одно слово:
– Быстрее..

Я усмехнулся, посасывая ее кожу, чувствуя на языке ее солоноватый вкус. Поры на ее кожи взмокли от пота и желания.

Ее тоненькие ручки обхватили меня за шею, желая прижать ближе, и, поднявшись к ее лицу, я вперся в нее взглядом, принимаясь трахать так быстро, как я этого хотел.

Как она этого хотела.

Мой член свободно скользил в ее влажном лоне, и я чувствовал, как она пульсирует, обхватывает меня, прося о большем.

Ее стоны сорвались на крики, и я вобрал их в себя, заткнув губы поцелуем, забирая все, что она могла мне дать.

Я двигал бедрами, не переставая, но на каждый толчок она только с большей страстью сосала мой язык и губы, и не хватало только маленькой детали для полнейшего удовольствия... Но она прочитала мои мысли.

– Брэндан... – мурлыкала она, пока ее твердые соски потирались о мою грудь. Я глядел на то, как мое имя вылетает из ее губ, на то, насколько красивее она становится с каждой секундой.

Безумно красивая. Чертовски красивая. Я этого не замечал, слепец. Чувства, молнией обрушившиеся на меня, уби-

вали.

Это просто желание. Желание. Я кончу, и все пройдет.

– Брэндан... – вновь выдохнула она около моих губ, окончательно околдовав. – Я...

– Имя! – Я напрягся, сжимая ее попку.

– Нет...

– Тогда ты – никто. Никто! – рычал я, раздвигая и терзая ее ягодицы. Сил моих больше не было терпеть ее упрямство. Отпустив себя окончательно, я увеличил темп до диких шлепков по ее заднице.

Наши взгляды встретились – карие глаза были затуманены горечью. Черт, я делаю ей больно.

Очень больно.

Этот взгляд, полный тоски, медленно убивает меня: я и забыл, когда в последний раз смотрел девушкам в глаза.

Я отвожу взор на лестницу, но ее стоны так и подмывают меня посмотреть на то, как она задыхается от того, что я с ней вытворяю.

Не смотреть в глаза.

– Посмотри на меня... – тихо и нежно шепчет она, тяжело дыша. Ее руки перестают врезаться в мои шрамы, и она гладит мою спину кончиками пальцев, едва касаясь – так трепетно, но для меня эта ласка словно проклятье.

Это мягкое прикосновение выворачивает всю мою душу наизнанку, но я не сбавляю темп просто потому, что уже не могу остановиться.

Я хочу заполнить ее, хочу оставить следы на теле этой девушки, чтобы она навсегда уяснила, где ее место.

– Ты не смеешь приказывать мне, что делать. – Я берусь за основание ее шеи и все-таки заглядываю в поблескивающие от слез глаза пленницы.

Ей меня не разжалобить...

Нет... Никогда.

– А если я прикажу тебе... – со стоном шепчет она, слегка приподнимаясь к моим губам. Ее грудь плотнее прижимается к моей коже. Влажная и горячая, хранящая для меня миллионы стонов.

– Что? – издеваясь переспросил я, чувствуя, как кровь водопадом приливает к члену, от того как она сжимает его своей теплотой, окончательно изводя меня. О черт...

Слишком хорошо. Слишком сладко.

Я готов продать душу Дьяволу, лишь бы никогда не терять это сладостное чувство близости с этой девушкой... С этим телом.

Уже продал.

– Что. Ты. Можешь...

Я толкаюсь в нее с необузданной силой, но девушка вдруг тянется к губам, играя со мной. Она плавно наклоняется ко мне, но как только я собираюсь с жадностью укунить ее пухлые губки, девушка отстраняется, оставляя меня ни с чем.

Чертовски злит, что она смеет играть со мной. Дразнить.

Пот градом струится по спине, все мои мышцы горят, на-

пряженные до предела.

– Мне... – Я ловлю ее губу зубами и оттягиваю на себя, крепче сжимая ее бедра и талию до покраснений на коже. – Приказать.

Я знаю, что должен остановиться. Оставить ее и замарать ее живот, грудь, окончательно раздавив, и унижить. Я всегда так делал, всегда держал себя в руках...

Но на этот раз не мог. Я хотел погрузиться в нее как можно глубже и чувствовать, как ее горячая девочка принимает все до последней капли.

– Вот так... Кончи в меня, Брэндан, – едва слышно шепчет она, прижимая ноги к моим ягодицам, и ее слова звучат для меня как удары плетью.

Потому что я не могу послушаться этого «приказа». Это физически невозможно.

– Заткнись, – гурлю я, овладевая ртом грязнокровки, поглощая ее неразборчивые стоны.

Я никогда этого не делал. Ни одна девушка не заслуживала того, чтобы я отдал ей часть себя.

И так должно было быть всегда.

По телу пробежались привычные короткие болезненные покалывания, но этой ночью они больше напоминали взрывы.

Но сейчас, не в силах остановиться, я забыл обо всем в этом мире, кроме ее стонов, глаз и пряного запаха ее кожи, и пустил горячий поток в пульсирующее лоно девушки, за-

бываясь, проклиная...

«Ты часть меня теперь».

Я чувствовал себя так, будто сам накликал эту беду. Я хотел сделать ее своей собственностью, а получилось, что она стала моей частью.

Возможно, она могла бы быть моей лучшей частью.

Ее ножки подрагивали от удовольствия, бедра непрерывно крутились в моих руках, принимая все от меня без остатка.

Кайф накрыл с ног до головы, мне даже не хотелось покидать ее, но я бы ни за что в этом ей не признался.

Едва дыша, я приподнялся над беззащитной девушкой на локтях и, сжав пальцами свой член, оставил ее. Словно одержимый, не удержавшись, я мягко провел им по ее мокрым складкам.

А затем отпрянул от нее, как от прокаженной. Сел на лестницу, хватаясь за поручни и тяжело дыша.

Я молился о том, чтобы она на меня не смотрела. Чтобы не видела таким... Таким слабым?

Чтобы дала прийти в себя, и снова стать тем, кем она меня и должна видеть.

Даже думать не хотелось, что на мне сейчас, наверняка, нет привычной железной маски.

Я бы и хотел ее надеть, но в теле не было ни капли силы, будто я все отдал ей – грязнокровке, пленнице, маленькой девчужке, что могла бы сейчас быть мертва...

Дьявол, и почему я не придушил ее?! Я должен был это сделать. Тогда бы я никогда не узнал этого ощущения.

И никогда бы не хотел повторить его снова.

Но я хотел. Вновь и вновь.

Глава 14

Кенна

Слова и рыдания застряли в горле, сбившись в один огромный комок. Я и не знала, что можно сказать о том, что только что произошло.

Произошедшее нельзя было назвать актом любви и нежности. Брэндан насилдовал меня. Он трахал меня так жестко, что избивал собственным телом, сам того не замечая.

Он делал это грубо, потому что не умел иначе. Он так привык.

Но самое ужасное в этом все было то, что я испытала разрушительное удовольствие.

Я до сих пор ощущала часть его меж своих бедер, и мне одновременно было стыдно, грязно и ново... А одновременно и сладко. Так сладко, что я ненавидела свое тело за это.

А еще больше ненавидела его – демона, который не знал ничего, кроме как подавления чьей—либо воли.

За его глаза, которые последние пять минут наших жизней смотрели на меня с непривычной мукой.

Он глядел на меня так, будто правда... Правда хотел бы поступать со мной иначе. Но не знал, как.

И продолжал врезаться в мои бедра до шума в ушах, раскаляя мою душу.

Я посмотрела на Брэндана. В сумеречном свете он был еще красивее – загадочные тени падали на его сильное тело

и высокие скулы, которыми он судорожно глотал воздух. Волосы промокли насквозь, как будто он только что совершил злодеяние.

Шрамы на его лице, которые сбивали с его красоты всю «сладость», я уже и не замечала.

И это все? Вот она... Оглушающая пустота, которая приходит после головокружительной близости. Она наступит, если он сейчас встанет и уйдет, ничего мне не сказав. Или выбросит за дверь, как надоевшую игрушку.

Почему—то я думала, что будет именно так. Он не удостоит меня своим вниманием, а я гордо вскину голову и буду ползти по коридору, еще более униженная, чем прежде.

Раздавленная.

Сердце сжалось от невыносимой боли, как, вдруг, раздался голос принца.

– Ты легко отделалась, – прошипел он, снова взглянув на меня. Тут Брэндан приблизился ко мне, опершись локтем на лестницу. – Если бы я знал, что ты грязнокровка, еще и «второсортная», я бы трахал тебя до боли в твоей... – Он смерил меня пренебрежительным взглядом и выплюнул. – Шлюха.

Сначала я оторопела, подавившись от его желчи.

Внутри все рухнуло, все пропало, опустошая меня.

Нужно было что-то ответить. Ударить. Съязвить.

Я прикоснулась к своей шее, которая жутко болела от его прикосновений. Черт возьми, он мог меня придушить...

Ублюдок.

Я промолчала, решив его игнорировать. Попыталась под-
няться, но он пресек попытку, резко вставая. А потом Брэн-
дан взял меня на руки – так резко, что я даже вскрикнула, и
помчался со мной наверх, очевидно, в свою спальню.

Господи, да его невозможно понять!

Я отказывалась что-либо понимать в этом мире, пока
ощущала жар его кожи на своей.

– Что ты д—делаешь? – заикнулась я, погружаясь в темно-
ту его комнаты. Свет здесь был слабый, красноватый за счет
свечения, который исходил от непонятной мне конструкции,
возвышающейся на его столе.

Он пронес меня мимо нее и опустил на кровать. Толь-
ко сейчас, когда после оргазма прошло какое—то время, я
почувствовала невыносимую боль между ног. Как будто все
внутри было изранено... По милости Его Высочества.

Как только он отпустил меня, я сжалась, обнимая себя ру-
ками, и прикрылась волосами.

– Не смей, – скомандовал он, убирая влажные пряди с мо-
его лица.

– В тебе нет ничего хорошего. Ни—че—го. Ты – чудови-
ще. – Я подавила всхлип, но Брэндан был уже вновь непро-
ницаем.

– Ага, – кивнул он, раздвигая мои коленки. – Тебе больно?

Он издевается. Должно быть, он шутит. Он трахал меня
как зверь, а теперь спрашивает – больно ли мне.

Сначала сладкое удовольствие приглушало боль. Но теперь все вернулось. К тому же...

По моему телу пробежалась вереница мурашек, когда я вспомнила его член внутри себя. Он был большим.

– Не трогай меня. Даже пальцем меня не трогай! – Брэндан только усмехнулся, снова положив руку меж моих бедер.

Я попыталась сжать их, но его сильная хватка мешала.

– Знаешь, другие бы отдали все, чтобы быть на твоём месте.

– Идиотки, – буркнула я.

– Не перебивай! Они отдали бы все, чтобы зачать от меня, – тихо сказал он, впиваясь взглядом в низ моего живота. Его зубы впились в полные губы – Брэндан продолжал поедать меня глазами.

На миг я представила его язык у себя между ног и почувствовала тень нового возбуждения.

Я отвратительна.

– Зачать? Ха, с твоими темпами, я думаю, у тебя сотни детей... И все они...

– Не в моих правилах перенимать всю грязь от женщин. Я всегда предохраняюсь. – Он говорил так, будто это я его обидела, а не он только что душил меня и трахал до хриплых стонов. – Я думал, ты невинна...

Мне вдруг стало еще хуже. Он разочарован.

– Ты солгала мне. – Я замерзла от его ледяного тона голоса.

– Я...

– КТО ОН? – Казалось, даже стекла затряслись от его крика. Я вжала голову в плечи, прикрыв веки.

– Брэндан, не ори на меня.

– Да какого хера ты приказываешь королю, что делать?! Вае! – Его ладонь резко опустилась на внешнюю сторону моих бедер. Было не больно. Просто – унижительно.

Набрав в легкие больше воздуха, я гордо ответила:

– Ты не король. Ты жалкое его подобие. Король должен помогать людям. А ты только все разрушаешь. Ты – смерть.

Брэндан утробно зарычал, играя скулами.

– Ты ничего обо мне не знаешь, шлюха. Пленница. Или как там еще назвать тебя с твоим дурацким именем, которое ты промямлила в порыве страсти?

– Оно не дурацкое, – огрызнулась я.

– Плевать. Не говори его мне. Все равно теперь уже это не важно. Мне все равно, та ли ты, кого я искал, теперь ты нужна мне для других целей. Я буду называть тебя... – Он окинул меня обнажающим взглядом с ног до головы, а потом словно какое—то тайное знание вспыхнуло в его синих, словно сапфиры, глазах. – Камелия.

Камелия?! Я ожидала чего—то из серии... «Жалкая рабыня», «Шлюха» и прочих нелицеприятных эпитетов. А он... Называет меня как цветок. У принца точно не в порядке с психикой и расставлением приоритетов...

– Почему Камелия?

Он проигнорировал мой вопрос.

– Я задаю здесь вопросы. Кто. Он? И хватит прикрываться руками. Я уже все видел. Несмотря на то, что ты грязная, я хочу видеть твое тело. – Он откинул мои руки от груди. Я и сама не заметила, как прикрывалась.

От его взгляда, падающего на мои соски, я вновь почувствовала жар, приливший к животу, который притупил всю боль.

– На те, смотрите сколько угодно, Ваше Высочество. А вот в душу – не лезьте.

– Не упрямясь, – притворно сладко заявил он, поглаживая меня по животу кончиками пальцев. – Или ты хочешь, чтобы я нашел его? Я достану его из преисподней.

Я похолодела, понимая, что Брэндан не шутит. Он может... Нет, он никак не узнает о Гаспаре. Это невозможно. Но, что, если...? О, черт.

– Я хочу знать о тебе все.

Интерес в его голосе был неподдельным, и он совершенно не сочетался с его непроницаемым взглядом.

– Я... Выросла на ферме. – Я решила все ему рассказать, потому что не скрывала в своем прошлом ничего особенного. Обычная девушка из провинциального городка. – Я воспитанница приюта, который расположен у Средиземного моря. Это очень далеко от столицы. Жизни до семи лет я не помню. Ударилась головой. Приют являлся частью фермы. Из близких людей – воспитатели и братья. На ферме держа-

ли только мужчин – нужна была рабочая сила. Я не знаю, как там оказалась, а на мои многочисленные вопросы в мою сторону только рукой махали. Пока мне не надоело спрашивать. Я жила на ферме до того, как не прошли твои королевские солдатики и не связали меня. Потом я оказалась в плену у одного мерзавца с манией величия. Он издевался надо мной долгое время, унижал. До тех пор, пока окончательно не опорочил. Вот и все. Доволен этой захватывающей историей? Может, снимем фильм или опишем это в королевской летописи?

Я не могла остановиться. Сарказм лился из меня непрерывным потоком слов, так смело вылетающих из губ.

Он пропустил мимо ушей мою иронию, будто его не волновали мои «издевки». А точнее – жалкие их попытки.

Передо мной сидел железный человек с бомбой вместо сердца, и никак иначе.

Его взгляд стал задумчивым – ах, он все-таки слушал?!

Палец Брэда вырисовывал какие-то буквы на моем теле. А еще он очень—очень пристально меня осматривал. Каждую клеточку. Как тогда, в первый раз, когда он придавил меня к дивану и сразу же полез «под юбку». Он словно что-то искал на моем теле, но не мог найти.

Я вперлась взглядом в его ключицы: римские цифры на его коже выглядели странно. Я знала, что еще пару веков назад татуировки были в моде. Но сейчас это большая редкость – просто такая роспись тела как-то ушла в прошлое, и люди

перестали «портить» свои тела.

Мы просидели в молчании несколько минут.

– Так, значит это был кто—то из них? Из «братьев»? – Видимо, это все, что он услышал из моего короткого рассказа. Ему было неинтересно, что я девушка без прошлого, что у меня серьезные проблемы с памятью, и я не могла его винить – да, интересного мало. Но каким же невыносимо собственническим тоном был задан этот чертов вопрос...

Будто я была рождена для него. Будто я не имела права на любовь. И была предназначена только ему. Только для жалкого существования рабства в его замке.

Ублюдок.

– Не имеет значения.

– ГОВОРИ! – Он вцепился в мою талию. Боже...

– Нет, не из них. Солдат французской армии. Я проживаю рядом с границей, и их там очень много. Они часто покупали еду у нас на ферме. Одного я полюбила. Все.

Механическим голосом ответила я, с ужасом понимая, что даже не помню... Не помню, как выглядит Гаспар.

Все, кроме лица Брэндана, стерлись, забылись.

Брэндан тяжело задышал. Еще чуть—чуть, и из его ноздрей бы повалил пар...

Мне даже показалось, что у него веко задергалось после слова «любила».

– А теперь, ответь: какого черта ты солгала? А о нем – забудь. Я сверну ему шею при первой же возможности. Спаси-

бо, что рассказала. Так будет легче его найти.

Страх сковал все мое тело в который раз, и я чуть не потеряла сознание, когда услышала его слова. Брэндан жаждал крови. Мести. Не пойми, чего... Он был невыносим.

– Нет, нет, нет... Ты не сделаешь этого...

– Довольно. Молчать. Я услышал достаточно. Почему ты солгала?

– Я не п—помню. Это было неважно... Я же не думала...
Что т—ты... И я... – Боже, я не могла унять дрожь в голосе.

– Ты солгала, чтобы быть ценнее в моих глазах?

– Что? Конечно нет... Это вышло случайно.

– Ты первая, кого я чувствовал кожа к коже. – Он замолчал, а потом придвинулся ко мне, обхватывая мои запястья. Он передвинул их вверх по простыни, сковав мои руки над головой. – Мне это понравилось. Твоей девочке понравился мой член?

Брэндан снова пристроился меж моих ног, позволяя почувствовать его твердость. Я задержала дыхание.

– Не слышу. – Он наклонился к моему уху, но я прикрыла глаза и молчала.

– Нет. – Ответила наконец.

– Лгунья, – уверенно вставил он, и я прекрасно знала, что он прав. – Я чувствую твой пульс на запястье. Он увеличился моментально.

Он прижался ко мне сильнее, слегка потираясь, задевая самые чувствительные места.

О, черт...

– И снова быстрее – твоё сердечко выдает тебя, Камелия. Я рад, что оно все терпит. Значит твоё тело будет ещё долго меня радовать. Но не сегодня.

Он отстранился, и я тут же почувствовала холод. А мне нужен был его жар.

– Спи в моей постели. Видишь, какой я добрый? А мог бы выкинуть за дверь, не правда ли, грязнокровка? – Он ухмыльнулся, встав возле кровати. Я все ещё находилась в шоке от всего того, что перенесла за сегодня.

Болело все: и душа, и тело. Брэндан отвернулся и пошел прочь. Я провожала взглядом его мощную спину с дичайшими порезами, которые выглядели как открытые раны, после того как я его расцарапала.

Неужели ему совсем не больно?

Неужели он настолько бесчувственен?

Глаза закрывались. Силы были на исходе, а дыхание все ещё было хриплым и неровным после его удушья.

Не было сил, чтобы строить из себя гордую и упрямую, а после бежать к себе в комнату, скрываться, закатывать истерики.

Поэтому я просто закрыла глаза, накрывшись одеялом с головой. И мечтала, мечтала провалиться.

Потому что я до сих пор ощущала Брэндана в себе... Каждый сантиметр снова и снова.

«Многие бы отдали все, чтобы зачать от меня».

Эти мысли не давали мне покоя, и пока я отчаянно высчитывала «безопасные дни», провалилась в сон.

Глава 15

Кенна

Родители. Они снились мне.

Я видела их в отражении зеркала: их ладони лежали на моих плечах, а я все пыталась увидеть их лица. Но ничего конкретного – только тепло, которое исходило от них. Они любили меня?

Потеряли?

Искали ли? И почему не нашли?

Зеркало рассыпалось на части – его осколки летели на меня, пока я закрывала лицо руками. А когда открыла их, то увидела два синих сапфира на побелевшей коже Брэндана.

Он хотел мне что-то сказать и протягивал свою ладонь.

На его лице полуулыбка. Но взгляд у него был такой, будто он не здоров. Какой-то другой, еще более отчужденный и далекий.

Вдруг невидимая преграда встала между нами. Я даже не помню и не могу объяснить, что это было —некий незримый барьер, как будто между нами поставили прозрачное стекло. Моя рука упиралась в него, и я с отчаянием била по стеклу, желая коснуться Брэндана.

Он бил его с другой стороны. На интуитивном уровне я понимала, что ему угрожала опасность. Слышала какие-то крики – то были гадости в сторону Брэндана.

В жизни я бы сама с удовольствием наговорила ему гадо-

стей, но там, во сне, это причиняло боль.

Он стучал по стеклу с силой, с безысходным выражением лица. Наконец, мой удар сломал стекло между нами, но поздно.

Брэндан сделал шаг назад, будто что-то мешало ему дотянуться.

Его губы что-то шептали мне, пока вены на его теле вздувались и приобретали ярко—красный цвет. А после он начал истекать кровью....

***

Моя боль так реальна, так невыносима...

Я подскакиваю на постели, чувствуя, как слезы обжигают глаза.

Прикладываю пальцы к векам — я не хочу плакать из-за этого сна, из-за Брэндана, который этого не заслуживает.

Если бы произошедшее во сне случилось на самом деле, это было бы лучшим исходом. Одним королем—убийцей меньше.

Все мое тело ныло после нашей ночи.

Мой взгляд упал на поднос, который стоял на ножках у моей кровати. Сходя с ума от жажды, схватилась за апельсиновый сок и опустошила стакан до дна.

Завтрак был роскошным. Мысль о том, что это был завтрак для Брэндана, не смутила меня. Овсяная каша с горькой свежих ягод и фруктов, тосты с ветчиной и сыром, пудинг с карамельной патокой и несколько незнакомых мне блюд.

Нахмурившись, я заметила картонную записку на подносе и прочла ее:

«Это твой завтрак. С сегодняшнего дня ты можешь свободно передвигаться по территории замка, включая сад, но в сопровождении представителя Гвардии. Если тебе нужен врач, сообщи об этом Мэри. И помни, все это не означает, что ты свободна. Брэндан».

Я поперхнулась кашей, отодвинув ее в сторону. Простая записка без открытой угрозы, а мне все равно не по себе. Что-то было в ней холодное – это раздражало. В то же время, Брэндан, наверняка, проявлял невероятное внимание по отношению ко мне – не думаю, что он писал своим фавориткам записки.

Я прижалась к подушке – прохладная. Она пахла как Брэндан. Его запах окутывал с ног до головы, заставляя вспоминать каждое прикосновение этого мужчины.

Грубое, отчаянное и жестокое.

Но, тем не менее, не забываемое.

На кровати вновь лежало красное платье для меня – на этот раз очень легкое, без всяких изысков. Но несмотря на его простой фасон, ткань приятно прилегала к телу. И скрывала каждый синяк на моем теле.

В комнате Брэндана было пусто без него. Как будто он тут и не жил вовсе. Может, это его комната, чтоб насиловать своих шлюх, к которым он меня, наверняка, теперь причислял.

Но я не хотела, чтобы все повторилось.

Надеюсь, и он не захочет, после того как разочаровался во мне. И в том, что я от него не утаила.

Страшно представить, чтобы было, если бы я действительно была невинна. Я бы погибла от болевого шока – настолько сильно он врезался в меня.

По коже прошелся холодок, и, окончательно одевшись, я встала. Комната была отделана в серых тонах, на стене висела карта с какими—то отметками в виде флажков. Вся Европа была обведена в красный круг.

Ненормальный.

На его рабочем столе разбросаны какие-то бумаги. Трудно было представить, в чем заключалась работа принца. Он, в первую очередь, политик, а я была так далека от всего этого.

Для меня он был истязателем, мучителем и больше никем.

Но только сейчас я поняла, что, если бы не он, я бы сейчас была использована Золотозубым и его друзьями.

И, как всегда, при мысли об этом мерзавце меня подташнивало.

Красный цвет в комнате привлек мое внимание – некая конструкция, которая светилась в темноте. Ее я мельком видела еще вчера и теперь могла рассмотреть поближе.

То был цветок, запечатленный в квадрате из стекла. Красный, точь—в—точь как бутон на заколке, которую он мне преподнёс.

Странно было все это... Хотя, судя по шикарному саду, Брэндан любил природу. Может быть, и цветы. Но, судя по

всему, он любил их срывать и держать при себе – если они были ему по душе.

С трудом отводя взгляд от красивого бутона, я спустилась вниз и направилась к выходу. Распахнув двери, встретила взглядом с Гвардейцем, который, очевидно, ждал меня.

***

– Кенна, ты, наверное, ненавидишь меня. – Меридиана встретила меня так, будто я на ее глазах восстала из пепла. – Клянусь, я не знаю, как все произошло. Натаниэля... Убили. Он был верным Гвардейцем. А ты... И Брэндан... Где ты была этой ночью? Я даже приходила в твою комнату, после того как увидела машины Брэндана из окна. Но тебя там не было!

Я не узнавала принцессу – каждый раз, когда я ее видела, она становилась все более эмоциональной. В то же время, при Гвардейцах и других фрейлинах она всегда вела себя так, как и прежде: капризно и слегка высокомерно.

Со мной же она разговаривала как с подругой.

– Я так рада, что они ничего с тобой не сделали. Даниэль мне все рассказал. Он был в спасательном отряде...

Я подождала, пока ее эмоции пройдут, и совершенно спокойно ответила.

– Я тебя не ненавижу, Мэри. Я сразу поняла, что это не твоя вина. Как видишь... Все закончилось, я здесь. Снова буду надоедать тебе своим присутствием и вопросами.

– Какая-то часть меня даже рада, что твой побег провалился. – Она посмотрела на меня с такой теплотой. Полная

противоположность глазам Брэндана. В их внешности нет ничего общего, и с каждым разом я все больше убеждалась в этом. Брэндан, видимо, пошел в кого—то не из этого поколения. — Но... Почему ты не ночевала в своей комнате? Он... Очень злился?

Столько сочувствия было в ее взгляде, что мне самой захотелось плакать.

— Очень. — Я опустила голову.

— Он тебя бил?

— Он... Мэри, прошу, не будем об этом.

— Кенна, он не такой, как ты думаешь. Он просто... Хочет всегда все контролировать. Хочет власти. Это у него в крови. — Она заулыбалась, явно вспоминая что-то приятное. — Мой отец всегда был строгим. Но мама любила его и всегда умела смягчить любой конфликт... Только с ней я видела его нежным. Таким, каким не видел никто. И это бесценно.

— Поверь, Брэндан не умеет быть нежным с девушками. — Я чуть было не отогнула воротник своего платья, чтобы продемонстрировать ей красный ошейник на своей шее.

Она отвела взгляд в сторону, будто я ее ударила. Я не понимала, как она может питать теплые чувства к этому чудовищу.

Так же, как и не понимала свои к нему чувства.

— Мне жаль, что ты знаешь его только таким. И вряд ли он покажет тебе свою другую сторону... Я не видела ее восемь лет.

– Каким он был? Ты помнишь?

– Мне было всего десять, но я помню все так, словно это было вчера. – Она присела на кресло рядом с кроватью и положила руки на колени, замерев в изысканной позе с прямой осанкой. – У отца никогда не было времени на нас, но раз в месяц мы обязательно выбирались в город и проводили вместе весь день. Мы могли весь день проваляться на траве в Гайд Парке, особенно, если хорошо скрывались от прессы и прочих вещей, которые отягощают передвижение королевских особ. – Мэри не скрывала гордости в своем голосе. – Я любила Бастиана, но Брэндана... Всегда любила больше. У него была идеальная внешность, будто сам Бог потрудился над его лицом. Не было шрамов. Постоянно сдвинутых бровей. Этого льда во взгляде. Хотя, бывало, он смотрел будто сквозь меня, словно уходил мыслями куда-то далеко... Но в остальном он был для меня особенным.

Я слушала принцессу не дыша, боясь пропустить любое ее слово, сказанное о Брэндане. Она рассказывала о нем, а у меня было такое чувство, что я слушаю сказку – два противоречивых образа Брэндана никак не уместались в моей голове.

Мэри рассказала про историю со львом, и как он бегал по ночам в его вольер в замке, проверяя, хорошо ли с ним обращаются. Как поехал в другую страну, чтобы лично выпустить его на волю. Брэндан много путешествовал и постоянно учился – он знал пять языков в совершенстве. И еще

несколькими владел. Распорядок его дня состоял из раннего подъема, боевых искусств – фехтование, – ораторского искусства, языков, литературы. Можно было подумать, что у него нет времени на себя, но и тут Мэри развеяла мои догадки.

Времени не было у Бастиана. Все падало на его плечи, в то время как Брэд мог наслаждаться жизнью.

– В шестнадцать он начал свободно покидать замок. Помню, это был жуткий скандал. Потому что в дни, когда Брэндан уходил, на следующий день все заголовки пестрели о том, что он провел ночь в клубе... Вокруг него такая шумиха поднялась. Постоянные сплетни. Ему начали приписывать романы с моделями, и это в таком юном возрасте. Но самый большой скандал был из-за того, что папарацци приписали ему наркотическую зависимость. Фотографий не было, но ты сама знаешь... Людям только дай повод сплетничать.

Я кивнула, не зная, о чем она говорит. Я никогда не сплетничала и не интересовалась жизнью в больших городах. А на ферме некуда было ходить. Братья сами устраивали вечеринки, но я их с успехом игнорировала. Не для меня все это, потому что я слишком сильно любила одиночество и независимость.

– Он употреблял наркотики или нет?

– Нет. Конечно, я не знаю, но я уверена, что у него не было зависимости. О нем говорили все больше и больше, по Бр-

эндану все с ума сходили. Раз в год у нас проходит Большой Бал – и на него собирались девушки всех сословий, и все они просто пищали от Брэндана. Это было ужасно.

– А Бастиан?

– А Бастиан... Он начал меняться. Я не сразу это заметила. Он... Я думаю, он завидовал Брэндану. После истории с наркотиками Брэд пошел в одну из наркотических клиник и лично побеседовал с каждым больным. Тогда про это тоже много в газетах писали. Он у всех был на устах. Все будто бы забыли про Бастиана. И пусть он меня простит, но я знаю, что это его... Бесило.

Я чувствовала, что подбираюсь к какой-то большой тайне, но не знала, как наконец узнать ее. В какой момент все изменилось, и почему Брэндана посадили в Адинбург, несмотря на то, что он был наследником Английского престола.

Эти две вещи не могли произойти в одной вселенной, но они произошли.

– Он учил меня кататься на лошади, когда мне было семь. Садил на маленького пони, и мы гуляли по саду. Помню, что он все время переживал, что я могу упасть и пораниться. Но я знала, что не упаду, потому что рядом с Брэнданом я всегда чувствовала себя в безопасности.

Я не знала, как продолжить этот разговор, но мое отношение к Брэндану еще раз изменилось. Я будто видела его в виде весов, на которых лежали только черные камни и тянули одну из чаш вниз. После этой ночи он добавил в чашу

еще одну горсть черных камней. И пару белых.

После рассказа Мэри чаша с белыми камнями потяжелела настолько, что черная даже оторвалась от земли.

И все же рядом с Брэнданом я всегда чувствовала себя в опасности. Будто хожу по краю, по оголенному лезвию.

Я хотела задать самый главный вопрос, потому что видела – лучше момента и быть не может. Давай, Кенна. Просто спроси, она же ответит тебе.

«Почему он оказался в этой адской тюрьме?»

Я набрала в легкие воздуха...

– Произошло еще кое—что. Я очень сильно переживаю. – Мэри схватилась за живот, округляя глаза. – Даниэля приказали убрать из моей охраны. Как бы кто не догадался, что между нами... Может, нас кто—то видел? Но тогда он был бы уже мертв. Вместо него приставили другого Гвардейца. Гаспара. Очень красивый молодой человек. Но ты же понимаешь, для меня это значит, что я буду реже видаться с Даниэлем... Как мне надоело прятаться по углам! – чуть не плача, заявила она.

А я не могла унять бешено бьющееся сердце в своей груди. Я не ослышалась: Гаспара?

Видимо, сама судьба издевается надо мной и подкидывает мне пищу для размышлений. Лишний раз напоминает мне о Гаспаре.

Мэри еще долго разговаривала о Даниэле, но я ее почти не слышала. Имя нового гвардейца не давало мне покоя, а

нехорошее предчувствие нарастало с каждой секундой.

***

Брэндан никогда не смотрел на меня, когда я видела его в коридорах замка. Он был не один. Часто он был в сопровождении Джейсона и еще нескольких мужчин в строгих костюмах. Кучка Гвардейцев, как всегда, шла за ними, в то время как мой охранник тоже преследовал меня, словно тень.

Точно так же он поступал со всеми своими шлюхами – игнорировал их в коридоре, а потом проводил с ними ночи. Я не знала имен этих девушек, но знала, некоторых из них – все как на подбор: приторно красивы и совершенно не похожи на меня, зато похожие между собой.

Мне оставалось только догадываться, какую жизнь ведет Брэндан. О чем он думает, когда засыпает.

Каждый вечер я делала себе компрессы на ноги – все мои ступни были в глубоких порезах от стекла, и каждый шаг давался с невероятным трудом.

Первую неделю Брэндан присылал мне врача каждый вечер, но я отказывалась раз за разом. Мне не нужны были его подачки, его «забота».

Шея до сих пор редела красным, и я постоянно скрывала следы от его рук.

Он не рассчитывал свою силу. Напоминал мне маленького ребенка, которого наделили всемогуществом, и он тут же помчался с ним играть.

Я так же знала, что пленницы раз за разом поступают в

замок – прямо как еженедельный товар, и их крики из подземелья не прекращались. Я прекрасно слышала их, когда блуждала в том самом крыле, из которого вернулась.

Стараясь найти ответы на свои вопросы, я пошла в библиотеку замка – она представляла собой огромный лабиринт из книжных шкафов, заполненных увесистыми томиками писателей и поэтов прошлых веков. Чего здесь только не было: романы, мистика, детективы. Все было разделено по датам, годам и жанрам. Бессмертная коллекция человеческих знаний и истории.

Книги по истории я буквально «съедала» и узнала то, чем на ферме никогда не интересовалась.

Все это было, конечно, интересно, но вот все о прошлом, о прошлом... Ни слова о настоящей истории Англии. Все книги были написаны до смерти последнего короля Джона-тана, и во всех книгах их семья описывалась как пример для подражания.

Королевская семья на протяжении нескольких последних веков была цветком, украшением Англии. Многие принцы становились военными и жили обычной жизнью. Как правило, детей было очень много, поэтому всегда находился тот наследник, который бы мог занять трон в случае смерти Короля.

Была даже история про Королевских близнецов, которые опозорили род и подорвали авторитет Королевской семьи – оба мальчика прожигали свою жизнь и богатство, становясь

отличным поводом для сплетен. Оба были бунтарями, но, в итоге, одному из них пришлось занять трон уже в весьма почетном возрасте, а вот другой – женился на простой девушке, с которой познакомился в колледже.

Когда я нашла стопки с журналами, я наконец—то поняла, что это то, что я искала. И оказалась права. А журналы, в особенности London time, постоянно вели отчет о прогулках Королевской семьи.

Здесь был описан и случай со львом Брэндана, и все его ночные похождения с кричащими фотографиями. На одном из фото его запечатлели с сигаретой, а заголовок гласил: «Падший ангел», и я почему—то рассмеялась, глядя на юного Брэндана.

Здесь было достаточно его фотографий. Одну, где он был сфотографирован в профиль и смотрел вдаль, я по—кошунски вырвала и спрятала к себе в рукав.

Я сделала это машинально, бессознательно – и только уже в своей комнате всмотрелась в его красивые черты лица.

В груди все болезненно сжалось.

Захотелось порвать фото, но пальцы не слушались. Я бережно спрятала листок в свою тумбочку, понимая, насколько это ненормально.

Брэндан не приходил и не звал меня и все же ни на секунду не покидал меня, будто привязал к себе невидимым арканом. Заклятием. Гипнозом.

На восьмой день у меня началась настоящая ломка. Я не

знала, чего ждал Брэндан.

«В следующий раз ты придешь сама».

Этого.

Но я не могла. Не могла так унижаться перед ним, и так побыв на самом дне. Не могла позволить к себе такого отношения, но рядом с ним – позволяла.

Я просто боялась потерять контроль и перестать мыслить трезво, когда увижу его снова.

Позволять ему делать со мной все, что он хочет.

Обижать, унижать, душить. Я вела себя так, как будто не любила.

А прежде я любила только себя и принадлежала самой себе, поэтому все эти изменения в моем организме воспринимались мною как болезнь.

От которой никто и никогда не найдет лекарства и противоядия.

***

– Леди, – я шла по замку, когда рука неизвестного потянула меня за край платья. Я была готова вскрикнуть, но тут увидела Даниэля – он глядел на меня с беспокойством. – Как она? – выпалил он, глядя на меня, как одержимый. – Как ребенок принцессы? Простите, что спрашиваю... У вас.

– Даниэль, я думала вы видите, – зашептала я, надеясь на то, что коридор был пуст.

– Нет. Джейсон слишком сильно опекает принцессу, и он отстранил меня от ее охраны. Я не могу даже передать ей

записку, чтобы мы встретились тайно. Но, надеюсь, вы возьмете на себя грех и поможете мне в этом. . . .

Я вскинула бровь, глядя на бедняжку. Грех. Если любить, как эти двое – грех, то я вообще отказываюсь от любви.

– Я передам ей все, что попросишь.

– Спасибо, леди. Я буду у вас в долгу. Я и так перед вами в долгу. . . . – Он улыбнулся до морщинок в уголках глаз.

– Прошу, скажите, что я жду ее в два часа ночи на нашем месте. – Я кивнула и вышла из-за статуи, поправляя волосы. В коридоре было пусто, хотя, что-то мне подсказывало, что здесь должны быть установлены видеокamеры.

О, черт.

Надеюсь, их нет в моей комнате. . . . Я покраснела, вспоминая то, что делаю, думая о принце.

Через пятнадцать минут я нашла принцессу в Саду – девушка шла в сопровождении нового солдата, и я понимала, насколько ей должно быть горько. Раньше она могла спокойно гулять по саду с Даниэлем, а теперь. . . .

– Ваше Высочество, Мэри, – я по привычке сделала короткий кивок головой, – мне нужно с вами поговорить. – На «ты» я обращалась к принцессе только наедине.

– Хорошо. Гаспар, ты оставишь нас наедине? – Она обратилась к мужчине, услышав имя которого, я вздрогнула.

А потом мы встретились взглядами, и я увидела лицо, которое, казалось, уже забыла.

Передо мной стоял Гаспар – ни в чем ином, как в форме

Английской армии.

– Разумеется, принцесса. Я буду наблюдать поодаль. Вы представите мне вашу компаньонку? Я бы хотел обсудить с ней ваш распорядок дня, чтобы распределить рабочее время между другими Гвардейцами.

Гаспар говорил на чистейшем английском. Будто это был его Британский брат—близнец.

Я приоткрыла рот, впиваясь в него взглядом. Его длинные волосы были завязаны в хвост, а линия подбородка обросла мужественной щетиной. Он стал выглядеть намного старше, но был по—прежнему красив. Серо—зеленые глаза придиричиво оглядывали меня, но я замечала, что он едва скрывает свою улыбку.

Что все это значит?!

Наконец, он развернулся и пошел в сторону дуба, прорастающего в саду.

– М—мэри, т—тебя ж—ждет Даниель сегодня ночью на вашем месте, – невнятно пробубнила я, заикаясь.

Мэри прикрыла рот рукой, разглядывая меня. Не удивительно – цвет моей кожи, наверняка, слился с зеленью травы или ближайших кустов. Весь мир кружился вокруг меня со скоростью света.

Гаспар. Он здесь. И судя по тому, как он ловко придумал предлог для того, чтобы поговорить со мной, это не его двойник.

Я не знала, что и думать. Но мысли о спасении почему—

то больше не приходили мне в голову. Я знала, что Брэндан найдет меня где угодно – нашел же он меня при первой попытке побега.

Найдет и второй. Но на этот раз без жертв не обойдется – он убьет Гаспара или нас обоих.

– Ты в порядке? Кенна! Я уже пять раз тебя спрашиваю... – Мэри бьет меня по щекам, приводя в чувство. Краем глаза я замечаю Гаспара, который гуляет недалеко и постоянно стреляет в меня глазами.

Я скучала по нему. Впервые за долгое время в этом замке появилось что-то теплое и родное. Луч надежды, надежды на жизнь в свободе. В гармонии.

– Да... Я в порядке...

– Кенна, ты уверена, что вас никто не слышал? Тебя и Даниэля?

– В коридоре никого не б—было, – по—прежнему заикаюсь, лепетала я.

– Хорошо. Я прогуляюсь по парку, а потом ты заплетешь мне волосы. – Она отдала приказ, и я кивнула. Принцесса ушла в сторону фонтана, в то время как ко мне подошел Гаспар, и его руки поднялись в воздух, будто он хотел обнять меня.

Но он вовремя остановился.

– Я так хочу взять твои руки, Кенна. – Он посмотрел на меня с привычным блеском в глазах. – Знаю, ты удивлена...

– Кто ты, черт возьми, такой? Только не говори, что ты

шпион Англии...

– Франции. Нас обучают всему этому... Придворным манерам, языку в совершенстве. Я многого тебе о себе не рассказывал. Прости, Кенна, это часть моей работы. Я...

Я все еще смотрела на Гаспара как на привидение. Всего несколько месяцев назад мы провожали с ним закаты на берегу моря, но теперь это кажется частью какой-то прошлой жизни.

– Что еще ты мне не рассказывал? – Нутром чувствовала, что он что-то от меня скрывает. Или я становлюсь параноиком, или я и правда почему—то стала частью большого заговора.

Все это подозрительно. Брэндан, собирающий девушек, выискивающий у них на телах и что-то вечно «проверяющий».

Гаспар, который совершенно случайно сблизился со мной на ферме, в то время как остальные солдаты просто приходили за едой и отчаливали. Как бы я не была с ними приветлива, никто из них никогда не улыбался мне в ответ. Я думала, они боялись моих братьев, но теперь уже не была ни в чем уверена.

– Кенна, ты в опасности.

– Спасибо, я это прекрасно знаю. А тебе, кажется, было все равно – ты так долго меня не искал, что я уже и здесь неплохо устроилась, – с гордостью заявила я, глядя в сторону.

– Я расскажу тебе все. Со временем. Только выслушай... Кенна... – Голос Гаспара сорвался, будто он вот-вот расплачется.

Он любил меня.

– Мои чувства к тебе не изменились. Если бы ты знала, как я хочу коснуться твоей нежной щечки. Удивительно, как ты изменилась здесь. Ты стала еще прекраснее. Ты стала... Другой.

Я глянула на него с осуждением: его слова были мне неприятны. Я надеюсь он не имел в виду, что Брэндану удалось подогнуть меня под свои желания. Слепить из меня все, что ему хотелось.

– Вряд ли я смогу питать к тебе прежние чувства, теперь, когда я никому не могу доверять, – призналась я, не понимая, что творю. Господи, да там, лежа в темнице, я часами желала о том, чтобы он спас меня, вернулся, сделал все – даже рискнул жизнью.

И вот теперь, когда он на расстоянии вытянутой руки и по—прежнему души во мне не чаёт, мне почти все равно.

Я уже не знаю, где правда, а где ложь.

– Надеюсь, вы все обсудили. Нам с леди Кенной нужно в спальню. Пока вы провожаете нас, я прошу вас держаться на расстоянии в десять метров.

– Да, ваше Высочество. – Гаспар кивнул Мэри, и я отвернулась, вышагивая вместе с принцессой в сторону замка. Я не оборачивалась назад, но отчетливо чувствовала, как при-

стальной взгляд Гаса буравит мой затылок.

Глава 16

Брэндан

Я всегда покручивал печатку на своем пальце, когда уходил в себя. Бесконечно вглядывался в шестиугольный ромб, изображенный на металле, с вырезанной буквой V внутри.

Все шло не так, как я того хотел, как планировал. Все летело к чертям, и я знал, что мне пора завязывать с бесконечным поиском той девушки среди пленниц и придумать другой план.

Он изначально был хреновым. Но я знал, что отец всегда придерживался мирной политики и не стал бы начинать эту войну, будь он у власти.

И при мне она началась. Фактически, я ничего не мог сделать, потому что меня слушалась только королевская гвардия, а не армия всей страны, которая подчинялась парламенту. Если бы мне удалось убедить хотя бы одного из них или двух... Что пролитием крови и повышением налогов мы ничего не добьемся.

Я выключил телевизор. Прямая трансляция из Франции: ничего нового, очередные беспорядки и убийства. Западная часть страны почти полностью принадлежит нам, но от этого не легче.

Жертв было слишком много... Как у моего народа, так и у французов.

Я вдруг вспомнил удар хлыста по своей спине, будто бы

меня били прямо сейчас. Принца, который был любимцем народа, родителей. Я вырос в любви, достатке и теплоте. А потом... Этот гром среди ясного неба.

Позор и унижение, которые я испытал, когда был привязан к столбу, а после вымазан в грязи.

Шесть лет ада в Адинбурге, когда, порой, я почти забывал свое собственное имя...

А потом стискивал зубы и шептал о мести, которой был одержим.

Встряхнув головой, я выключил жалость, как это бывало в те моменты, когда она приходила.

– Я не должен никого жалеть. Меня никто не жалел.

Только Мэри – это она вызволила меня из Адинбурга, когда выдумала историю о том, что видела, что я не убивал Бастиана. В этот бред поверили немногие. Но все же этих немногих хватило, чтобы добиться моего освобождения. У меня было не много сторонников, но я очень быстро заметил, что они очень быстро прибавляются, когда держишь их в страхе.

Тогда Джейсон и заразил меня этой идеей – он знал, что, чтобы набрать еще больше сторонников, мне нужна коронация. И он знал о том, что я бастард.

Все об этом знали, но по воле моей матери – Кэтрин – я был признан ею как родной, а значит и являлся наследником. Но парламент так не считал...

Каждый день я нес это бремя. Непризнанного, ненастоя-

щего. Кто такой бастард? Это плевок чести, позорное клеймо, которое накликал на меня отец.

Я до сих пор не мог понять, почему они не отказались от меня. Обычно, бастардов убивали или отправляли в народ. В приют, в конце концов. И незаконный сын так и жил, не зная, что в нем течет голубая кровь.

Моя же кровь была проклята.

Каждый раз, когда я смотрел на свою семью и не видел между нами никаких общих черт, чувствовал, что я – брак. Темное, грязное пятно на белоснежной репутации королевской семьи, которая служила для народа красивой картинкой, олицетворением чистоты, доброты и разума.

От этого учился только усерднее, стараясь перегнать Бастиана во всем – он был хорош в фехтовании, но я был лучше. Был быстрее.

Он знал пять языков? Я учил новые.

Это было нашей детской игрой: «Кто кого?», и сначала это было забавно и даже служило некой мотивацией...

Но потом изменилось все.

Тот ужасный день, когда я сделал это, и когда меня посадили в Адинбург, я до сих пор вычеркивал из памяти. Но как бы не старался, последний взгляд брата, перед тем как он умер, навсегда отпечатался на подкорке памяти.

На—все—гда.

А теперь... Все было напрасным. Все было глупо, несправедливо, неправильно. Жизнь кидала меня из стороны в сто-

рону, катала на огромных горках, пока не подготовила мертвую петлю.

Камелию. Девушку, которая не выходила из моих мыслей и портила все мои планы.

Она заставляла меня чувствовать. Будила во мне эту мерзкую человечность, которую высекали из меня целых шесть лет.

Я даже дошел до того, что два часа сижу и пялюсь в одну точку, обдумывая новый план по объединению европейских стран вместо того, чтобы рвать и метать, как обычно.

Мне нравилось, что она не выглядела сломленной. Хранила в тайне свое имя. Для простой девушки, она была удивительна: у нее внутри сидели задатки настоящей королевы.

Она напоминала мне мать.

Я даже решил, что в ней течет та самая королевская кровь, что мне необходима – но при первом же осмотре ее тела в тот день, когда я припечатал ее к дивану, был разочарован. На ее бедре не было метки.

С 2056 года все члены Королевских семей вступили в мasonicкую ложу. Что-то вроде небольшой секты «для своих», где верхушки власти собирались на званые вечера, устраивали балы и обсуждали свои идеи по объединению мира. Это было так давно. Возможно, если бы мы жили как они и придерживались их взглядов, война бы не разгорелась. Благодаря ложе, все королевские семьи и семьи президентов некоторых стран оставались в хороших союзнических отношениях.

Но планета не выдержала абсолютного мира. И Европа распалась – раскололась на части. Британия и тридцати лет не провела в ее составе.

С тех пор утекло много воды, но одно оставалось неизменным – на каждом рожденном младенце, который, как бы то ни было, был причастен к ложе и к королевской крови, высекали метку. Ничего особенного – небольшой, едва заметный символ, тот самый шестиугольный камень с первой буквой фамилии. На Камелии его не было.

Какая жалость. Она не та, с кем я вынужден буду связать свою жизнь.

Что ж, это не помешает ей быть моей. Вряд ли я смогу ближайшее время ею насытиться, и то, что она держалась от меня в стороне, злило и заводило еще больше. Обычно мои шлюхи сами приходили и льнули ко мне, и только после того, как я повышал голос или оставлял их использованными, они оставляли меня в покое.

А эта...

Кровь отхлынула от моего лица, как только я закрыл глаза и вспомнил ее образ.

Нежная фарфоровая кожа, как у куколки. Моей самой строптивой куколки, с которой было так забавно играть.

Розовые соски и полная грудь относительно ее худобы. Я помнил ее кожу на вкус, и как она дразнила меня поцелуем, чего не смела делать ни одна другая женщина.

Мне нравился аромат ее тела – никогда прежде я не вды-

хал женщину, они частенько задерживались только на уровне моих ног...

Только самых сильных я испробовал на прочность и трахал до потери пульса.

И все они либо ломались, либо картинно визжали, делая вид, как им хорошо.

Она не сделала ни то, ни другое.

Она не сломалась, хоть и в ее глазах стояли невыплаканные слезы.

И не притворялась, что я не делаю ей больно. Всем своим видом она показывала мне, что «с ней так нельзя».

И в то же время принимала от меня все, что я ей давал

Эта девушка меня с ума сводила, и когда я посылал к ней врача, а он каждый вечер докладывал мне о том, что она не принимала его, я чуть было сам не мчался в ее спальню заниматься лечением.

Но осознал, что не выдержу.

Что один ее стон прекрасно напомнит мне о том, как сладко было кончить в ее горячую дырочку.

Прикрыв глаза, я положил руку на член, сжимая его.

Желать ее – то же, что вести войну – отступишь далеко, и она возьмет над тобой верх, чего допустить я не мог. Подойдешь близко – разнесет в клочья.

Теперь я знал точно: что бы не случилось, пусть я даже найду настоящую наследницу франции и женюсь на ней ради коронации и завоевания сторонников такой сильной гвар-

дии, как французской, я не откажусь от Камелии.

Пусть, как пленница, пусть, как собственность, я пойду на что угодно, запугаю ее настолько, насколько это нужно.

Но она останется здесь, при дворе. Навечно.

Или пока я не сломаю ее – пока она не сольется с толпой тех, чьих лиц я уже и не помню.

Кенна

Я не могла уснуть этой ночью. Появление Гаспара, мысли о том, что именно в эту секунду Мэри рискует своей жизнью и жизнью своего ребенка, встречаясь с Даниэлем, не давали мне покоя.

Мои раны заболели с новой силой – я зря отказывалась от врача всю неделю, напрашиваясь подхватить какое—нибудь заражение. По правде говоря, я даже боялась смотреть на свои стопы – и так чувствовала, что рана загноилась, и это может привести к серьезным последствиям.

К тому же, туфли, которые вынуждены носить фрейлины, не самые удобные, и походы на небольших каблуках были подобны нечеловеческим пыткам.

Внутри все болело. Синяки, которые Брэндан оставил мне, сходить не хотели – прошла ужасающая краснота, и на месте ее появились фиолетово—желтые отеки.

Я ненавидела Брэндана за то, что он делал со мной. И не понимала, как посмела получить от нашей близости удовольствие.

Во всем виновата его сила, которая окутывает меня с ног до головы... А потом вдруг наступает момент, когда все, что мне нужно в этом мире, – это почувствовать тепло его тела, прикосновения.

Каждое касание Брэндана – это слова «ты моя, и ты ничего

не можешь с этим поделаться».

Я больше не собиралась спать и притворяться, что то, что произошло между нами, – нормально. Что то, что я до сих пор не знаю, зачем я здесь, – в порядке вещей.

Особенно теперь, когда мне предстоит выслушать версию Гаспара. И что-то мне подсказывало, что меня ждет слишком много неприятных сюрпризов...

Надев первое платье, что попало под руку, я вышла из комнаты – на большую удачу, гвардеец, который охранял мою комнату день и ночь, покинул пост ради неотложных нужд, и я быстро свернула в сторону комнаты Брэндана.

Замок больше не пугал меня. Поражали только смена стилей в каждом из коридоров: декора из разных времен и эпох. Несмотря на то, что я всю жизнь росла на ферме и жила в одной из комнат в амбаре, роскошь дворца слишком быстро стала для меня нормой.

– Леди. – Гвардеец закрыл своей грудью вход в спальню Брэндана. – Принц Брэндан же ясно сказал: сегодня никаких развлечений.

Видимо, Гвардеец не знал, что я... А кто, собственно говоря, я? Но совершенно очевидно, что он принял меня за одну из шлюх, с которыми веселится Брэндан.

Я с ужасом осознала, что это правда.

Но самым неприятным было слово «сегодня» – мысль о том, что принц уединялся с девушками каждый день, заставляла меня чувствовать еще большую злость. На него. На этих

дешевок, которым нравилось лизать ему пятки.

Точнее, не только пятки...

Мне должно быть все равно. Я ненавижу его. И не испытываю ревности к этому чудовищу. Мне будет только лучше, если он найдет себе новую игрушку для его жестоких утех.

– Я знаю, но я... Фрейлина Меридианы. И у меня очень важная новость для него от сестры. Поверьте, если вы меня не пустите... – Я не знала, что бы такое придумать, чтобы гвардеец пустил меня. Нужно было ляпнуть что-то в духе Брэндана. – Завтра он лишит вас головы.

Дерзко улыбнувшись и высоко задрав голову, я проследила за реакцией гвардейца.

– Заходи, он, кажется, давал указания насчет фрейлины принцессы. Так бы сразу и сказала.

Ах, вот оно как.

Я осторожно открыла дверь, и первое, что я услышала, это были звуки синтезатора (*Kamil sen—sans – Aquarium*).

Непрерывные, мелодичные, светлые. Переливы музыкальных нот были полны загадки и какой-то кристальной чистоты. Слушая эту мелодию, мое подсознание неосознанно рисовало образы морского дна, а перед внутренним взором невольно заскользили рыбки, поблескивающие своей чешуей.

Я не помнила, чтобы музыка прежде вызывала во мне эмоции и такие яркие живые образы.

Я не верила, что эти волшебные звуки рождаются по воле

Брэндана.

Только бы он меня не заметил...

Подняв глаза в сторону инструмента, я увидела, что это действительно был принц. Слегка наклонившись над клавишами, он играл и играл – его пальцы с такой легкостью скользили по ним. Невероятно.

А я думала, что синтезатор стоит у него для украшения.

Брэндан был одет в домашние штаны и футболку, через ткань которой я видела, как напрягаются мышцы на его мощной спине. Он спрятал шрамы, которые я расцарапала.

Сейчас принц казался мне совершенно другим – когда я не видела его холодных глаз, не слышала строгости в голосе.

Брэндан удивил меня настолько, что я даже на мгновение забыла, зачем пришла... И просто встала позади него, слушая музыку, которую он дарил этому свету.

Вдруг мелодия резко прервалась.

– У тебя тяжелые шаги, несмотря на худобу. И я слышал, как ты втянула ртом воздух от боли.

Он когда-нибудь перестанет вести себя как король? Очевидно, нет.

– Садись рядом, – я молча, последовала его приказу. – Зачем ты пришла? Захотела добавки?

Он с издевкой посмотрел на меня, облокотившись на синтезатор руками.

– Ты играешь, – я специально проигнорировала его вопрос, чтобы наш разговор не стал «прелюдией» перед оче-

редной «бойней». – Красивая музыка. И у тебя чудесно получается. – Последнюю фразу я произнесла едва—слышно.

– Боишься меня, Камелия? – Брэд присмотрелся к моей шее, нахмурившись. – Это правильно. А насчет музыки: это расслабляет. Тебе может показаться, что я целыми днями сею хаос и заставляю людей погибать во имя моей власти, но это не так. Музыка помогает забытья.

Мои веки затрепетали от удивления – удивительно, сколько новой информации о себе он выдал за один присест.

– Никогда не слышала такой.

– Это классика – она вечна. Многие песни забываются, а многие актуальны и по сей день.

– Один из моих братьев играл на... Аккордеоне. Но я плохо помню мотив...

– Значит ты просто слушала ее. Музыку не нужно помнить. Видеть. – Брэндан опустил свои глаза, начиная двигать по клавишам двумя пальцами. – Чувствовать. Порой, музыка – это единственное, что способно вызвать в нас хоть какие-то чувства.

Меня не покидало ощущение, что он говорит про себя.

– У меня было много учителей, Камелия. Языки, верховая езда, борьба, уроки. Но играть меня научила Кэтрин.

Кэтрин была королевой, поэтому я затаила дыхание, ожидая услышать от него хоть кусочек его истории. Узнать часть прошлого Брэндана... Того человека, который мог встать на защиту животного. Помогать больным наркотической зави-

симостью.

Я чувствовала в себе необходимость прямо сейчас найти в нем подтверждение всем тем фактам, что я вычитала о нем в газетах и узнала от Мэри.

– Это ты... – Он начал играть в две руки, полностью сосредоточившись на клавишах. Изредка он посматривал на меня, пока, наконец, не прошептал. – Если бы ты была музыкой.

Брэндан начал играть громче, и каждая клеточка моей кожи покрылась мурашками. Я не верила в то, что не сплю.

Что у него вообще повернулся язык сказать мне такие слова, от которых тает даже сердце, переполненное ненавистью. «Это ты, если бы ты была музыкой».

Они пробрали меня до костей. Но окончательно меня добило то, что он запел. Тихо. Почти шепотом.

*– You told me yes you held me high
And I believed when you told that lie
I played that soldier you played king
(Ты сказала мне "да", ты подарила мне блаженство,
И я поверил, когда ты мне солгала.
Я играл роль солдата, ты – короля...)*

Я затаила дыхание, прислушиваясь к каждому слову. Я не хотела смотреть на Брэндана, но не могла отвести глаз от его рук, которые касались меня, а теперь и этого инструмента.

Мне не нужно видеть его таким. Человеком, к которому можно что-то испытывать... Не нужно.

Многим он играл эту песню? Может, сотням своих «рабынь». А может, я была единственной.

Когда он закончил, посмотрел на меня снисходительно. Как будто только что не посвятил мне эту прекрасную музыку.

– Закрой свой ротик. А то мне придется использовать его по назначению.

Я поджала губы, укоряя себя за свой удивленный вид.

– Мне нужен врач, – вдруг выпалила я, хотя, это не входило в мои планы. Я почему—то не стала отвечать ему желчью и строить из себя гордую львицу. Мне действительно был необходим доктор, иначе мои раны приведут к серьезным последствиям.

– Он приходил к тебе. Ты отказывалась. Я слежу за тобой, и ты меня расстраиваешь, Камелия. – У него был медленный, почти гипнотический голос с хрипотцой.

– Я... – Мне не хотелось выглядеть сломленной в его глазах. Я просто устала быть сильной. – Передумала.

– Хорошо. Я пошлю его снова. Где тебе больно? – Брэндан вдруг развернулся ко мне и резко опустил руку на мое колено. Его ладонь стремительно поползла вверх, и он сдержанно сжал мою кожу на внутренней поверхности бедра. – Здесь?

– Нет...

Мое платье было из слишком тонкой ткани, но и его хотелось сорвать, лишь бы дать Брэндану прикоснуться ко мне.

– Здесь? – Он слегка наклонился к моей щеке, обдав го-

рячим дыханием. Его рука поднялась еще выше.

– Почти, – выдохнула я, понимая, что добром это не кончится.

– Что еще болит у моей пленницы?

«Душа. Сердце. Потому что они постоянно спорят между собой».

– Ноги...

– Ножки болят у пленницы, – с придыханием шепнул он, слегка касаясь губами мочки моего уха. Щекотно.

Я не смогла сдержать улыбки.

Брэндан схватил меня за талию и поднял, поставив между собой и инструментом. Не позволяя мне быть выше его, он встал и прогнул мою спину настолько, что пришлось отклониться на синтезатор. Сесть на клавиши. Инструмент издал фальшивые минорные нотки.

– Пленница получит лечение, если сознается мне. – Брэндан покровительственно глядел на меня, но в то время как его глаза внушали страх, голос «ласкал» и успокаивал.

Сейчас он был другим... Но от чего—то эта перемена пугала только сильнее.

Я уперлась руками в его грудь, жалея, что он в футболке, и медленно качнула головой.

– Я не хочу быть частью этой игры... Частью тебя... Не надо.

– Ты уже часть меня, маленькая. – Брэндан взял мою ладонь в свою и уткнулся губами в костяшки моих пальцев.

Продолжая смотреть мне в глаза, он очень медленно поцеловал каждую из них.

От его сдержанной ласки я сходила с ума, прекрасно понимая, что в любую секунду он вновь может стать тем зверем, который жестоко поимел меня.

Брэндан был ходячим вулканом, который был готов в любую секунду проснуться и смести все на своем пути.

Я сильнее надавила на его грудь другой рукой.

– Ты же слабенькая, что ты пытаешь сделать?

– Хочу, чтобы ты перестал меня трогать, – я ударила его в грудь со всей силы, чуть не взыв от возникшей боли в кулаке. Брэндан впервые едва сдерживал свой смех.

– Хочешь покалечить себя еще больше? Тогда бей.

Стиснув зубы, я ударила его вновь, врезаясь кулаком в его грудную клетку.

– И это все, на что ты способна? – Он наклонился к моему уху, зашептав с угрозой. – Я душил тебя, я почти разорвал тебя на части и буду делать это снова и снова, а это вся твоя злость...?

И я снова ударила его – на этот раз звук от удара был громче. Брэд даже не поморщился.

– Я до сих пор помню слезы в твоих глазах и то, как ты кричала, умоляя меня о большем.

Брэндан дразнил меня, и я понятия не имела, чего он добивался. От нахлынувших воспоминаний и звука его голоса я почувствовала волны удовольствия, обволакивающие с го-

ЛОВЫ ДО ПЯТ.

– А ты помнишь? Как просила его. Как просишь и сейчас. – Брэндан толкнулся в меня бедрами, и кровь мигом отхлынула от моего лица. – У тебя все в глазах написано.

– Ты сделал мне больно!

– Продолжай...

Я начала колотить его в грудь без перерыва, но тут он прижал мои руки к крышке инструмента и уложил меня, накрывая собой.

– Отпусти! – Я действительно боялась, что он снова будет слишком жесток. Моя шея не выдержит его сомкнутых рук, если он будет делать это сильнее, чем в прошлый раз. – Брэндан, мне больно...!

Казалось, принцу мои крики доставляют еще большее удовольствие. Он резко задрал мое платье и отогнул ткань нижнего белья, прикасаясь к чувствительному месту.

– Тогда почему ты готова для меня? Все эти дни ты... Думала обо мне?

Во рту пересохло. Конечно, я думала о нем. И...

– Ты ласкала себя, правда? – Это звучало почти как утверждение. Его руки заскользили по моей коже, пальцы настойчиво двигались меж моих бедер.

– Не... Брэндан, не надо. – Я сжала ноги, но он тут же раздвинул их слишком широко.

– Скажи мне правду о том, что ты чувствовала. И я сделаю тебе очень приятно. Может, я и жесток, но иногда на меня

находят приступы милости к своим слугам. . .

На какое—то мгновение я подумала, что для Брэндана это все не игра. Что он действительно желает меня, потому что я — это я. Но нет, его последние слова по—прежнему доказывали обратное: для него это все игра, забава. Как и с другими его шлюхами. И с ними он проделывает то же самое. Каждую гребанную ночь.

Разозлившись, я сжала ноги на его шее, на что он недовольно зарычал и перекинул их на лопатки. Приподнявшись на локтях, я с удивлением заметила, как он опускается ниже.

— Брэндан, что ты дела—аешь. — Я вздрогнула, когда он резко прижался губами к моей коже меж бедер и быстро заскользил языком около моего входа.

Я обхватила зубами указательный палец, чтобы не застонать от ощущений, которые он дарил мне. Абсолютное упоение и желание снова стать с ним одним целым.

Его ласка прекратилась, но руки Брэндана легли на мои ягодицы, слегка раздвигая их.

— Готов поспорить, ты больше никогда и ни для кого не будешь такой влажной. Ты знаешь это?

Я кивнула, покручивая бедрами. Я хотела его язык там. Боже, я снова так сильно хотела его. Боль притупилась, словно ее и не было.

— Да.

— Громче.

— Да!

– Грязная девочка. – На его губах замерла улыбка, и он вновь припал к моей разгоряченной коже.

Его язык скользил, поглаживал, натирал и проникал внутрь, заставляя мои коленки содрогаться от желания, а легкие, буквально, бороться за каждую каплю воздуха.

– Скажи, чего ты хочешь. – Его движения замедлились в самый неподходящий момент. Я вращала бедрами в его руках, но после его языка этого было мало.

Но сознаваться в этом я не посмею.

– Чтобы ты... – «Отвалил».

– Тебе было хорошо в прошлый раз?

«Да».

– Нет.

Брэндан со всей силы ударил меня по попке, требуя правды.

– Да... Мне было очень хорошо, Брэндан. – Эти слова вырвались сами собой, потому что в эту секунду мне стало плевать на гордость. Я хотела, чтобы он взял меня как угодно прямо на этом месте, лишь бы этот момент наступил как можно скорее.

– И очень больно...

Он снова припал к моим нижним губам и ввел язык так глубоко, насколько мог. Это было так невероятно – чувствовать свою слабость, его ласку, которая была на вес золота.

Я не верила, что он может быть таким, что его не подменили.

Да, он оставался обозленным, но я постоянно прокручивала в памяти миг, когда он целовал мою руку...

– Я заберу эту боль, – прошептал он, и, схватившись за край инструмента, я начала извиваться всем телом, испытывая маленькие взрывы, распространяющиеся по всему телу.

– Еще... Брэндан... Даа... Пожалуйста... Я... Даа.

Внутри было так сладко, я не контролировала себя, моя голова металась из стороны в сторону, и только спустя несколько секунд я увидела, что Брэндан наблюдал за всем этим с дерзким превосходством.

– Ты бы видела себя со стороны. – Он картинно надул губы и судорожно вздохнул, изображая меня.

Если бы тело не было таким слабым после оргазма, я бы точно попыталась его придушить. Я опустила свое платье, еле вставая на ноги, и Брэндан подхватил меня, удерживая. Его руки теперь уже грубо сжимали меня, словно оковы.

– Не утруждайся оскорблять меня. – Его пальцы коснулись моего подбородка, и он заставил меня посмотреть в его глаза.

– Брэндан, что тебе нужно... – без сил, прошептала я.

– Ты ломаешься? Уже? Так быстро, маленькая? – Его дьявольский голос уничтожал меня. Бесконечная усмешка, дерзость или же жестокость, притворная нежность. Игры разума, игры тела.

Порочный круг, которому нет конца и края.

Мои жалкие попытки оправдать его, разглядеть светлую

душу, найти причины, по которым я могу смириться с ним и даже испытать сильные чувства.

Но нет. Я не прощу себе, если полюблю это чудовище. Его не за что любить.

– Хватит. Я думала, в тебе есть что-то хорошее... Хоть что-нибудь.

– А разве я сегодня сделал что-то плохое?! – вдруг взревел он, пожирая меня диким взглядом. – Я причинил тебе боль?! Сейчас?

– Нет... Но твое отношение ко мне – оно отвратительно. Как к вещи.

– Ох, ты ошибаешься. – Он покачал головой в миг, когда его палец заскользил по моим губам. – Ты не знаешь, как я обращаюсь с другими. К тому же, я люблю свои вещи. И я аккуратен с ними.

– Брэндан, хватит. Если ты хочешь трахать меня – трахай. Будь жесток до последнего. Чтобы я ненавидела тебя. Я И ТАК НЕНАВИЖУ ТЕБЯ! Зачем... Ты... Спасает меня... А потом... Музыка... Это... Все...

Я готова была сорваться, но зажмурила веки, прекращая поток слез. Он не должен их видеть.

– Очень жаль, что ты не понимаешь, – глухо произнес он. А потом Брэндан отпрянул от меня и быстро снял футболку через голову, уходя к лестнице. – Если ты считаешь, что я отношусь к тебе как к вещи... Ты получишь это отношение.

Я не могла смотреть на его шрамы, не испытывая никаких

чувств. Я будто чувствовала его боль.

«Ты часть меня теперь».

Я бросилась к двери, прихрамывая на ватных ногах. Раны по—прежнему саднили, доставляя мучения. И прежде чем мы продолжили «разговор», я скрылась с его глаз. Я бежала, бежала быстро до тех пор, пока не настигла своей комнаты и не закрылась там, позволяя себе придаться душевным терзанием в одиночестве.

Глава 17

Кенна

Каждая встреча с Брэнданом меняла все. Последняя была не исключением. Он мог догнать меня. Мог подчинить. Но не стал.

Не было настроения?

Сомневаюсь.

Потому что на следующее же утро ко мне пришел врач. Медицина в Англии ушла далеко вперед, в отличии от Франции, а особенно от моей местности. Доктор осмотрела мои ноги и прописала мазь, которая излечила порезы буквально за два дня, оставив от них тоненькие шрамы. То же самое произошло с синяками. А от другой боли она дала мне какой-то порошок, который нужно было разбавлять кипятком.

Хотя, когда она осматривала меня, я отчетливо видела застывший ужас на ее лице, но врач сдержанно убедила меня, что я в порядке. Но в глазах ее читалось желание, чисто по—женски, придушить Брэндана.

Уже через три дня я смотрела на себя, и о произошедшем мне напоминала только легкая краснота вокруг шеи. Но все до последнего воспоминания остались со мной, и теперь, когда болевых ощущений не было, я начинала еще больше оправдывать Брэндана в своих глазах.

Мой мир сузился до размеров замка. Я больше не рвалась на свободу. Я не жила полной жизнью. Единственной жиз-

нью для меня стал он. Мужчина, который держал мою жизнь в своем стальном кулаке.

– Кенна. – Я спала, но кто—то настойчиво будил меня. Еле открыв глаза, я подскочила на кровати, как только увидела лицо Гаспара. – Проснись, милая.

Он всегда так говорил. «Милая», «дорогая».

– Что ты здесь делаешь? Как попал ко мне? – зашипела на него я, не веря своим глазам.

– Пришлось вырубить охранника. Он спит. – Он сел на край моей кровати, и только сейчас я поняла, что сплю в кружевной сорочке – Брэндан или его слуги наполняли мой шкаф исключительно изысканной одеждой. В то время как я мечтала о футболке.

О футболке Брэндана.

– Гаспар. – Так непривычно было произносить его имя. Гас словно был частью другой жизни, из которой меня «вырвали» с корнем. Вырвали насильно, против воли. Подобному тому, как вырывают цветы с грядки.

И пересаживают. Хватило нескольких недель для того, чтобы «цветок» прижился на новом месте.

Гаспар вдруг крепко обнял меня, притянув за плечи. Его волосы щекотали мое лицо, когда он покрывал поцелуями мои щеки, а я лишь сидела, все еще не веря в то, что это он.

Вдруг Гас потянулся к моим губам, но я решительно уперлась руками в его грудь. Это произошло автоматически – я не хотела, чтобы этот поцелуй произошел.

Он не должен был стереть поцелуи Брэндана. Я так хотела оставить их себе – ведь поцелуй был чем-то особенным, личным. Маленькая часть его нежности среди непрерывного потока ярости и жестокости.

– Кенна, я так скучал по тебе, прости. Ты нужна мне...

В его глазах читалось наигранное отчаяние. Гаспар стал другим в моих глазах, и я не понимала: изменилась я или он?

Могу ли я доверять ему, так как прежде? Почему он спасает меня таким странным способом и неужели в королевскую гвардию так просто попасть? Меня начали терзать смутные сомнения по поводу его верности Франции и вообще, какой—либо принадлежности к моей стране.

Паранойя была всесильна – на минуту я даже задумалась о том, что, возможно, я оказалась здесь именно из-за Гаспара.

– Гас, я запуталась. Я не готова... – У меня не было слов, чтобы с ним объяснить. Брэндан и я были никто друг другу, но я невольно почувствовала, что предаю его, даже обнимая Гаса.

Как глупо. Он, явно, не изводил себя угрызениями совести, когда развлекался со своими шлюшками.

– Можешь не объяснять. Я вижу это в твоих глазах. Ты... Привязана к нему.

– Привязана?

– Да. Он берет над тобой власть, как и над всеми. Очаровывает. Есть что-то дьявольское в его крови, что все перед ним по струнке ходят. Таких, как я, обучают, чтобы мы не

поддавались чужой воле. А ты... Слабая. Хрупкая... Твой характер легко сломать и подчинить своей воле..

Все внутри меня взбунтовалось. Я не слабая!

– Гаспар, что ты имеешь в виду? Зачем ты пришел?

– Рассказать тебе все. Вам. Ваше Высочество.

В комнате повисла удушающая тишина. Я подумала, что ослышалась. А потом поняла, что Гаспар шутит, потому что он всегда вставлял нелепые шутки в наш разговор.

А потом он слегка поклонился мне, сохраняя при этом стальное выражение лица и преданный взгляд зеленых глаз.

– У тебя все в порядке с головой?

– Все просто прекрасно, Кенна. Пришло время рассказать тебе, кто я. И кто ты. И что все это время я был твоим подчиненным. Верным солдатом, которому было приказано утаить тебя в самом дальнем уголке нашей страны и приглядывать. Сначала я так и делал. Пока ты не выросла, и я не влюбился в тебя...

Я улыбнулась, хлопнув Гаспара по плечу.

– Гаспар, это так мило. Ты всегда пытаешься развеселить меня, когда мне трудно. Я обожаю тебя за это. Но на этот раз с шуткой перебор...

Но он не смеялся. Даже не улыбался. Нервно поправив длинные волосы, он продолжил.

– С 2056 года все члены королевских семей вступали в масонскую ложу – она преследовала исключительно благие цели по созданию и поддержке мира между странами. Цель

ложи была: объединение Европы, сохранение этого союза, а потом – и всего мира. Представители ложи есть даже за океаном, да только миру плевать на планы кучки людей с благими целями. Мир... Жаждет крови.

Я застыла, не в силах что-либо сказать. Я уяснила только одно – Гаспар не шутит.

– Каждый новорожденный носит на своем теле печать – метку, которая говорит все о его королевской крови. Наверное, ты уже догадалась, почему Брэндан велит всем осматривать пленниц. Метка ставиться на бедро или под ребра. Это непреложный закон ложи – у них там свои правила, подробностей я не знаю. Это связано с чакрами, расположенными на ауре человека...

– С чем? – Во рту пересохло, и я с трудом заставила себя задать хоть один вопрос.

– Это что-то вроде дверей для энергии в теле человека. – Он поморщился, закатил глаза. – Я в этом не знаток, но последователи ложи свято верят во все, что завещали им предки.

– Что все...

– Не перебивай. Когда ты родилась, во Франции уже начались восстания. Англия уже начинала давить на нас, но очень медленно. При рождении тебе сделали эту отметину на месте, которое вряд кто—то сможет обнаружить – на темени.

Я схватилась за свои волосы, ощупывая голову. Что за бред он несет?

– Они хотели обезопасить тебя в случае чего. Когда тебе исполнилось восемь, ситуация только ухудшилась. На дворец напал отряд английской армии – я и еще несколько гвардейцев спасли тебя. Ты все время плакала, не хотела покидать дом и родителей. . . Ты была такой маленькой и считала, что это мы тебя похищаем. Сильно испугалась. И потеряла память. Врачи сказали, что так твой разум закрылся от сильного стресса.

Я слушала и слушала Гаспара так, будто он рассказывал мне какую—то чудовищную сказку. Она не могла быть правдой обо мне. Он лжет!

Я принцесса.

Я – девочка, которая всю жизнь донашивала одежду за другими, вспахивала землю, и убирала за животными, которые водились на ферме.

Как сейчас помню, свои руки по локоть в грязи, и то, как трудно было привыкать к такому тяжелому труду.

Но со временем я привыкла и не жаловалась. Братья работали гораздо больше меня. К тому же в моих руках был целый мир в виде пляжа и моря, рядом с которым, все заботы уходили на второй план.

В моих жилах течет самая обычная кровь, и я всегда считала, что головой я ударилась, а не потеряла память из-за страха. Такое вообще возможно?

– Я наблюдал за тобой все это время – ты была такой одинокой, отчужденной и беспечной. Всегда отстраненной. Де-

вочкой без прошлого... И будущего. Два года назад я узнал, что английская гвардия ищет ее, ищет пропавшую принцессу.

Я припоминала одну из историй, которую рассказал мне мой брат Жан. Он часто ездил в Париж, и был самым образованным из нас, а поэтому и интересовался тем, что происходит в мире. Но он говорил мне, что принцессу убили – по крайней мере, такова была официальная версия.

– Но зачем?!

– Держать в заложниках, чтобы шантажировать твою настоящую семью. Анну и Льюиса. Чтобы они передали власть, земли, армию... чтобы все это принадлежало этому ублюдку.

Его слова о Брэндане нанесли мне боль. Я не раз называла его так, но слышать подобное от Гаспара было мерзко – будто он нарочно желал опустить принца в моих глазах.

Но это было настолько не в его характере – поливать кого—то грязью, что он только и делал, что опускал себя в моих глазах.

– Я не знаю всего, Кенна... я не Бог. Я просто выполняю свой долг, свою работу. С тех пор, как принц Брэндан вернулся в замок, тебя и искали. А мне пришлось сблизиться с тобой, чтобы оберегать...

Он только что почти признался в том, что наши отношения с самого начала были ненастоящими и построенными на обмане.

В глазах защипало. Как я могла верить ему после этого?

Я одернула руки от Гаса и скрестила их на груди, стараясь унять калейдоскоп обрушившихся мыслей и чувств.

Голова потяжелела, наливаясь кровью. Вот он, один из ответов на мои вопросы. Я так долго его ждала, а теперь желаю, чтобы Гаспар забрал каждое слово, которое только что произнес.

Потому что мне не нужно было это все, что он называл моим прошлым.

Люди, которые бросили своего ребенка, отдав на чужую защиту. Если это все вообще правда, в чем я серьезно сомневалась.

Гаспар выглядел так, словно его подменили.

– Я думал, что все пропало... Они убьют тебя или ты сама сойдешь с ума в плену. Но узнал, что ты здесь... При дворе. И как бы это не звучало, ты – маленькая и хрупкая девушка – стала для всех нас спасением.

Я не понимала к чему он клонит.

– Я?! Гаспар, прекрати нести чушь...

– Кенна, я видел, как принц на тебя смотрит. Издалека. Это взгляд хищника, самца, убийцы. И в то же время собственника. Ему что-то от тебя нужно. Я надеюсь, это не то, о чем я думаю?

Я покраснела, с трудом сглотнув ком в горле.

– Нет... Д—да... Он...

– Я понимаю, – с горечью выдавил он, взяв мою руку в свою. – Я убью его, как только представится такая возмож-

ность. За то, что он с тобой сделал... Но... Ты и сама можешь это сделать.

– ЧТО?! Что... Сделать?

– Убить его. Убить принца. И все страны, наконец, вздохнут свободно. Война закончится, Кенна. А ты вернешься домой.

Мне показалось, что я ослышалась. Гаспар появился из ниоткуда, а теперь требовал от меня убийства. От маленькой, хрупкой девушки.

От слов, сказанных им, захотелось в первую очередь убить его, а не Брэндана.

Трудно было бы представить, чтобы принц обратился ко мне с такой просьбой. С самого начала он делал все, чтобы показать, что он готов порвать за меня.

А я не замечала.

Рука Золотозубого.

Защитное слово Мэри – и он так легко соглашается меня помиловать, несмотря на то, что «не знает пощады».

Он лично едет за мной, когда узнает о моем побеге.

Или Гаспар, который всегда был ласков, идеален настолько, что я никогда не задумывалась, насколько он искренен. А теперь я сомневалась во всем.

– Домой...

Но мой дом не был тем местом, которого я даже не помню. Мой дом был фермой. Но после того, что я услышала, я вряд ли смогу жить там, как прежде.

– Кенна, это твой долг перед странной... убить его. Я понимаю, как это тебя пугает...

– Понимаешь?! – Я закричала, забывая о безопасности. Сжав зубы, я одарила Гаспара взглядом полным негодования и презрения.

– Тсс... Кенна... – Гас прижал палец к моим губам, умоляя быть потише. Но я не могла сдержать возмущения.

– Каким бы он ни был, он человек! Гас... кто ты? Я тебя не узнаю... – Его настойчивость меня поражала. Отвращение, возникшее к бывшему возлюбленному, удивляло еще больше.

– Он не человек, а дьявол. Неужели ты не видишь?! Ты просто не знаешь, что происходит в стране. От людей многое скрывают, чтобы не жили в страхе. Голод и беспорядки – только верхушка того ужаса, что произойдет со всей Европой. Война будет долгой и мучительной, если принц останется в живых. А потом мы все будем их рабами... ты этого хочешь для своего народа?

Мой народ.

Я быстро закачала головой, убирая руки Гаспара от себя.

– Лучше бы ты молчал... лучше бы никогда ничего не рассказывал, Гас... – Его ладони аккуратно взяли меня за лицо, большие пальцы прошлись по щекам.

– Успокойся, дорогая. Ты права, не стоило. И не нужно было от тебя все скрывать. Но это моя работа. Защищать тебя. В том числе, и состояние твоей души.

Судя по тому, как он настаивал на том, чтобы я совершило убийство, моя душа и ее грехи, его не волновали.

– Его до сих пор никто не убил, хотя, теперь я вижу, что покушения, наверняка, были. С чего ты взял, что я смогу убить его? Приставлю нож к его горлу или что? Ты меня переоцениваешь. Я слабая. – Я произнесла это с иронией, но Гас не заметил, доставая из под гвардейской формы небольшой бутылек, размером с мизинец.

– Что это?

Мне не нужно было отвечать. Я догадывалась.

– Ты убьешь его медленно. По капле. Это яд.

Мне захотелось разбить этот бутылек о пол сию же секунду.

– Гаспар, прошу убери от меня эту вещь...

Я задрожала, глядя на яд, как на ядерную бомбу.

– Кенна, каждый день на твоей земле умирает несколько сотен человек. И все – из-за него. Неужели жизнь этого тирана так важна для тебя, что ты не можешь просто взять и сделать это? Тебе нужно вливать этот яд в него осторожно... По капле... Чтоб никто не догадался, что происходит. С пятой каплей, которая попадет в его организм, наступит смерть.

А потом он просто поставил пузырек на мою тумбочку, сжимая мою ладонь еще сильнее.

– Нет... Я не буду этого делать.

– Это твой выбор. Но ты бы облегчила жизнь своему народу, освободила бы множество людей от гнета его правле-

ния... Иначе, после Коронации начнется самое ужасное. Он сделает из Франции колонию, подчинит всех своей власти. Дьявол на престоле – этого ты хочешь? Никакой свободы личности, ничего... Все будут плясать под его дудку, и даже на мирных улицах начнутся выстрелы... Прольется слишком много крови, Кенна...

– Откуда ты все это знаешь?

– Я многое знаю о королевских семьях. К тому же, чего ты ожидаешь от человека, который убил собственного брата? Ведь именно поэтому его отослали в Адинбург.

Мой мир начал вращаться со скоростью света. Убил брата... Бастиана? Вот почему Брэндан так отреагировал тогда, когда я назвала его «Убийцей». Я задела его за живое.

Я вдруг вспомнила, как еще недавно клялась отомстить ему. И эти чувства вспыхнули во мне с новой силой.

Да, Брэндан унизил меня. И сделал это не единожды. Но все менялось слишком быстро, и после нашей последней встречи, после того, как я узнала его с других сторон, я испытывала к нему не только ненависть.

Какие-то его поступки, пусть и совершенные в прошлом, были достойны восхищения.

– Что представляет собой Адинбург?

– Это жуткое место. Ад на земле – так у нас говорят. Но это не оправдывает принца... Он не должен был возвращаться и претендовать на престол с такими серьезными изменениями психики. Кенна, подумай о девушках, что сидят в

темнице...

Меня передернуло, потому что я сразу вспомнила Золотозубого.

– Я не хочу, чтобы ты сейчас что-то отвечала мне и обещала. Моя задача – найти способ вызволить тебя из замка и отвезти домой. Да, это небезопасно, но для тебя сейчас нигде нет безопасного места. А так ты будешь рядом с родителями и армией...

Гаспар не понимал. Он называл родителями людей, которых я видела во сне лишь однажды. О какой безопасности он может говорить? Мой мир рассыпался на части по воле Гаспара – лучше бы я не знала всего того, что он на меня вывалил.

– Кенна, я так люблю тебя. Я все для тебя сделаю.

А потом он обхватил мое лицо руками и поцеловал. Гаспар никогда не делал этого силой и так резко. В каждом движении его губ я чувствовала, как он скучал по мне и как хотел большего.

А больше я ничего не ощущала. Механическое движение губ с закрытыми глазами – вот и весь поцелуй.

Его теплота передавалась мне, и только поэтому я не отвергала его, отвечая на поцелуй. Но к счастью, он был не долгим.

– Ты любишь меня?

Его шепот застал меня врасплох.

– Гас, ты очень дорог мне до сих пор. Я ждала, я скуча-

ла. Боялась, что ты забыл меня... Просто мне только восемнадцать, и сейчас все так перевернулось... Последнее, что я хочу делать – это разобраться в своих чувствах к парню.

Я лгала. Каждое мое слово – бессовестная ложь. Я была готова бесконечно копаться в своих чувствах к Брэндану.

– Я п—понимаю. – Гаспар поглаживал мои щеки, будто не мог поверить в то, что ему позволено. – Я буду служить вам, принцесса. И всегда буду любить вас.

Чудовищно – слышать в свою сторону «принцесса». Непривычно, некомфортно и непохоже на правду.

Я отказывалась в это верить, и Гаспар это видел.

– Понимаю. Ты не доверяешь мне. Я это заслужил...

Его взгляд был наполнен болью, но и это я поставила под сомнение. На лице Брэндана всегда была написана либо неприкрытая ненависть, либо полнейше безразличие.

А тут Гаспар, у которого на лице написано все – но не носит ли он маску?

Я должна разобраться во всем этом.

– Тебе пора, – попросила я и Гаспар встал с кровати, удаляясь. Он провожал меня взглядом до самой двери и, откланявшись, скрылся за ней.

Я сжала пузырек с ядом в ладони и рассмотрела: бесцветная ничем не примечательная жидкость, похожая на воду. Слабо верилось, что это убьет Брэндана.

Мысль о том, чтобы отравить его... Лишить жизни... Я конечно хотела возмездия и мести, но разве так?!

Или же последняя встреча с ним заставила меня метаться.

– К черту! – Вырвалось из моих губ и, замахнувшись рукой, я бросила пузырек в противоположную стену комнаты.

Жизнь снова играла со мной – он не разбился, угодив на кресло с мягкими подушками, где я так любила читать.

К черту это все, пусть там и остается. Я все равно никогда не воспользуюсь им.

Никогда.

Глава 18

Flashback

. От третьего лица

– *«Давным—давно жил да был прекрасный принц в роскошном замке. У него было все, чего только можно пожелать, но он был тщеславным, жестоким и грубым...»*, – Кэтрин начала читать вслух, держа в руках старую книгу в позолоченном переплете. Мальши, сидевший рядом, прижал голову к ее материнскому плечу. Четыре года назад она и подумать не могла, что так сильно привяжется к «сыну», которого посчитала проклятием своей семьи. Грязным пятном на собственных чувствах и чувствах ее любимого мужа. Но все сложилось иначе. Каждый раз, когда она видела этого мальшиа, она чувствовала только безграничную любовь к мальчику.

Кэтрин могла часами проводить время с младшим сыном. И несмотря на то, что Джонатан считал, что чтение сказок на ночь – сомнительное занятие для одного из

наследников, она порой приходила в комнату к Брэндану и читала ему свои любимые книги. Или они просто разговаривали обо всем на свете.

«—Запомни, внешность обманчива. Красота живет внутри нас, — предупредила принца старуха», — продолжала читать Кэтрин.

В начале сказки Брэндан, откровенно говоря, засыпал от скуки. Но Кэтрин показывала ему картинки время от времени и он все больше погружался в историю, представляя каждое написанное автором слово, как на яву.

— «Любовь Белль навсегда преобразила его душу. Они жили долго и счастливо», — закончила читать Кэтрин, глядя в синие глаза младшего сына и приобняла его крепче. — Понравилась сказка?

— Да, — тихо сказал мальчик, задумавшись. — Только я не понимаю, как из-за любви какой-то девчонки чудовище перестало быть вот таким... — Он с нетерпением перелистнул страницы книги и ткнул пальцем в волосатое чудовище на картинке — изображение принца напоминало ему нечто среднее между обезьяной и львом.

— Это образы, Брэндан. Человек без любви черствеет, становится бесчувственным. Перестает быть человеком... Понимаешь?

Мальчику было трудно в это поверить.

— И эта роза напомнила мне твой цветок в нашем саду.

— Красную камелию?

– Да. Ты говорила, что этот цветок последний на всем свете.

– Да, это так. В мире нет точно такого же цветка, как этот. Когда-то он был привезен из Китая, но вскоре подобные ему цветы уничтожили. Эта камелия растет только в нашем саду. Она – особенная. С ней связано много интересных историй, и у нас еще много времени, чтобы я рассказала тебе их.

– Ваааау, – мечтательно прошептал он, даже и не догадываясь раньше о том, что простые растения могут нести за собой целые истории.

– Мам... – неуверенно спросил он. – А почему принц был таким злым? Все принцы такие? Я не хочу быть таким.

Кэтрин рассмеялась, укрывая Брэндана одеялом.

– Конечно, ты не будешь таким. Ты уже... Совершенно другой. – Она потрепала его каштановые волосы. – Принц... Был одинок. А у тебя есть семья, и мы тебя очень любим.

– И мы всегда будем вместе? – неуверенно уточнил он, глядя прямо в глаза матери – девушка даже вздрогнула от взгляда своего сына. Он проникал в ее душу.

– Да. Я обещаю. Я всегда буду с тобой. – Она мягко поцеловала его в лоб и, сжав его небольшую ручку, направилась к выходу.

Мальчик долго не мог уснуть, глядя в потолок. Многое в сказке было ему непонятным, и он не особо хотел верить в волшебство и заклятия вроде таких, что наложили на за-

мок чудовища.

Наконец он уснул, с облегчением подумав, что все это – всего лишь сказка, и он никогда не станет уродливым, мерзким и страшным чудовищем.

Брэндан

Горячая вода стекала по моей спине, пока я упирался в кафельную плитку огромной душевой комнаты. Хотелось разнести все к черту.

Я повернул кран вправо – вода стала еще горячее и теперь просто пожирала кожу, доставляя невероятную боль.

Раньше я делал это, чтобы почувствовать. Стиснуть зубы, сжать кулаки и идти дальше.

Теперь я делаю это, чтобы заглушить воспоминания. О прошлом Брэндане – о слабаке, о человеке, который позволил себя прилюдно унижить и заточить в тюрьму.

Если бы я всегда был таким, как сейчас, то никогда бы там не оказался.

Все восхищались мной, но не боялись.

А теперь каждый придворный, каждый друг из моих советников знает, что в любую секунду я могу выйти из себя и разорвать его в клочья.

Даже каждая шлюха втайне побаивается меня, заглывая мой член.

Впервые думать о них было не интересно. Просто секс уже не заводил меня. Мне нужна была игра, эмоция... И в то же время понимал, что играю с огнем, и эта «эмоция» терзает все мои внутренности.

Грязнокровка меня не боялась. Она творила беспредел

прямо под моим носом, совершенно не страшась моей кары.

Потому что я знал почти о каждом шаге, который она делала, за редким исключением. И то, *о чем я узнал только что*, привело меня в настоящую ярость.

Пошла она к черту... Шлюха.

У нее хватило смелости смотреть на меня как на дерьмо, после того как я вылизывал ее нежную кожу.

Ее вкус до сих пор был у меня во рту. Мой член дернулся, как только я вспомнил ее сладость, кожу и даже капельки пота.

Я повел себя опрометчиво. Выказал слабость. Единственной отдушиной было то, что это только расслабит ее перед тем, как я нанесу ей ответный удар.

Сначала я не хотел превращать наши отношения в войну – она была бы неплохой фавориткой, с которой я не прочь поразвлечься пару месяцев.

Но теперь... Это уже личные счета. Камелия отвечала на мои вызовы, и это заставляло наносить удары снова.

Она наивно полагала, что мне нет дела до того, чем она занимается, что делает и как проводит свое время. Где бы она ни была, я следил за ней, особенно с тех пор, как пленница пыталась сбежать. Я надеялся, что после того, как я отымел ее, она перестанет творить все, что ей вздумается.

Но мне докладывали обо всем. О каждом ее шаге.

Наедине с собой она могла остаться только в своей комнате. А этой ночью она была там не одна.

Если бы мой наблюдатель еще бы и разглядел этого подонка, что посмел ворваться в ее комнату ночью, я бы никогда не оставил этого.

Уже с час я изводил себя мыслями о том, кто это мог быть, и зачем он посещал ее комнату. Жуткие картины Камелии в объятиях другого мужчины бесили меня. Заставляли испытывать незнакомый мне уже много лет страх.

Выключив воду, я осмотрел свою спину в отражении зеркала – уродство. Как бы я не старался смягчить это при помощи спорта, первое, что бросалась в глаза, когда я глядел на себя – краснота. Шрамы.

Медицина не помогла убрать их полностью, поскольку их наносили регулярно в течение шести лет.

Некоторые раны излечить невозможно.

И они находятся гораздо глубже, чем на поверхности кожи.

***

Через два часа я сидел в своем кабинете за рабочим столом. Стук в дверь был торопливым – так стучит только Джейсон.

– Так поздно, – прокомментировал я, глядя на часы. Половина третьего.

Джейсон кивнул мне, падая на кресло напротив меня. Он хлопнул в ладоши, потирая свои руки.

– Радуйся. Кажется, мы ее нашли.

Я скептически посмотрел на него, не понимая, о чем он

вообще говорит.

– Кого еще?

– Эмм... Наследницу французского престола. Могу обрадовать, она симпатичная, – выпаливал он, пока я замер с ручкой в руке. Я как раз разбирался в сложных бумагах, а теперь словно выпал из реальности.

– Почему не привел ко мне?! Это точно она?

Я надеялся, что Джейсон не слышит нотки разочарования в моем голосе.

– Точно—точно. Метка на бедре, все как положено. Запуганная пташка. Но бояться ей придется не долго...

– Это точно.

Я закинул голову на спинку кресла, прикрыв глаза.

– Где ликование? Радость? Бутылка виски? Бал в честь будущей королевы? **МЫ ИСКАЛИ ЕЕ ДВА ГОДА!**

Я жестом приказал Джейсону замолчать. Иногда он действовал на нервы, как надоедливое радио.

– Не знаю, мне пока слабо верится, что это она. Да и к тому же... Что нас ждет? Брак, коронация, а потом она мне на хер не сдалась. Будет посиживать рядом со мной на приемах. А так, отправлю ее куда—нибудь подальше.

– Эм, а как же наследник?

Об этом я не подумал. Сжав кулаки, я разозлился на самого себя. Все шло не так, как я задумал.

Кто—то истошно закричал.

Крик был настолько сильным, будто не принадлежал мне.

Я смел все бумаги со стола, оставляя Джейсона в недоумении.

– Может, расскажешь?

– О чем тебе рассказать? Может, о том, что моя сестра спит с гвардейцем?! – Я поймал на себе удивленный взгляд Джейсона. – Знаю. Я знаю об этом давно, и только ее влюбленные глазки принуждают меня сохранить ему жизнь. Она возненавидит меня, как и все, если я убью его! Или о том, что парламент месяцами вынашивает план о том, как ко мне подобраться?! Убить? О том, как мне каждый день снится Адинбург?! Или, может, о том, что я хочу лично задушить убийцу своих родителей, но понятия не имею, где их искать, а? **О ЧЕМ Я ДОЛЖЕН РАССКАЗАТЬ?!**

Я и без зеркала знал, как сейчас выгляжу. Как поехавший псих. Джейсон вжался в кресло, но быстро расправил плечи.

– Или, может, о том, что я бастард, и мои права на престол весьма сомнительны? Или о том, что я видеть не хочу эту чертову наследницу!

– Брэндан, мы обсуждали это тысячу раз. Ты единственный претендент. Ну, не доверят же люди управление страной Мэри... У нее в голове только гвардейцы, шмотки и балы. – Он поморщился, усмехаясь. – Хотя, в твоей голове, в последнее время, тоже...

– Что – тоже? – Я смерил его уничтожающим взглядом.

Я знал, что он хочет опустить комментарий о Камелии.

– Эм, просто слышал о том, что твои фаворитки сейчас

без дела...

– У меня было слишком много дел. Президент Дании звонил насчет очередного несанкционированного нападения в центре их столицы... А это не моих рук дело. Что я должен был ему отвечать? Гребанный парламент...

– Поэтому тебе и нужно объединиться с сильной гвардией. Францией, ты не забыл? – Он помахал рукой перед моим носом.

– А, что, если это путь в никуда? Опять реки невинной крови. А толку не будет. Нужно узнать все планы парламента. И нужно возобновить поиски убийцы моих родителей. Я и так подозреваю, что это кто—то из них или французов... И все же.

Джейсон сдержанно кивнул, одобряя мою идею. Я и сам немного успокоился.

– Так от куда ты знаешь про Даниэля и Мэри?! Ты уверен?

– Только не делай вид, что ты не знал. – Я прищурил веки, вглядываясь в мимику Джейсона, проверяя, его на ложь.

Он слегка опустил глаза, а потом вновь посмотрел на меня.

– Я не видел их вместе и не хотел обвинять принцессу из-за слухов. Это было бы несправедливо. Если бы я нашел им подтверждение, я бы тут же тебе доложил.

– Согласен. Но... – Я продолжал внимательно разглядывать Джейсона. – Не заставляй меня сомневаться в твоей верности.

Я знал, что никому нельзя доверять. Ни в чем. Даже самому себе я уже не доверял, потому что раньше не позволял эмоциям управлять мной. Каждая мысль о Камелии была моим проклятием. Словно медленный яд, она пробралась под мою кожу и поселилась там, отравляя с каждым прикосновением.

Каждый раз, когда эти чайные глаза смотрели на меня, я слабел.

А король не может позволить себе быть слабым... Или даже иметь такие слабости. Иначе его быстренько ударят по самому больному месту.

Кенна

«Ты убьешь его медленно. По капле. Это яд».

Слова Гаспара не выходили у меня из головы. Но у меня руки не поднимались уничтожить пузырек с разрушающим содержимым.

Я хотела мести, я хотела причинить Брэндану боль, но не убить...

Сама не знаю почему. Мир был бы куда прекраснее без него. Возможно, все бы закончилось. Я бы обрела свободу, вернулась домой, а за спиной бы снова выросли крылья.

Которые он сломал и делал это с каждым разом, когда унижал меня. Я боялась, что в своей жестокости он может зайти слишком далеко.

Я должна придумать более изощренную месть. А для этого мне необходимо по-настоящему узнать его.

Порывшись в шкафу, я обнаружила шелковую черную блузу и юбку—солнце до середины бедра белого цвета. Недавно я пожаловалась Мэри на слишком длинные платья, и мои просьбы были услышаны.

Я сразу вспомнила о том, что сказал Гаспар. Наследница французского престола. Сначала эта информация вызвала во мне шок, а потом – пустоту. Мне плевать. Будь я даже правительницей всего мира, я была бы в этом не заинтересована. В родителях, которые не нашли ничего лучше, чем отослать

меня куда подальше.

Разве они любили меня?!

К тому же, я не доверяла словам Гаспара. Он прикидывался английским гвардейцем, а значит он великолепный вран — то качество, о котором я и не догадывалась.

Он думает, что это то, в чем я нуждалась? Заявился во дворец, вывалил на меня кучу запутанной информации и требовал от меня убийства.

Какой любящий человек станет требовать совершить такое? Гаспар явно что-то скрывал, и я без конца ловила себя на мысли, что он может навредить принцу.

Я пошла к Брэндану в надежде хоть раз в жизни завязать с ним нормальный разговор. Попросить отпустить меня или поблагодарить за лекарства.

Которые понадобились из-за того, что ОН был жесток и груб.

Все это было неважно. Я просто хотела его видеть, хоть и не признавалась в этом. Ноги сами несли меня по витиеватым лестницам башни в его спальню.

Не знаю, на что я рассчитывала, чего ждала. Лестница под моими ногами напоминала мне о том, что произошло между нами.

О страсти, которая поглотила нас обоих.

Если бы он только не был так жесток ко мне...

Гвардеец у входа в комнату Брэндана был другим этой ночью, и, смерив меня взглядом, он почему—то произнес толь-

ко одну фразу:

– Вы опоздали.

Я не совсем поняла, что он имеет в виду, но обрадовалась, что на этот раз меня пустили без проблем.

Как только я вошла в комнату Брэндана, мое сердце пропустило удар. Сумрак, все вещи стоят на своих местах: у лестницы висит новое зеркало, синтезатор закрыт и не издает ни звука.

Замерев у двери, я не могу отвести взгляда от картины, которая заставляет гореть все мои внутренности.

Брэндан стоит возле лестницы, его торс полностью обнажен, в то время как рыжеволосая и нагая девушка стоит перед ним на коленях. Другую он обнимает за талию и поворачивает к себе, чтобы поцеловать.

Мое сердце не бьется.

Все слова застревают в горле, потому что я не чувствую ничего, кроме адского пламени, в котором погибаю.

А потом он поворачивает ее спиной ко мне и целует, не закрывая глаз. Наши взгляды встречаются.

Брэндан смотрит только на меня и целует другую – безликую дешевку. Он хватается за волосы, не отрывая синих глаз от меня.

Я сглатываю образовавшийся в горле ком и понимаю, что больше не могу вынести этой боли.

Я вылетаю за дверь, словно ошпаренная, и тяжело дыша иду по замку, словно в тумане.

Мои легкие болят – кажется, я не могу дышать, и вот-вот упаду прямо здесь и просто буду лежать там, где мне и место.

Он отчетливо показал, где мое место. Кто я такая. Я считала себя особенной? В глубине души считала. Глупая.

Вся моя гордость превратилась в пыль от эмоций, которые вызывала во мне чудовищная картина.

То, как они гладили его по бедрам. То, как их губы слились в поцелуе.

Это ты, если бы ты была музыкой.

Ненавижу! Всем сердцем ненавижу.

Мне хочется собственноручно отправить его в ад, а не в Адинбург, но я знаю, что мне не станет легче.

Словно в тумане дойдя до своей комнаты, я сажусь на кресло. Дрожащими руками достаю яд, затерявшийся в подушках.

Выпить бы всю склянку прямо сейчас и забыться. Внутри все горит от ревности настолько, что я не могу этого вынести.

Нет, не от ревности. От еще одного унижения, от еще одного плевок в мою сторону. От того, что он еще раз показал, что я – никто.

Ты никто. Ты никто.

Я слышу его шепот и вспоминаю, как он жестко толкался в меня, доводя до изнеможения. Целовал, терзая губы, будто не мог насытиться мной.

Не мной, а всеми. Ему без разницы – будь то я или любая другая шлюха. Мы все здесь для потехи короля.

Его маленькие пешки.

Но только они могут с этим мириться, а я – нет. Я не рождена быть среди толпы.

Я рождена быть единственной.

Я достойна того, чтобы меня носили на руках. Так делал Гаспар... А я испытываю чувства к ублюдку, который не стоит НИЧЕГО.

Я сжимаю в руке яд, понимая, что мне никогда не выбраться отсюда. Я могу просто «выйти из игры». Сдаться.

Кто—то же должен это сделать.

Гаспар сказал, нужно пить медленно, по капле. Что будет, если опустошить пузырек залпом?

Мне хотелось сделать это немедленно.

Но я боялась, что яд тогда подействует по-другому. Я ничего не знаю о нем.

Я сделала крошечный глоток из склянки, почувствовав, как сладкая жидкость обжигает горло.

В голове будто что-то щелкнуло, и, упав на спинку кресла, я заснула без снов и мыслей.

Брэндан

Как только дверь за Камелией захлопнулась, я прекратил совать язык в горло этой девушки.

– Хватит. – Я снисходительно посмотрел на обоих своих фавориток, которые еще недавно с удовольствием трахал. Двоих сразу. Но теперь это было скучно.

– Повелитель желает чего—то другого? – покорно обратилась ко мне Селена – рыжие волосы спадали на ее большие сиськи, и она откинула их, показывая мне больше.

– Хозяин, мы сделали что-то не так? – упала на колени и вторая, которую я только что целовал.

Вы все сделали замечательно. Идеально. Еще одна порция боли моей дорогой Камелии обеспечена.

– Сегодня вы мне не интересны. Пошлю за другими, – коротко ответил я, указывая им на дверь. – А теперь – вон.

Ни тени боли или слез в их глазах. Лишь покорные кивки, разочарованные взгляды, и вот они уже направляются к выходу, виляя своими красивыми попками.

Было бы странно недооценивать женское тело. Но их так много. У меня всего в изобилии.

Так много красивых тел, так мало прекрасных душ.

Так мало девушек, которые бы вдохновляли меня на что-то, кроме желания их трахнуть.

Такое случилось только однажды.

В тот день, когда сбежала Камелия.

Я мог бесконечно отрицать, что испытываю к ней лишь желание, но то, что почувствовал тогда, говорит об обратном. Я не мог позволить себе отпустить, потерять ее.

Чувство непередаваемого собственничества управляло мной настолько, что я лично отправился по ее следу.

И когда увидел, что она была в руке Золотозубого... Я пожалел, что прежде не убил его. Лично.

***

Ко мне привели девушку. Ее белоснежное платье рассыпалось по полу, когда она низко поклонилась.

С минуту я пристально разглядывал ее – все-таки было интересно посмотреть на свою будущую супругу. Каждая черточка ее лица была точеной и аккуратной, глаза – круглыми и большими. Янтарный цвет радужки придавал девушке загадочность и невинность, в общем и целом она была хороша.

Идеальна.

Как и все мои фаворитки.

Но я никогда не искал идеальную. Внешность красавиц настолько приелась мне, поэтому характер Камелии настолько зацепил меня. Она не кланялась мне, она – воевала. Она была никем, а вела себя так, будто она мне ровня.

– Ваше Высочество, позвольте представить вам Скарлетт Бош. – Гвардеец, который стоял в дверях, кивнул мне, и я жестом попросил его выйти за дверь. Мне не терпелось

узнать, что представляет из себя девушка, которая стоит передо мной.

– Здравствуй. – Девушка избегала моего взгляда и выглядела вымотанной. Думаю, с ней не очень хорошо обращались, пока не узнали, кто она такая. – Полагаю, ты знаешь, зачем ты здесь.

– Я—я... Н—не... С—совсем. – Она начала заикаться, слегка задрожав.

Ну вот, начинается. Я же не настолько страшный.

Мне уже становилось скучно, но я понимал, что должен лично убедиться в том, что она та, кто мне необходим для дальнейшего укрепления своей власти.

– Подними платье, – просто попросил я, подходя ближе. Девушка посмотрела на меня с мольбой, в янтарных глазах заблестели слезы.

Дрожащей рукой она подняла платье, медленно проводя ладонью по своему бедру. Моему взору открылась нежная девичья кожа, которую украшала метка. ТО, чего я так долго ждал.

– Так, значит Скарлетт Бош – это твое новое имя? Ты же знаешь, кто ты?

– Это имя, с которым я жила с восьми лет.

– А твое настоящее имя? – Мой желудок скрутило от волнения. Я так долго хотел услышать это имя, но не из уст этой девушки.

– Кенна.

Гнев завладел мной мгновенно – с ненавистью глядя на эту ни в чем не повинную девушку, я толкнул рукой рядом стоящий стул, и он с грохотом упал на пол.

– Отлично. Просто прекрасно.

– Что вы будете со мной делать? П—пытать? Но я... – Я прервал ее ропот, схватил за подбородок и заглянул в янтарные глаза, наполненные ужасом.

– ТЫ ГОВОРИШЬ ПРАВДУ?! – Я внимательно смотрел за ее реакцией. Она не опустила взгляд, только тяжело задыхалась, испугавшись моего крика.

– Я не лгу.

Она выдержала силу моего взгляда, а потом зажмурила свои веки, и из них потекли слезы.

Через несколько секунд Скарлетт начала плакать навзрыд, упав на пол.

– П—пожалуйста. Пощадите меня и мою семью. Вы же ничего с ними не сделаете? – лепетала она, хватаясь руками за подол своего платья.

– Молчать, – приказал я, пытаюсь уложить в голове происходящее. Все теперь казалось бессмысленным.

Я пытался разобраться во всем этом, но понимал, что меня гложет разочарование. Я – псих, неспособный на любовь, но даже я хотел бы испытывать к своей спутнице жизни хоть толику чувств.

Но глядя на это прекрасное создание, я не испытывал ровным счетом ничего. Только – жалость. И я был удивлен, что

десять лет жизни так изменили принцессу – не было в ней ничего. Ни осанки, ни изящности, ни гордости.

Просто красивая картинка, которую мне предстоит трахать. А ей предстоит рожать мне детей.

– П—пожалуйста...

– Я ничего не сделаю тебе. Встань, – попросил я, глядя на то, как она медленно собирает себя с пола. Сломленное дитя.

– Я выделю тебе удобные апартаменты, прежде чем решу, что нам делать дальше. – Больше мне нечего было сказать девушке, и я вышел за дверь, отдавая приказы гвардейцам.

– Дайте ей все самое лучшее.

У меня было несколько вариантов – либо жениться на ней, заполучить корону и союз с Францией. Это укоренит мой авторитет и сотрет парламент в порошок. Но что-то мне слабо верилось, что король Франции будет рад тому, что я вдруг решу стать правителем Европы. И не думаю, что он согласен стать никем, осквернив свою династию английским бастардом.

Или же я вынужден буду всех их убить. А заодно и отмстить за мою семью, которая пала от их рук.

Глава 19

Кенна

На следующее утро, после того как выпила яд, я чувствовала себя просто замечательно. Никаких признаков упадка жизни – словно это был не яд, а сладкая микстура, которая притупила все мои душевные муки.

Я вернулась к размеренной жизни в замке – Гаспар искал со мной встречи наедине, но я не была готова снова поговорить с ним.

Будущее пугало меня. Если раньше я так хотела спасения, побега, то теперь... Сомневалась в том, что это то, что мне нужно. Я не хотела к людям, которых не знаю. Которые меня бросили – какая мать добровольно отдаст своего восьмилетнего ребенка при условии, что больше никогда его не увидит?

Замок стал моим домом. Я чувствовала свою привязанность к этому месту и часами ходила по великолепному саду, усыпанному кустами роз. По зеленой траве, по которой могла пройти босиком, когда никто не видит.

Это место почти ничем не отличалось от того, где я жила раньше – разве что мне не хватало моря и песка, но в такие моменты я выходила к обрыву, на котором когда-то стояла вместе с Брэнданом.

Это место было жутким, но я оставалась там, чтобы посмотреть на волны, разрезающие белую скалу.

Меня не покидало чувство, что это место было важным для Брэндана. И теперь оно стало важным и для меня.

Между нами появилась связь, от которой я не могла скрыться.

Ты теперь часть меня.

Я познакомилась с прислугой в замке, иногда разговаривая с ними ни о чем – мне все равно не хватало общения, а Мэри в последнее время была подавлена и молчалива. На все мои вопросы о ее здоровье и настроении она только вела плечом и опускала голову.

Не нужно быть гениальной, чтобы догадаться, что это из-за Даниэля. Главное, чтобы эти переживания не навредили ребенку...

Я не знала, чего ждать от Брэндана – он опять меня игнорировал, только теперь я совсем не видела его в стенах замка.

Единственное, что изменилось и сразу бросилось мне в глаза, это то, что пленницы больше не поступали. Крики из подземелья прекратились, словно там никого и не было. И это настораживало...

– Жду не дожусь, когда мы с Мэри отправимся в Лондон, – сказала Лия, сидя за ужином. Я кушала всегда в компании двух других компаньенок и Мэри, но сегодня она не присоединилась к нам.

– Нам нужны платья к предстоящему торжеству. И тебе оно нужно. – Девушки посмотрели на меня, но я почти не слушала их пустые разговоры. Никто, кроме Мэри, до сих

пор не называл меня по имени.

Кем я была? Я уже и сама не знала.

Потерянная. Я такая потерянная, что начинаю жалеть себя, размазывая десерт из ягод и шоколада по тарелке.

Лия и Тесса часами могут болтать о предстоящих мероприятиях: то очередные скачки, то бал в память одного из членов королевской семьи, то прием. Они одержимы мыслями о любви и о том, чтобы встретить достойного мужчину.

Они были вольны выбирать. Им нравится жить в замке, но они – свободны. И они знают, кто они такие, они были детьми своего прошлого.

А я...

Ты никто.

– Оставьте нас. – Я вдруг услышала голос Брэндана, тут же вернувшись мыслями в реальность. Он стоял в дверном проеме нашего обеденного зала и был облачен во все белое.

Белоснежная рубашка и кремовые брюки подчеркивали его статную фигуру и оттеняли слегка загорелую кожу.

– Мне нужно повторить дважды? – поинтересовался он у девушек, которые застыли, глядя на него с открытыми ртами. Он смотрел на них попеременно, ясно обозначая, к кому он обращается. Не ко мне.

Лия и Тесса одновременно встали из-за стола, с интересом поглядывая на меня, едва пожимая плечами.

– Пошевеливайтесь, – деликатно попросил принц, выходя из себя. – Пожалуйста.

Видимо, за шесть лет в тюрьме он растерял все хорошие манеры.

Когда фаворитки покинули зал, я сразу же сделала вид, что не обращаю внимания на Брэндана. Хотя он явно пришел ко мне с разговором, или как еще можно назвать его указы, угрозы и проявления его дьявольской сущности.

– Я хочу поговорить с тобой, – спокойно произнес он, к моему удивлению.

Значит поговорить. Я встала из-за стола, обойдя его по всей длине, и остановилась с другой стороны.

– О чем? – Я обхватила свои предплечья руками, вставая в оборонительную позу.

– Как твои ноги?

Это было уму непостижимо. Принц сначала замучил меня до полусмерти, потом оказал «лечение», потом дал понять, что я всего лишь ободранная кошка из его гарема, а теперь он пришел и для чего? Поговорить, позаботиться обо мне.

Как мило. Только в его заботу я уже не верила: не удивлюсь, если ремень, который он носит у себя на бедрах, уже через секунду окажется на моей шее.

– В порядке. – Я не удостоила его взглядом в глаза. Смотреть на него не могла без отвращения, после того как увидела в окружение гарема из дешевых гиен.

– Скажи мне одну вещь, – вдруг попросил он, приближаясь ко мне за пределами близко – так, что я тотчас почувствовала уже знакомый запах геля для душа, от которого голова

шла кругом, – зачем ты приходила? Тебе было больно видеть меня в последний раз, Камелия?

Настолько, что я выпила яд.

– Ну, что вы, Ваше Высочество. Разве у вещи могут быть чувства? Вы – принц, и можете делать все, что вам заблагорассудится. – Его рука легла на мое предплечье, слегка сжимая его. – Только не надо потом трогать меня!

– Твой тон говорит об обратном.

– Брэндан, да, – вдруг вырвалось у меня, – мне было больно. И было больно каждую минуту, проведенную с тобой. Наши отношения – это сплошная боль, и я... – Я положила руку на сердце, тяжело задышав.

Вот оно. Это чувство. Когда не можешь молчать, когда хочешь вырвать сердце из груди, лишь бы прекратить эту дрожь во всем теле. Лишь бы остыть к дьяволу, что смотрит на тебя холодными глазами.

– Я хочу, чтобы этой боли не было. И если ты собираешься причинять мне ее и дальше, то тебе, правда, лучше уничтожить меня сразу.

Иначе это сделаю я.

Взгляд Брэндана прояснился. Он зажал меж пальцев мои локоны и погладил их, оставаясь сосредоточенным и задумчивым.

– Этого больше не будет. Потому что я тебя отпускаю. – Он одернул от меня руки, будто я состояла из пламени.

Я не могла пошевелиться, и смысл его слов не сразу доле-

тел до моего сознания.

– Что?

– Ты свободна. Уходи, – сухо произнес он, глядя сквозь меня. Лицо его не выражало ни чувств, ни эмоций. Ему все равно – рядом я или нет. Но он сам привязал меня к себе... Затуманил рассудок, бросая в пучину страсти, чувств и безрассудства.

Ты свободна.

– Почему? – У меня был только один вопрос, который прозвучал... Жалко.

– Потому что ты мне больше не нужна. Не интересна, – безжизненным тоном продолжил он, словно робот. – Я знаю о тебе и гвардейце. Я не стану убивать его. Просто уходи с моих глаз и как можно скорее.

Откуда он знает...?

Долгожданное «Ты свободна» не подарило мне ощущения полета, как я себе представляла. Наоборот – Брэндан вновь подпилил мои крылья, спуская на землю. Сначала он дал мне почувствовать себя здесь как дома, а теперь лишил меня его.

– Я... Брэндан.

– Уходи. Ты уже все этим сказала. Я думал, что ты можешь стать чем-то светлым внутри меня. Но ты... В который раз меня разочаровала. Камелия.

Он больше не оскорблял меня. Не называл «грязнокровка», «шлюха» или «пленница». Он не кричал и был спокоен, но это убивало еще больше.

Брэндан выглядел так, будто его жизнь развалилась на части с нашей последней встречи. С того дня, когда он играл для меня.

Я знала о нем так мало, но чувствовала, что внутри у него происходит настоящая война с собственной тенью. С самим собой. Впервые я подумала о том, как нелегко ему было и через что пришлось пройти.

Он никогда мне не расскажет об этом.

Но я так хотела узнать его со всех сторон... Потому что уже плохо представляла себе жизнь без него.

Там, во Франции. Где меня ждет одиночество и спокойствие у морских волн. Нужна ли мне эта безмятежность, ценой того, что каждый раз, когда я буду смотреть на мужчину, буду видеть только его?

– И ты меня разочаровал. Между нами ничего не было, и ты постоянно был с женщинами, а я... А я...

– Ты не понимаешь. – Он повысил голос, перебивая. – А я не смогу тебе объяснить. Я не умею говорить об этом.

– Говорить, о чем?! – Он изводил меня своими загадками. Хотелось немедля влить в него сыворотку правды, чтобы он выдал мне все, что чувствует; все, что хочет показать своими действиями и поступками, взглядами.

Ведь даже в том взгляде, когда я увидела его с девушками, были только желание поставить меня на место и ревность.

К Гаспару.

– Неважно, – отрезал он, пожимая кулаки. Брэндан кусал

губы изнутри, явно, нервничая. До взрыва его внутренней «бомбы» оставались считанные секунды. – Ты с самого начала не была для меня вещью, Камелия. И если бы ты понимала, что означает одно это слово «камелия», возможно, ты бы не смотрела на меня как на чудовище. Так, как смотришь сейчас.

Я взгляделась в до боли знакомые черты лица. Я бы зацеловала каждый сантиметр его кожи, каждый шрам и каждую родинку, чтобы исцелить его душу. Но он бы не позволил.

– Не правда. Я не смотрю на тебя так, Брэндан, – с нежностью сказала я, дотрагиваясь до его гладковыбритого подбородка. Я провела пальцем по его щеке, пока он глядел на меня, не отрываясь. – Ты не чудовище.

– Уходи! – оскалился он, нахмурившись. Его лицо исказилось в гримасе боли, будто моя нежность отравляла его.

– Ты хочешь быть таким. Хочешь, чтобы тебя боялись, потому что на твоих плечах лежит слишком много человеческих судеб. И ты должен быть сильным, – прошептала я, пытаясь понять его.

– Я сказал: У—БИ—РАЙ—СЯ! – Он сорвался на крик, его ноздри раздувались от ярости.

– Скажи, что ты ничего ко мне не чувствуешь, и я уйду, – взмолилась вдруг я, сама себя не помня. Из моих глаз рванули слезы – первые настоящие слезы. Такие, что, кажется, льются из глубин самого сердца. Я буду выглядеть в его глазах сломленной. Плевать. – Скажи мне.

– ПРОВАЛИВАЙ, иначе я убью тебя! – Его рука по инерции легла на основание моей шеи, глаза метали угрожающие молнии.

– Скажи мне, Брэндан. Давай. Скажи, что ты ничего не чувствуешь. Ни капли л...

– Вае! Не произноси этого слова! Ты – никто...! – Он тяжело дышал, мои слезы катились по щекам, по шее, опадая на его пальцы.

Я обняла его за плечи, притягивая к себе ближе, несмотря на то, что он собой сейчас представлял. Это подобно тому, как сдаться в объятия огнедышащего дракона. Наши лбы соприкоснулись.

– Скажи, что тебе плевать на меня. Скажи это, и я уйду, – словно в бреду шептала я, не в силах успокоиться. Я не могла, не могла оставить его. Что-то навсегда связало нас.

– Что ж ты со мной делаешь... – выдохнул он, зажмурив глаза. Я впилась ногтями в его кожу, не желая отпускать его, пока не услышу того, о чем прошу.

– Всего два слова, и уйду.

– Я не могу этого сказать! НЕ МОГУ! – Он взял мои руки в своих, убирая их с плеч. Брэндан опять сжал мои запястья до багровых браслетов, и когда он вновь глянул на меня исподлобья, в его глазах бушевал синий огонь. – Потому что я готов разорвать тебя за то, что позволила прикасаться к тебе другому мужчине! И тебе лучше уйти, если ты не хочешь, чтобы я трахнул тебя, как в прошлый раз, напоследок.

Я судорожно словила ртом воздух, вновь чувствуя, вновь боясь его. Я была зависима.

Он снова отпустил меня, разворачиваясь спиной. Я коснулась его плеча, останавливая, и тут он резко повернулся, желая прижать меня к столу.

Глядя в лицо этого голодного зверя, я села на стол и попятилась назад. Нас окружали короткие и звонкие звуки бьющегося стекла и падающей на пол еды и фруктов. Мои пальцы нащупали ягоды, которые рассыпались по столу, и я начала кидать их в него, пока он стремительно направлялся в мою сторону. Его руки хватили меня за лодыжки, но я успевала сбросить его хватку или увильнуть.

Все произошло слишком быстро – к моменту, когда я поняла, что отступать уже некуда.

Когда Брэндан чего—то хочет, он всегда этого добивается.

В момент, когда он придавил меня своим телом, ножки стола зашатались, будто он скоро сломается.

Брэндан поднял мои руки над головой, я чувствовала мякоть красных ягод своими ладонями и что-то неудобное, на чем лежала.

Плевать.

Он был неумолим, ненасытен. Дрожащими руками я растегнула его рубашку, с наслаждением проведя рукой по его сильным плечам.

Он избавился от нее, распарывая на мне платье.

– Вае... – с благоговением в голосе выругался он, взглядом «вылизывая» мое тело. Каждое прикосновение Брэндана не обещало мне нежность.

Он хотел вновь порвать меня. И от меня зависит позволю я ему это сделать или нет. Или же покажу, как он должен обращаться с равной ему...

Я укусила его за предплечье, чтобы он ослабил свою смертельную хватку, и пока принц отвлекся на то, чтобы освободить себя от брюк, я собрала всю свою физическую силу и чуть ли не с рыком перевернула его на лопатки.

А потом я оседлала его, глядя сверху вниз на затуманенные желанием глаза Брэндана и начала медленно раскачиваться, опершись на его плечи.

– Я хочу видеть твои глаза, – произнесла я, чувствуя, как внутренняя поверхность бедер горит, соприкасаясь с его возбужденным членом. Мне не хотелось останавливаться.

Я знала, что у нас нет будущего. Оно невозможно.

Я никогда его не узнаю.

Я просто хотела еще хотя бы раз испытать близость с ним, касаться Брэндана, хотела, чтобы он был другим со мной.

И чтобы он запомнил меня.

Брэндан

Шелк темных волос обрамлял ее черты, лицо было влажным от пота и пролитых слез. Никогда я не позволял женщине быть сверху.

Никогда еще не чувствовал себя таким уязвимым.

Было в этом что-то необъяснимое, и я знал что. Секс с Камелией был слишком не похож на секс с остальными. Это было что-то большее.

Обмен энергией, полет в космос. Это будто пропускать через себя новую силу и одновременно слабость.

Мой член и так уже стоял до пупа, но когда она взяла его за основание, аккуратно проводя кончиками пальцев по яйцам, мои легкие опустели.

– Что ж ты делаешь... Черт, – повторил я, желая вернуть ее в обратное положение. Но и желая увидеть, что она будет делать.

– Сегодня я хочу владеть тобой, – промурлыкала она, спуская обрывки своего платья по плечам так, чтобы оно собралось на ее тонкой талии.

– Хочу чувствовать тебя глубже, Брэндан. – Ее шепот действовал магически. Камелия провела головкой по своим влажным складочкам, прежде чем принять его в себя.

Еще никогда я не был так глубоко в женщине.

Крепко сжав ее попку, я зарычал, когда она медленно на-

чала подниматься вверх.

– Боже... – Она смотрела прямо на меня, ее руки упирались в мою грудь, слегка царапая. – Я так чувствую тебя. Каждую венку, – едва слышно пробормотала она.

Я не мог выносить этой медленной пытки, хоть и хотел растянуть удовольствие.

– Ты. – Я раздвинул ее ягодицы, слегка проникая пальчиком в ее попку. – Все равно не победишь.

Удерживая ее бедра на месте, я начал быстро вколачивать в нее, доводя ее до оглушающих криков.

В любую секунду кто—нибудь мог бы войти в зал. Следовало бы быть осторожнее, но весь мир перестал существовать. Весь мир уменьшился до размеров этой маленькой девочки.

– Брэндан! – вскрикнула она, опустившись ближе к моему лицу. Хотелось опять закрыть глаза. Разорвать эту дикую порочную связь навсегда, но я не хотел быть побежденным в этой схватке.

Она показала мне, что может владеть мной, но этого достаточно. Я и без того это уже знал...

Наслаждение разливалась по моим бедрам, пресс горел от напряжения. Я вколачивался в нее так сильно, что уже не мог разобрать, с чем связаны ее стоны – с болью или удовольствием. Ее полные груди терлись о мое тело, и хотелось быть еще ближе.

Еще и еще.

Так, словно она часть меня.

Моя кожа, моя плоть, моя кровь. Моя женщина.

Я выскользнул из нее, обхватывая за талию.

– Ты никогда не будешь владеть мной, – прошептал я, взяв девушку на руки. Через секунду я прижал ее к ближайшей стене, срывая остатки платья, и толкнулся членом в ее влажные бедра, которыми она покручивала, умоляя войти в нее снова.

– Какая ты грязная девочка, не правда ли? – Мои губы были возле ее уха, пока руки ласкали ее грудь и животик, спускаясь ниже.

– Брэндан... – захныкала она, но я не собирался аккуратничать с ней. Я знал, что ей нравится, знал, что ей необходимо, даже если она это отрицает.

– Кто владеет тобой? – Я намотал ее гладкие волосы на кулак и слегка потянул на себя, проскальзывая внутрь. Ее ноги дрожали. Она едва стояла, и до такого состояние ее довел я. Тщеславие стало медом, протекающим по венам.

Я вышел вновь, потираясь о ее ягодицы.

– Не слышу ответа. – Желание стало невыносимым, когда она сильнее прогнулась в спине, опираясь на стену. Я перекинул волосы, обнажая узкую спину девушки. Прижался зубами к плечу, неистово покусывая его.

– Ты сделаешь мне больно. Ах... – Ее голос сорвался на стон, когда мои пальцы нашли ее влажную девочку и начали играть с ней.

– Я? Может быть. Это ты начала эту войну. Я говорил: убирайся.

Камелия начала повертывать бедрами, будто умоляла войти в нее на языке тела. Черт.

– Я все еще жду ответ. – Я слегка ударил ее по попке, сдавливая ягодицы. Головка коснулась ее влажности, и я знал, что, что бы дальше она не сказала, я все равно сделаю это.

– Ты владеешь мной, – на выдохе произнесла Камелия, и я резко толкнулся в нее, вновь чувствуя ее тепло.

Неправда. Я владею всем, но только не тобой. Это делаешь ты.

Я заглушил в себе все мысли, погружаясь в нее все глубже и глубже, любуясь тем, как ее бедра вращаются в моих руках. Она такая влажная от желания и пота, что это заводит еще сильнее.

– Брэндан, пожалуйста... – Мои пальцы заскользили по ее набухшей нежной коже меж бедер. Я толкался в нее с дикой скоростью и все же помнил о том, к чему это привело в прошлый раз. Мне нужно вовремя остановиться... Выйти из нее... Но это было бы сравнимо с адом.

– Я хочу тебя видеть, – умоляла она, пока я проникал в нее все глубже, каждый раз приближаясь к освобождению от сладкой боли, которая тяжела ниже пояса.

Я проигнорировал ее просьбу, трахая еще жёстче. Но все же не так, чтобы навредить ей.

– Тебе больно? – Я прошелся языком по ее солоноватой

шейке, сходя с ума от уже знакомого мне вкуса.

– Идеально, – срывающимся голосом прошептала она, слегка поворачиваясь ко мне – так, чтобы посмотреть на меня.

Мне это не нравилось. Я увеличил темп, наказывая.

Я не хотел, чтобы эта девушка сняла с меня то, что защищало меня от боли. Непробиваемую броню из силы и жестокости.

Я снова превращался в зверя.

Кенна

– Брэндан... – Пока он отпустил мои руки, я схватилась за него – мои пальцы зацепились за его цепочку, и я потянула ее на себя. Слегка повернувшись, встретила с разъяренным взглядом Брэндана.

Я рывком притянула его ближе так, чтобы наши лбы соприкоснулись.

Мы обменивались рванными стонами, пока наслаждались сладкими движениями друг друга. В такт.

Я хотела, чтобы это длилось бесконечно.

Это чувство.

Когда...

Одно дыхание на двоих.

И боль – одна на двоих.

Его движения были резкими, грубыми, властными, но не насильственными, как в прошлый раз. Каждый раз, когда он проникал в меня, удовольствие только нарастало, пока я не начала помогать ему, требуя большего.

– Быстрее, Брэндан, пожалуйста.

Но Брэндан вновь оставил меня, разворачивая, наконец, к себе лицом. На губах его играла самая дьявольская усмешка, на которую только способен человек, а в глазах зияла настоящая бездна.

Бездна из одержимости, похоти и желания.

– Еще быстрее? Грязной девочке нравится грубость? – надсмехался он, растягивая нашу пытку.

Я взяла его твердость в ладошку и сжала, наблюдая за его реакцией. Он зарычал, но его рык плавно перетекал в стон, полный безумия.

– Королю нравится, когда маленькие девочки ласкают его? – Я поднесла палец к уголку своих губ, игриво поглядывая на него.

Я походила «конем», потому что теперь настал его черед чувствовать мою власть. Моя рука заскользила по его члену, и в синей бездне его глаз я видела отдачу на каждое свое движение.

Он погибал.

Резко взмахнув руками, он схватил мои запястья и прижал их к стенке над головой, одним толчком проникая меня.

– Да, – вырвалось у нас обоих, когда я поняла, что на этот раз он больше не оставит меня.

– Я хочу, чтобы ты никогда не покидал меня. – Мои губы были против его губ, и я чувствовала, как волна удовольствия внутри поднимается, чтобы вот-вот обрушиться.

Даже страшно представить, как бессильно я сейчас выглядела.

Сладкая истома взрывом разлилась по моему телу, и в ответ на мой оргазм я почувствовала, как Брэндан начинает заполнять меня своей теплотой.

Его брови сдвинулись к переносице, лицо стало таким,

будто я смертельный огонь, солнце, к которому он прикоснулся.

Руки упали на мои бедра, произвольно сжимая их без остановки.

Мы оба замерли, издав последний долгий стон.

Наши губы были приоткрыты и дразнили друг друга.

Брэндан поднес палец к моему рту, заставив всосать его, и толкнулся в меня еще раз, отдавая все до последней капли.

– Проклятье, – выругался он, продолжая крепко держать меня.

Это было похоже на маленькую смерть.

Или рождение.

Я не знала.

Это было непередаваемое чувство, которое я бы не смогла описать словами. Я просто чувствовала, что...

Я теперь часть его.

Мир раскололся на части, и он перестал быть тем Брэнданом – жестоким королем, готовым убить за свою власть.

Или я – обычная девушка, которая попала в его плен по невероятной случайности. Как мы дошли до такого...?

Мы были просто мужчиной и женщиной, которых ничто бы не остановило перед желанием слиться.

У меня было только одно желание. Я хотела, чтобы все это было чем-то большим.

Я по—прежнему искала причины, по которым должна плюнуть на жизни тысяч людей и оставить его в живых.

– Не выходи из меня, Брэндан. – Я не могла держать эти слова в себе, положив руки на его поясницу. Он плавно покручивал мою попку в своих ладонях. – Так приятно чувствовать тебя. Всегда.

Я готова была расплакаться от того, что знала, что он никогда не ответит на мою нежность. А я... Я стану той, что полюбила чудовище.

Чу—до—ви—ще.

Но слишком много боли приносит чувство, которое люди называют любовью.

Его руки прошлись по моему влажному телу, и он прижался к моей щеке, пряча свой стон.

– Ты забыла? – отдышавшись, напомнил он. Его слова и его поступки были прямо противоположны друг другу. – Ты – никто, чтобы отдавать приказы.

Сердце, которое еще недавно проламывало ребра, остановилось от стали в его голосе. Каждый раз, когда Брэндан дарил мне удовольствие, а потом проявлял свое истинное лицо, был для меня гибелью.

Маленькой каплей яда.

То, что он дал мне сейчас, было незабываемым. Было слегка больно, но не настолько, как в прошлый раз. Его руки не переставали ласкать меня ни на секунду, легко скользя по моему вспотевшему телу.

Брэндан начал выходить из меня, и я поморщилась от чувства пустоты, которое приходило на смену того, что только

что было.

Ощущение абсолютной целостности и удовольствия от слияния с ним. Я осталась без сил и готова была прямо сейчас упасть на пол, наплевав, что он обо мне подумает.

Но Брэндан крепко поддерживал меня, тяжело дыша в мою кожу.

Он резко повернул меня к себе так, чтобы мои лопатки прижались к стене. Я пошатывалась, пряча свой взгляд.

– Мне нравится трахать тебя. Это все. Ты понимаешь это? – сжав зубы, солгал он, глядя на меня потемневшими глазами. Они настолько черны, что я почти вижу себя в его отражении. И пропадаю.

– Ты хочешь, чтобы я снова попросила тебя сказать, что тебе плевать на меня?

– Прекрати. – Брэндан снова приложил ладонь к моим бедрам, надавливая на все чувствительные места.

– Это ты прекрати... – взмолилась я, чувствуя, как приятно ощущать его пальцы.

Внезапно мне в голову пришла чудовищная идея. Безумная. Но она должна снять с Брэндана корону и поубавить спеси.

Я согнулась так резко, как только могла, изобразив на лице болезненное выражение.

– Брэндан... Мне—е нехорошо, – пробормотала я, облокачиваясь на стену.

Принц тут же подхватил меня, чтобы я не упала. Он креп-

ко взялся за меня двумя руками, пристально глядя на меня.

Я прикрыла веки, изображая потерю сознания.

– Черт, – выругался он, опуская меня на стул. Я почувствовала, как он нащупал мой пульс и, кажется, вздохнул с облегчением. Я услышала звук одежды, позвякивание ремня, гадая, что он собирается делать.

Так и оставит меня на стуле – голую и оттраханную. Это в духе Брэндана. И на что я надеялась?

Сильные руки подняли меня над землей и прижали к теплой груди. Моя голова лежала на груди Брэндана – я слышала, как сильно колотится его сердце.

Я чувствовала себя маленькой девочкой на руках у гладиатора. Всей кожей чувствовала его мужественность и силу.

Прохладный ветерок свидетельствовал о том, что мы в комнате Брэндана. Здесь всегда было так – прохладно, как в подzemелье. И темно.

Медленный подъем по лестнице. И вот я почувствовала, как моя голова опустилась на мягкие подушки. Брэндан куда-то отошел, и я приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на него.

Он стоял ко мне спиной – его мышцы перекачивались под израненной кожей, пока он что-то искал в шкафу. Я боялась, что он может почувствовать мой взгляд.

Ненависть к нему исчезала в такие секунды. Оставалось только чувство узнать его, излечить его раны, поцеловать каждый шрам, который ему нанесли.

Глядя на полосы на его спине, я чувствовала, как моя спина стораает от боли, будто бы их наносили мне.

Мы были перевязаны.

Я едва успела закрыть глаза, прежде чем он развернулся. Что-то шепча на неизвестном языке, он начал медленно одевать меня.

Боже.

Его футболка. Я готова была наброситься на него с криками «Попался!», но понимала, что для него это может ничего не значит.

Я аккуратен со своими вещами.

– Я видел, что ты закрыла глаза, когда повернулся, – холодным тоном прокомментировал он. Ну вот, я провалилась. – Хотя, определенные актерские данные у тебя есть. – Я распахнула веки не в силах сдержать улыбки. Однако, его выражение лица заставило меня поникнуть. – Не знаю, на что ты нарываешься. Тебе нравится, когда я злюсь?

– Нет. Мне действительно было плохо. Ты меня не щадишь. – Внутри, и правда, слегка саднило.

– Я никого не щажу, Камелия. Меня никто не пощадил, – коротко пояснил он, погружаясь в себя.

– Расскажи мне, – попросила я, вновь потянув его за цепочку, на которой поблескивало кольцо. Оно было женским.

Брэндан зарычал, обнажив зубы.

– Не... Трогай, – попросил он, откидывая его на спину. Брэндан лег рядом, облокотившись одной рукой. Другая его

рука легла на мой живот и принялась властно поглаживать его.

– Как ты получил эти шрамы? – Я имела в виду его спину. Мое любопытство вновь прорывало плотину. Я хотела знать о нем все и в его глазах видела ответный интерес, который он не мог явно проявить ко мне.

Из-за чертовой гордости. Из-за рамок, которые он сам себе поставил. Из-за невидимой короны, которой он себя одарил.

В нем было столько мерзкого и отталкивающего. Столько же и обратного.

– Я надеюсь, ты никогда этого не узнаешь, – сказал он низким шепотом, уставившись на мои губы.

– Почему?

– Это не для слабонервных, – усмехнулся он, приподняв бровь. – Тебе и не нужно знать. Тогда ты перестанешь меня так ненавидеть, а я не хочу этого.

– Ничто на земле не способно разрушить мою ненависть к тебе, – томно произнесла я, приближаясь к его губам.

Но он повел себя так, словно я его ударила, и отвернулся.

– Тебе нужно спать. Если ты решила остаться, несмотря на мой приказ, ты должна быть в хорошем состоянии. Ты же понимаешь, сколько раз я еще тобой воспользуюсь. Пока не надоешь.

Сердце облилось кровью, я закусила губы, чтобы стерпеть ругательства, которые завертелись на языке.

Слова Брэндана слишком сильно противоречили его поступкам.

– На сегодня ты мне наскучила, – все так же холодно произнес он, резко вставая с постели. И это сказал принц, в постели которого я лежу. В его футболке. Если он так со всеми шлюхами обращается, то я пас.

Брэндан спустился по лестнице вниз, и каждый его шаг отдавался звоном в моих ушах.

Я была истощена, замучена.

Всем, что, как сумасшедший маятник, крутилось между нами.

Боль – такая внезапная и резкая – вновь прошла прямоком через сердце.

И хорошо, что в этот момент рядом не было пузырька со злополучным ядом.

***

Когда я проснулась, на меня нашло дежавю. Передо мной опять стоял завтрак Брэндана, но на этот раз без записки. Видимо, он не стал утруждать себя «письмами».

Я опустошила стакан с апельсиновым соком и, обнаружив очередное платье на кровати, облачилась в него, чувствуя ломоту во всем теле.

Ты свободна.

Мне стоило задуматься о его словах. И уйти. Все это зашло слишком далеко. По словам Гаспара, я вообще стала пешкой в играх за престол.

О том, что я, якобы, принцесса, вообще старалась не думать, убегая от этой мысли как от огня.

Через два дня затишья, на протяжении которых ко мне опять приходил врач, я избегала любых встреч с Гаспаром и как можно больше времени проводила с Мэри. Она всерьез переживала за будущее – через несколько месяцев ее живот будет невозможно скрыть под одеждой.

Я не знала, как мне помочь ей. И почему она так уверена в том, что брат убьет ее ребенка.

– Возможно, теперь, когда он принял такое решение, мой ребенок в безопасности. Скоро Брэндан вступит в брак, и его ждет долгожданная коронация. Возможно, он, наконец, даст мне вздохнуть полной грудью и позволит создать семью с Даниэлем.

– Какое решение? – не понимала я, расчесывая длинные рыжие волосы девушки.

– Брэндан решил сделать своей избранницей девушку. Говорят, она королевских кровей. Вскоре он представит ее на официальной помолвке. Я видела ее – нереальная красота.

Мое тело завибрировало, отзываясь на эту информацию.

Я замерла, как статуя, с силой нажимая на расческу в своей руке.

– Кенна, ай! – Мэри развернулась ко мне, выхватывая из рук расческу. – Это была попытка убийства?

Она пошутила, но мне было не до смеха.

Мне казалось, что я вижу длинный сон, в котором проис-

ходят события, которые еще больше запутывают меня в лабиринте этого дурацкого бесконечного видения.

Сначала Гаспар заявляет мне, что я – принцесса, а теперь, выходит, что я нашла подтверждения его лжи.

Или он все-таки говорит правду, и Брэндан... Боже, он женится на другой?!

Я спрятала лицо в ладонях, забыв, что нахожусь не одна. Господи, почему так больно.

Я же ненавидела его, я желала ему смерти, мести, чего угодно... А теперь перед глазами плывут миллионы картинок, каждая из которых разрывает сердце на кусочки.

Ты – никто.

Он никогда мне не врал. Он с самого начала прекрасно дал мне понять, кто есть кто в наших отношениях. И почему я посмела в глубине своей души питать иллюзии о том, что я что-то в нем изменила?!

Поразительная глупость с моей стороны.

– Кенна, ты в порядке? Ты... Почему ты так отреагировала на эту новость? – Мэри поглаживала меня по плечу, но мне хотелось, чтобы меня никто не трогал.

Усилием воли я удержала слезы и натянула на себя улыбку.

– Нет, все в порядке. Мне просто... Сон вспомнился, – солгала я, улыбаясь как можно шире. Мэридиана смотрела на меня с подозрением.

– Тебе нужно красивое платье на официальную помолвку

Брэндана. Будет большой прием, много гостей. Все его советники приедут – если честно, я ненавижу его так называемых «друзей». Ведут себя как элита, а на самом деле заведуют всякими значными местами в Лондоне. Было время, когда я думала, что вы, пленницы, здесь ради того чтобы потом работать на одного из этих мужчин... Хорошо, что Брэндан редко с ними видится. Я доверяю только Джейсону.

Я пропускала ее слова мимо ушей, все еще находясь в шоке от того, что сегодня узнала.

Еще больше запуталась.

Еще больше боли.

Сколько еще ее будет? С каждым днем я слабела. Какой я пришла в этот замок – и какой стала.

Я понимала Брэндана, который навсегда абстрагировался от чувств и всей боли.

Потому что она настолько сильна, что каждый вдох дается с трудом.

Глава 20

Брэндан

Здесь всегда так тихо.

Едва различим звук пошатывающихся от ветра деревьев.

Я положил цветы рядом с каменной плитой, на которой было высечено имя «Кэтрин Виндзор» и годы жизни моей матери.

Сквер, в котором были похоронены все члены королевской семьи, находился недалеко от обрыва, к которому я ходил каждый день. Иногда до рассвета, когда еще не было никаких встреч, дел и прочего груза, который валился на мои плечи.

Иногда ночью, когда все уже заканчивалось.

Кэтрин не была моей родной матерью, для всей страны не секрет чьим сыном я являлся. Именно из-за моей оскверненной крови я был таким, какой я есть сейчас.

Говорили, что женщина, которая меня родила, была настоящей ведьмой, хоть я и считал это бредом.

Она часами могла проводить псевдо—магические ритуалы и раскладывать карты с рунами.

Этой женщины не было в моей жизни, потому что то, каким я был на протяжении восемнадцати лет – заслуга Кэтрин. Она была моей настоящей матерью, она приняла меня. Хотя, сейчас я понимаю, насколько ей трудно это было. Она слишком сильно любила моего отца.

Я знал, что не способен на любовь, в силу чрезмерного тщеславия и эгоизма, которым была отравлена моя душа и испорчена Адинбургом, но всегда понимал, что мне нужно будет связать свою жизнь с одной девушкой во имя страны. Хоть и просто людям на показ.

И я всегда хотел, чтобы она хоть каплю походила на Кэтрин.

Но каждый раз, когда я приходил сюда, понимал, что таких, как она, больше нет. Кольцо обжигало мне шею, повиснув невероятным грузом. Это было ее кольцо, которое прошло со мной через Ад.

В тюрьме в периоды многочасовых пыток и наказаний, только оно спасало меня от того, чтобы не выпрыгнуть за пределы Адинбурга – а эта тюрьма представляла собой высокую башню посреди океана.

Сейчас она бы не гордилась мной.

Она умерла раньше, чем погиб Бастиан, и не видела его смерти.

Я закрыл глаза, вспоминая тот чудовищный день. Он и без того снился мне почти каждую ночь, бросая в холодный пот.

Выстрелы, слишком много крови по всему замку. Гвардия довольно быстро справилась с нападающими, но они были слишком неожиданными – и поэтому, когда их ликвидировали, было уже слишком поздно.

Удары розгами, Адинбург.

Я без конца прокручивал эти сцены в голове, понимая,

что мне никогда не излечиться.

Всего несколько моментов в моей жизни, когда я забывал обо всем этом.

Вымещая ярость на пленнице – Камелии, как я решил ее называть.

Я ни за что не лишу себя этого чувства – полного забытья, секундного счастья и эйфории. То, как мне нравится воевать с ней; то как, она слабеет под моим давлением. Нет ничего приятнее, чем ломать сильную личность.

Я был одержим, зависим от этой дозы – вывалить на эту девушку всю свою ярость, испытать счастье и оглядеть обломки, которые после нас остались.

Я не хотел делать ей ТАК больно. Не хотел издеваться над ней.

Все получалось само собой, потому что она – единственная, к кому я вообще проявлял какие-либо настоящие эмоции.

Я снова посмотрел на серую плиту, прислушиваясь к тишине.

Теплота окутала мое сердце, и я будто вновь услышал нежный голос своей мамы.

Сжал ее ладонь, чувствуя шелк ее кожи. Холодная.

Услышал все слова поддержки, которые она когда-либо мне давала.

Мама. Мама. Мама.

Забрал силу, с которой она со мной делилась. Она была

тем, кто вдохновлял меня быть тем, кем я был.

Поднимала, когда я спотыкался и падал.

Только здесь, наедине с природой и ее душой, я могу быть таким.

Ведь если мне было и суждено кому-то отдать свое сердце, то я уже давно его отдал.

И теперь просто продолжал жить без него – так было даже легче.

Потому что второй такой потери я бы просто не вытерпел. Это то, что пугало меня больше всего – обрести страх.

Страх потерять.

***

Я ворвался в спальню девушки. Кажется, за последнее время она неплохо освоилась в замке и уже во всю раздавала приказы нескольким слугам, которых я для нее выделил. Скарлетт сидела на кровати в одном шелковом халате с таким глубоким вырезом, что он приоткрывал ее большую грудь.

– Добрый вечер, Ваше Высочество, – сдержанно поклонилась она, плотнее запахивая полы своего халата. – Что привело вас в такой поздний час?

Я разглядывал ее, поджав губы. Эта девушка – мое оружие. Если я буду шантажировать ее родителей, пользуясь ей, все закончится кровавой войной.

Если же буду с ней аккуратен, объявлю о помолвке, то, возможно, заполучу сильного союзника.

Мне нужно чем-то жертвовать. Королевская гвардия слишком мала, чтобы справиться со всем в одиночку.

Она вдруг облизала свои губы, глядя на меня слегка похотливо – это была уже не запуганная и сломанная девочка, которую ко мне привели. Это была настоящая сучка, которая радовалась, что станет женщиной короля.

Или у меня развивается сильнейшая паранойя, и я готов придумать 1001 причину, чтобы не связывать с ней свою жизнь.

Мы дадим клятвы друг другу.

– Хотел проверить, что ты готова к приему. На котором я скажу, что ты будешь моей женой, – равнодушным голосом произнес я, глядя в окно.

– А я дождусь вашего предложения? – нежно пропела она, будто соблазняя меня. Скарлетт подошла ко мне ближе, слегка повиснув на плече.

Да уж... Сразу видно, что эта девушка с детства была вырвана из среды, в которой родилась. Мне было трудно представить, что Мэри, которая с детства воспитывалась по-другому, так откровенно бы повисла на мужчине.

– У меня к тебе только одно предложение: не—действуй—мне—на—нервы, – по словам протянул я, скидывая ее руку с плеча.

Черт, что я делаю?

– Простите, Ваше Высочество. – Она поклонилась мне так низко, что ее халат перестал прикрывать сиськи. *Случайно.*

– Я просто подумала... Что... Если уж мне суждено отдать свою жизнь вам. Свою страну... Я подумала, что будет лучше, если мы будем ближе.

– Поверь, чем равнодушнее я к тебе, тем в большей ты безопасности. – И это была правда. Я вспомнил красную шею Камелии и то, как она отчаянно ловила ртом воздух. – Разве ты не хочешь защитить свою страну? Ты так легко соглашаешься на брак со мной. – Я взгляделся в ее янтарные глаза, в которых был только цвет. И ничего больше. Пустота.

– Я десять лет жила другой жизнью. От наследницы французского престола во мне только кровь и масонская метка. Мне плевать на то, что будет с народом, если я при этом буду спокойно... – Она улыбнулась блаженной улыбкой, от которой меня передернуло. Боже, и неужели на этой пустоголовой кукле я должен жениться?

Ради гребанной коронации, ради народа, который отправил меня в Ад.

При всей жесткости моего характера на меня иногда находили вот такие ужасающие порывы мирового отречения.

Безвыходная ситуация. Я женат на своей стране.

– Спокойно... Дарить вам детей, живя в замке. – Она развязала свой халат окончательно, открывая моему взору свое обнаженное тело. Эта девушка была полностью в моем вкусе.

Ее красота могла бы обезоружить любого.

Но не меня.

– Ты смотришь слишком далеко. – Я схватил ее за подбо-

родок, заглядывая в душу. Неприятная она была, хуже моих шлюх. Меня даже слегка подташнивало, или же я был просто одержим мыслями и воспоминаниями о том, как недавно трахал другую девушку.

Кончал в нее с рванными стонами.

Как сладко и тепло в ней было...

Встряхнув головой, я надавил на ее подбородок, причиняя боль.

– Не забудь, что ты нужна мне только для коронации. Поэтому... На твоём месте я бы вел себя хорошо и внимательно проглатывал бы каждый приказ и слово. Иначе... Когда я стану королем, мне больше не понадобится королева. – Я понадеялся, что ее мозг способен уловить смысл этого тонкого намека.

Но она только закрыла полы своего халата, потупив взгляд.

Развернувшись, я покинул ее спальню, размышляя о том, что я бы не хотел вернуться сюда вновь.

***

Я ловил кайф, когда Камелия проигрывала. Когда она слабела, прогибаясь под мою волю.

В тот момент, когда я решил ей открыться, узнал о гвардейце, и злость снова заразила мою кровь.

Когда я представлял ее в объятиях другого, меня потряхивало. И она была.

Она с самого начала была отдана другому мужчине.

Лгала мне, что невинна. А я... Прикоснулся к ней после – второй раз, третий.

Я не мог остановиться, хоть каждый раз и одергивал себя, повторяя про себя одно слово.

Грязнокровка.

Кто—то уже был в ней так же, как и я. Прикасался своими грязными лапами, не выпуская из рук ночи напролет. А я подобрал.

Я, конечно, понимал, что мои шлюхи были из того же теста, но это было их работой.

А она... Разочаровала меня, солгала, потом закрылась в своей спальне с гвардейцем и думала, что после этого я буду обращаться с ней так, как она этого хочет?

Все эти чувства лежали на поверхности. Это была лишь верхушка айсберга, а то, что было скрыто подо льдом этого гнева к девушке, постоянно тянуло меня на дно.

Уничтожало.

Допивая второй стакан виски, сидя за синтезатором, я сам не заметил, как начал играть мелодию, которую назвал бы ее именем.

Пальцы сами бегали по клавишам, я лишь изредка вливал в себя все больше алкоголя до тех пор, пока голова не зажила отдельной жизнью.

Внутри царил такой хаос, что хотелось крушить все, что попадется под руку.

И я крушил.

Наутро сюда придется поставить новую мебель.

Мои нервы были на пределе, я искал успокоения в воспоминаниях, которые дарили мне Эйфорию.

И каждое было связано с Камелией.

Член заныл, так сильно нуждаясь в ней, словно я был одержим нашей игрой, ее ласками и теплом.

Прервав мелодию, дойдя до кульминации, я с грохотом опустил крышку, едва не придавив свои пальцы.

Я никогда не умел выражать свои настоящие чувства вслух, даже когда они у меня были. Они выходили через музыку, через борьбу, фехтование.

До восемнадцати лет я даже вел дневник – выходила ерунда, но нас с Бастианом заставлял отец. Он говорил, что это необходимо для истории.

Если бы хоть один человек прочел мой дневник, я бы провалился на этом же месте. Я бы лучше прошелся голым по центру Лондона, причем не испытал бы при этом и капли смущения.

Едва ли мне есть чего стесняться.

А вот дневники... Они были частью моей прошлой души.

Дрожащими руками я достал один из своих дневников из тумбочки в гостиной, запертой на замок.

«2216 год, Обрыв у Белых скал.

Сегодня мне исполнилось шестнадцать. Все поздравляют меня. Но для меня этот – день настоящая пытка.

Сразу думаю о своем настоящем происхождении. Басти-

ан не упустит шанса подишутить на эту тему. В последнее время он стал немного другим, возможно, из-за свалившихся на него обязанностей.

Знаю, я не должен писать здесь гадости о своем брате. Через сотни лет мой дневник найдут, и историки решат, что я завидовал своему брату и ненавидел его.

К черту, я потом вырву эти страницы. Иногда просто хочется вылить все на бумагу, особенно, когда никто, кроме гребанного листка, не может тебя понять.

Много ли бастардов я еще знаю? Ни одного.

Ну, ничего, я буду делать все, чтобы быть лучше Бастиана. Я был бы достойным правителем, но я знаю, что мне не суждено им стать. На самом деле, это не мое.

Я хочу в Оксфорд с Джейсоном. Или, может, даже, за океан.

Мир такой большой, а я вынужден видеть лишь одну его сторону.

Взять хотя бы этот обрыв: нахожусь на нем и чувствую себя на краю света.

Небо затянуто серыми тучами – что ж, с днем рождения, Брэндан. Ветер поднимается.

А теперь пора вырвать эту страницу и написать что-то стоящее.

Я должен показать своим потомкам, что был не таким уж и плохим парнем, ха.

Знали бы они, чем я займусь сегодня вечером...»

Бред. Я со злостью захлопнул дневник. И почему я не сжег его?

Разум, затуманенный алкоголем, сам отдал приказ моей руке: и, находясь в бреду, я взял ручку. А потом я успел написать несколько строк, прежде чем понял, чем занимаюсь.

Вырвав злосчастную страницу, я смял ее и бросил в стену, снова потянувшись за бутылкой.

Вот он, мой мальчишник. Всегда о таком мечтал. Я и мой друг – виски.

И все из-за чего?

Из-за того, что забылся и позволил какой-то пленнице стать своей зависимостью.

Она – зависимость и не больше. Физическая, самая низменная, какая только может быть.

Делаю глубокий вдох.

Я – будущий король. И я не могу позволить себе иметь слабые места.

Никогда.

Глава 21

Кенна

Я медленно теряла свой разум.

Теперь Брэндан и не держал, и не отпускал меня. Гаспар потребовал убить принца. А я по—прежнему не находила себе места в этом огромном мире, который работал как сломанные часы.

Я хотела знать свое место, хотела знать кто я, но живой и значимой чувствовала себя только рядом с Брэнданом.

Я словно провалилась в яму и постоянно карабкалась наверх. Брэндан протягивал мне руку каждый раз и тянул на себя. Он почти вытаскивал меня на поверхность.

А потом снова бросал на дно, посмеиваясь.

Но сейчас это была слишком злая шутка.

Чувства к Брэндану изводили меня, я чувствовала, как остатки гордости медленно покидают меня, а я превращаюсь в тряпку.

Я же обещала отомстить. Я говорила это, глядя в его холодные глаза.

И что теперь...?

Я должна была выяснить все раз и навсегда. Я должна была рассказать Брэндану о том, кто я. Точнее, о том, кем считает меня Гаспар. Показать свою дурацкую метку, или какие еще там доказательства требуются Его Высочеству.

Грязнокровка.

Если Гаспар говорит правду, Брэндан даже не представляет, как он все это время ошибался.

Когда я вернулась с прогулки в день накануне приема в честь помолвки принца Брэндана, произошло то, что окончательно добило меня. На кровати я обнаружила огромную коробку золотого цвета – на крышке, как всегда, был изображен герб в виде льва с крыльями. Этот знак я частенько видела в замке, но на этот раз побаивалась открывать чертову коробку, чувствуя, что она от Брэндана.

Собирается жениться на другой, мне шлет подарки – этот мужчина сам не знает, чего хочет.

Но не прошло и минуты, как я узнала о том, чего он хочет. Меня.

«Я редко высылаю шлюхам отдельное приглашение, но сегодня ты должна быть в моей комнате. В этом наряде. Мне нужно расслабиться перед завтрашним днем. Ты же не посмеешь послушаться короля, правда?»

Мои пальцы немеют, когда я трогаю прозрачную ткань. Она струится сквозь пальцы. Это платье прекрасно. Прозрачный шелк кремового цвета.

Оно выглядит таким чувственным, интимным. Оно одновременно прикрывает каждую часть тела и в тоже время оставляет ее обнаженной.

Я дрожу, когда нащупываю в коробке что-то холодное и круглое. И еще. Жемчужные бусинки, которые сразу напоминают мне о том, что произошло между нами не так давно.

Брэндан наматывает их на кулак. Оборачивает вокруг моей шеи. Слегка тянет на себя...

Его член у моих губ, и я принимаю его в рот покорно – так, как он этого хочет.

Это был единственный раз, когда я чувствовала свою власть над ним, несмотря на то, что стояла перед принцем на коленях.

Унизительно. Грязно. И сексуально.

Мне хочется разорвать это платье к чертям, но руки меня не слушаются. Через пять минут я уже смотрю на себя в зеркало: тонкий шелк ласкает кожу, а на шее висит жемчужное ожерелье, поблескивая в приглушенном свете ночных ламп.

Я впервые нравлюсь себе. И знаю почему.

Брэндан подпитывает меня вниманием, словно я цветок, который завянет без воды. И он прекрасно знает об этом. О том, что прочно привязал меня к себе древней магией, создав прочные узы. Покровитель и пленница. Мужчина и женщина. Король и его вещь.

Я не собираюсь быть его вещью. Я хочу быть равной ему.

Надев на себя накидку, я покидаю спальню. Гвардеец у двери Брэндана впускает меня внутрь без лишних вопросов.

Надев на себя накидку, покидаю спальню – гвардеец у двери Брэндана впускает меня внутрь без лишних вопросов. Я надеюсь увидеть его – Брэндана – на диване или за рабочим столом. У синтезатора.

Но его комната пуста, и, только хорошенько прислушав-

шись, я замечаю звуки воды, которые доносятся из ванной.

Я пришла рано. Первый порыв – выйти за дверь и подождать, чтобы потом «войти красиво». Снова поймав себя на глупой мысли, я лихорадочно оглядываюсь в его владениях.

На диване лежит плед, и мне очень трудно представить, как Брэндан здесь спит. Возможно, это сюда он уходил спать каждый раз, когда я ночевала в его постели.

Странно, что принц вообще позволил мне спать в его кровати. Внутри меня искрилась маленькая надежда, что через нее прошли не все его шлюхи. *Но, судя по тому, что я видела в прошлый раз...*

Образ, где Брэндан засовывает язык в горло другой, заставляет вспомнить вкус яда на моих губах... Перед выходом из комнаты я взяла пузырек. Это был какой-то неосознанный порыв, вызванный моей злостью.

Яд тяжелел непосильным грузом в кармане накидки.

Тут мой взгляд замер на тумбочке – ничем не примечательной, кроме стоящих на ней больших восковых свечей.

И кроме... Книги. Мне было интересно, что Брэндан читал. Подойдя ближе, я прикоснулась к потертому фолианту и прочитала надпись, которая гласила:

«Дневник Брэндана Виндзора, принца Уэльского».

Мой пульс невольно участился – с опаской оглядевшись, я взяла книгу в руки и слегка приоткрыла.

Боже.

Я держала в руках огромный ключ к душе Брэндана. Ко

всем его тайнам. К его прошлому. К тому, кем он на самом деле был.

И я знала, что будет очень некрасиво – прочитать хотя бы строчку из этого дневника.

Но не более красиво, чем затрахать меня до потери пульса, не так ли, Брэндан?

Нужно быть смелее, Кенна. Ну же. Ты читаешь всего одну страничку.

Я ненавидела свое гребанное любопытство. Жуткий недостаток, от которого мне не избавиться.

Может, лучше вырвать страницы и прочитать в комнате...? Кошунство. Любопытство и совесть вступили в ужасающий кровавый бой, пока я не увидела на полу клубок из такой же бумаги, какая была в дневнике.

Быстро подняв ком с пола, я спрятала его в кармане сядом. Меня колотило, будто я совершаю преступление.

Я должна... Должна знать, какой Брэндан на самом деле. Теперь, когда я стала оружием против него, мне нужно знать всю правду.

«24 декабря, 2215 год. Моя спальня.

Сегодня не было занятий, потому что все преподаватели готовятся к Рождеству. Бастриан предложил потренироваться вдвоем, и я согласился. Только почему—то, когда я победил его в поединке, он прошелся по моему происхождению. Все давно об этом знают. Как бы мама и отец не пытались это скрыть, правда вылезла наружу.

Сначала я злился. Но Мэри подняла мне настроение – я учил ее кататься верхом, вдобавок ко всему, пошел первый снег.

Снег бывает так редко, даже зимой. Обычно, это промозглый дождь или град. Теперь же, сад выглядит просто волшебным. И я рад, что подарки для всех готовы, и завтрашний день мы проведем вместе с семьей...»

Я перевернула несколько страниц, пытаюсь унять от чего—то наворачивающиеся на глаза слезы. Может, Брэндан и был чудовищем, но мальчик, который писал эти строки, был всего лишь парнем, который потерял свою семью. И он... Боже, так странно читать чьи-то мысли.

И что не так с его происхождением?

«1 сентября, 2217 год

Сегодня после латинского я поехал в Лондон. На этот раз, не в клуб. И даже не в наркотическую клинику, как в прошлый раз. Сегодня я был в приюте, потому что отец заставил Парламент выделить деньги на застройку большого детского центра.

Сотни детей теперь будут жить в лучших условиях, ну, а Бастиан должен был присутствовать на открытии.

Но он слишком занят. Бедняга, не успевает дышать – его распорядок дня напоминает мне бег по кругу. Он совсем не отдыхает.

Поэтому поехал я.

Никогда еще не видел столько счастливых детских лиц,

которые бы просто были рады видеть меня.

Я видел маленькую девочку...»

За моей спиной раздался демонстративный кашель, и я подпрыгнула на месте, захлопывая дневник. С трудом сглотив, не спешила поворачиваться, вся продрогнув от страха.

– Положи. На—ме—сто. – Не нужно было видеть его лица, чтобы понять, в каком гневе Брэндан находится. Я аккуратно вернула тетрадь на тумбочку, медленно разворачиваясь.

Брэд стоял на лестнице, глядя на меня с откровенным презрением.

И как я не услышала его шагов...? Идиотка.

Полотенце едва держалось на стройных бедрах Брэндана, но я старалась не смотреть на его фигуру.

Только в глаза.

– Кто ты такая, чтобы прикасаться к моим личным вещам? – Царственной походкой он медленно спускался по лестнице, сохраняя в своем голосе ледяное спокойствие.

Остаются считанные секунды до того, как этот наигранный лед треснет.

– Я—я... Брэндан, я думала, это просто книга, и стало интересно, что ты читаешь... – Я не знала, что делать. Бежать, пятиться? Все бесполезно.

Потянув за веревку на шее, я распустила свою накидку и сбросила ее со своих плеч, оставаясь в прозрачном платье.

Брэндан нахмурился еще сильнее, раздраженный моей

попыткой отвлечь его внимание.

– ОТВЕЧАЙ! – рявкнул он, тут же сводя зубы. Казалось, он вот-вот замахнется на меня – его кулаки постоянно и нервно сжимались.

В прошлый раз он чуть не перерезал мне шею осколком.

– Брэндан, пожалуйста, успокойся...

– Не произноси моего имени, сука! – выругался он, быстро хватая свой дневник с тумбочки и пряча его внутрь. Под замок. Тяжело дыша, он начал тихо: – Что ты о себе возомнила? А?

Я чувствовала себя маленьким ребенком, который натворил что-то очень ужасное.

– Что—ты—себе—на—придумывала? – стиснув зубы, прошипел он, с ожесточением глядя на меня в этом дурацком прозрачном платье.

Я была беззащитна.

– Ты же оставлял меня в своей комнате, и я подумала... – Но Брэндан не дал мне договорить, с силой хлопнув по деревянной поверхности – так, что даже стоявшие на ней графины с алкоголем задрожали, а свечи за миг потухли.

Звук от его удара эхом переливался в моей голове, но я уже не могла пошевелиться и сдвинуться с места, страшась накликать на себя еще больший гнев.

Он же не убьет меня.

– Что? Да кто ты такая, девочка? ЧТО ты себе на придумывала? – Брэндан резко схватил меня за волосы и дернул,

открывая мою шею. Все мое тело выгнулось, как сломанная струна.

– Брэндан...

– Молчать! – снова прервал он, наматывая мои волосы на кулак. – Думала, ты особенная? Грязнокровка, неужели ты, правда, так подумала?

Грязнокровка.

– Неужели думала, что ты что-то большее, чем моя прислужница? Вещь? А ты знаешь, что должны делать вещи? Они обязаны сидеть и не рыпаться. Вещи оживают только в руках хозяина – то есть, в моих. Тебе это понятно, или нужно закрепить эту информацию в твоей голове? – ядовито прошептал он на ухо, унижая меня каждым произнесенным словом.

Каждое его слово было ударом молота, которым он беспощадно колошматил мое сердце.

– Я думала, что мы...

– Мне плевать, что ты думала! Ты потеряла всякую ценность, когда я узнал, какая ты на самом деле. Стоило догадаться сразу, как только я узнал, что ты не девственница. И зачем я вообще с тобой связался? Ах, точно – ты не плохо сосешь и так мило плачешь, когда тебя жестко трахают.

Моя собственная чистейшая ярость плавила кожу. Все чувства, которые я испытывала к Брэндану, когда только познакомилась с ним, вернулись в одночасье.

Ненависть. Месть. Непонимание.

– Да? А еще суешь свой нос, куда не надо... Вае! Ниже в моих глазах тебе пасть уже просто нельзя... Расскажи, что ты делала ночью с гвардейцем? Давай же. – Он вновь потянул меня за волосы, заставив вскрикнуть. – Как ты его ублажала? Языком? Шлюха.

Я держалась из последних сил, чтобы не заплакать.

Брэндан продолжал наносить удары.

Нет, он не бил меня. Не пинал ногами в живот, грудь и плечи. Его ладони держали только мои волосы, в то время как, уверена, он хотел стереть меня в порошок.

Он не валял меня по полу и даже не таскал за волосы, избивая, как он, наверняка, того желал.

Он наносил удары гораздо глубже, чем по телу. Он избивал мою душу.

Разрывал гордость.

Уничтожал во мне женщину, которая просыпалась в постели с королем, и которую называли в честь редкого цветка.

Глава 22

Брэндан

Я не мог поверить в то, что она сделала это. Прочитала дневник. Что она прочитала?

Какую часть?! В этой несчастной тетрадке хранилось все мое прошлое, которое я не собирался выставлять на показ. И, уж тем более, не хотел, чтобы о всех тонкостях моего характера была осведомлена эта девушка. Она и так подобралась слишком близко.

Или я сам... Подпустил.

Как бы там ни было, я всеми силами хотел разорвать прочную связь, что между нами была, но уже не мог.

Ее страх был моей зависимостью. Ее ласка – проклятьем. Ее любовь, о которой она молчала, – загадкой.

Но каждый раз я видел в этих карих глазах, что она испытывает чувства, которые невозможно испытать к такому чудовищу, как я.

И каждый раз я пытался быть хуже и хуже, чтобы она, наконец, очнулась.

Но все было зря. Мы оба стали жертвами собственной игры, от которой были зависимы.

Страсть к этой девушке была сильнее всего. Сильнее даже жажды власти. Крови и мести.

Все, чего я хотел, – это ее руки на своей коже, и быть так глубоко в ней, снова теряясь в пространстве.

Забываясь.

Но этому не бывать.

– Я ничего подобного не делала! Ты – ублюдок! Я никогда никому, ни с кем...

– Да что ты мямлишь? Ублюдок? Хорошо. Жестокий? Прекрасно. Я такой. Я – Король. А кто же ты?

Это была последняя надежда услышать ее имя.

– Камел...

– Ты – никто. – Она всхлипнула, когда прорычал ей в ухо.

Но как бы я ее не унижал, Камелия не унималась. Она все еще пыталась поставить меня на место, и это было очень забавно. Она все время разжигала угасающее пламя, но, видимо, девочку не научили, что игры с огнем могут привести к гибели.

– А ты, что, ревнуешь? – Она посмотрела на меня с укором, и я пригладил ее волосы, будто успокаивая. А потом вновь дернул. И мне, черт возьми, нравилось это. Одержимый. Вампир, питающийся страхом.

– Конечно, грязнокровка. – Слова лились нескончаемым потоком, словно желчь. – Я не ревную, черт возьми! Я просто не люблю, когда ТРОГАЮТ МОИ ВЕЩИ!

Собственное сердце стучало так быстро, как текут последние секунды перед взрывом бомбы.

Три...

Как бы я не хотел этого признавать, но я ревновал ее с первого дня, как увидел. Даже тогда, когда она показалась мне

дурной, грязной, непривлекательной. Тогда, когда узнал, что вытворял с ней Гилберт. Тогда, когда она сбежала. И тогда, когда узнал, что она обжимается по углам и в своей спальне с моими же людьми. Ни у одной шлюхи бы не хватило наглости на такую глупость.

Два...

Нужно успокоиться. Просто нужно успокоиться. Пока я не придушил ее голыми руками, как в прошлый раз.

Один...

– Брэндан, прошу тебя, – тихо прошептала она, глядя на меня с трепетом. С любовью. И даже с гребанной каплей восхищения. Я ненавижу ее за эту доброту. Это качество слишком сильно напоминало мне другого человека, ради которого я бы расколол собственную страну. – Прошу тебя, оставь меня в покое... Отпусти.

– Этому не бывать. Ты, наверное, уже знаешь о моей помолвке. – Опустив руки, я прижал девушку к себе, обхватив за бедра. Грубо смяв ее задницу до синяков, я наблюдал, как на лице девушке отразилась боль.

– Мы продолжим. Ты так и будешь моей вещью. В то время как моя жена будет спать в моей постели. С ней я буду просыпаться. А тебя – трахать.

Эта маленькая девушка, и вправду, полюбила меня. Ее реакция на мои слова была незамедлительной – она заплакала, отчаянно вырываясь из моих рук.

А я продолжал вколачивать ей ножи на раны:

– Сейчас я возьму тебя. И ты дашь мне все, что я захочу...

Наши взгляды встретились. Грудные клетки проламывали друг друга от тяжелого дыхания в один ритм, в один такт.

Даже сейчас мы были как одно целое, и я не понимал, как это возможно.

Какого черта меня самого трясет, когда я рядом с ней.

А потом она посмотрела на меня со всей жестокостью, на которое только способно ее милое детское личико, и замахнулась на меня.

– Ничего лучше не придумала? – Я поймал ее запястье. Окончательно разозлившись, я сделал то, что мне так требовалось. Забыться. Успокоиться. Почувствовать ее ласку. – На колени. – Отдал сухой приказ, надавив на хрупкие плечи девушки. Взбрыкнувшись, она одарила меня гневом, но мне уже было плевать на все ее взгляды. – Веди себя хорошо, Камелия. – Я нежно провел пальцами по ее подбородку, глядя на девушку сверху—вниз. Прекрасна. В таком ракурсе она еще красивее.

Только для меня. – Тебе придется хорошенько поработать, чтобы я мог забыть о том, что ты была с другим. Попробуешь сделать это? – Я уже мягко провел рукой по ее волосам, глядя на ее растерянность.

Она меня не понимала. Я и сам себя не понимал. Внутри меня стояли огромные качели, которые постоянно раскачивались, уходя то в сторону гнева, то в противоположную.

Все или ничего.

Либо она принадлежит мне, либо никому не принадлежит вовсе.

Либо ненавижу, либо...

Мне просто необходимо это почувствовать.

– Давай, Камелия. Тебе нужно извиниться... *Очень глубоко* извиниться. – Я нанес ей свой последний удар, и на секунду мне показалось, что она сейчас упадет на пол и будет рыдать, валяясь у моих ног. Ее глаза горели болезненным блеском.

Но этого не случилось.

– Ты – не король. – Тихо прошептала, срывая с меня полотенце. Приятно прохладные руки девушки легли на мою поясницу, и я едва сдержал глухой стон.

Перед глазами вспыхнули звезды, когда губы Камелии неумело заскользили по низу моего живота. Она делала это так невинно. Робея.

– Тебе следует делать это молча, – приказал я, возведя веки к потолку. Это произошло непроизвольно – слишком приятно.

Как только она взяла мой член в руку, я не успевал делать вдох.

– Ты больше никогда не посмеешь уединяться с другим мужчиной. Ты меня поняла? – прошептал я, переживая лишь за то, что кто—то еще в мире почувствует то же самое, что чувствую я. Это только мое. Собственный эгоизм еще никогда не был настолько силен.

– Да, – на удивление покорно произнесла она, прикасаясь ко мне языком. Черт, так нежно. Самым кончиком.

Что ж ты со мной делаешь?

Как можно быть такой сильной, нежной и наглой одновременно?

– Тебе нравится ласкать меня, маленькая? – Я снизошел до того, чтобы стать мягче. – Скажи, что ты никогда не отдашься другому. Пообещай. Камелия, поклянись, что ты только моя...

Я себя не контролировал. Да и как это возможно, когда ее язык исследовал меня всего. От нижнего пресса до основания члена. И еще, еще ниже...

– Я только твоя... – сквозь слезы прошептала она, покрывая своими короткими влажными поцелуями. Мне хотелось быть глубоко в ее горячем ротике, и когда она воплотила мое желание в жизнь, я сгорел заживо.

Ее рот был восхитительной, изощренной пыткой.

– Я никогда так не касалась другого мужчины. Я твоя, Брэндан, – снова прошептала она, и я знал. Знал, что она чувствует, какой властью она сейчас обладает.

Каждое слово, каждое прикосновение. Несмотря на нескончаемую схватку между нами, я давно проиграл.

Сейчас я готов был сложить перед ней оружие. Я бы весь мир положил к ее ногам.

Сделал бы что угодно, если бы она попросила.

– Я приму все, – выдохнула она, и я почувствовал, как

резко прогнулся в пояснице, изливаясь на ее сладкие и теплые губы. Я принадлежал ей до последней капли.

Крови.

Я уже ни в чем себе не отдавал отчет.

Ни в том, что собираюсь связать жизнь с какой-то идиоткой. Ни в том, что я когда-то прошел через нечеловеческие пытки.

Ничего этого не было. Ни прошлого, ни будущего.

Наслаждение было таким сильным, по позвоночнику струился пот. Я хотел большего.

Одним рывком я поднял ее к себе, проводя пальцем по ее губам.

– Хорошая девочка, – похвалил я, поглаживая Камелию по волосам. Язык слегка заплетался после пережитого оргазма.

Я был настолько расслаблен, что не было сил уже кричать и рвать. Даже если бы я сильно захотел, то не смог бы быть грубым – не сейчас. Взяв ее нежные пальцы в свои руки, я прижался к ним губами.

Камелия застыла. Я не мог понять, что в ней изменилось, но этот взгляд я в ней не узнавал. Может быть, я перегнул палку.

Только что она стояла передо мной на коленях и горела от желания... А теперь? Карие глаза еще никогда не были такими пустыми. Девушка смотрела сквозь меня. Так, будто не видела.

– Сыграешь мне? – бархатным голосом попросила она. – Пожалуйста. Мой король.

Я нахмурился, стараясь понять, что она задумала. Камелия то полностью принадлежит мне, то отдаляется так сильно, что я не узнаю ее.

Чтобы снова не разозлиться на нее за прочтение дневника, я решил уйти в состояние покоя. Спокойно подойдя к роялю, открыл крышку и заиграл.

30 stm – Attack Piano cover – первое, что пришло в голову. Музыка заполняла меня изнутри, пальцы бегали по клавишам, я даже не осознавал, как это выходит. Я никогда не старался, когда сидел за инструментом. Это выходило само – все восхищались моим талантом, а я только пожимал плечами.

Я просто не знал, как это выходит.

Это просто было частью меня, моей настоящей сущностью.

Иногда закрывал глаза, иногда поглядывал на то, как она стоит и, не отрывая глаз, смотрит на меня. В этом прозрачном платье, от вида которого немеет сердце. Жемчуг сегодня был для нее не поводом, а украшением.

Я закрыл глаза.

Вздыхнул.

Признай. Признай. Она проникла тебе под кожу.

Когда я доиграл последние ноты и открыл глаза, то увидел ее совсем рядом.

– Знаешь, – усмехнулась девушка, глядя на меня с прежней пустотой. – Я думаю, это нужно отметить.

Камелия надсмехалась. В руках она держала два бокала с вином и один протягивала мне.

– Уже и алкоголь мой трогаешь? – Впервые мне захотелось над ней подшутить почти по—доброму, но она только натянуто улыбнулась.

– Надеюсь, ты не против. – Она облизнула губы, отпив из своего бокала. Ее губы тут же стали алыми, цвета крови.

– Так что ты хотела сказать? – Я наклонился к ней ближе, принимая бокал. Мне показалось, она слегка дрожала.

Не от страха. И не от возбуждения. Здесь было что-то другое.

– Хотела выпить за тебя и твою будущую невесту, – с горечью произнесла она, ударяя мой бокал о свой.

Ах, вот оно что. Она все ревнует. Что ж, это замечательно – значит наша война продолжается, и я еще смогу долго наслаждаться страстью, что испытываю к ней.

Я мыслил, как одержимый. Как лишенный ума.

Отпив из бокала, я поставил его на стол, быстро налетая на ее губы. Раскрыв их языком, я почувствовал ее сладкий вкус у себя на языке.

Кенна

Я это сделала. Добавила каплю яда в его бокал. Да, он не убьет его, но я сделала к этому первый шаг.

Ты убьешь его медленно... По капле.

Не знаю, что на меня нашло. Злость. Мечь за то, что продолжал унижать меня даже после ласки, которую дарил.

С ней я буду просыпаться, а тебя – трахать.

Это было последней каплей. Именно эти слова отрезвили меня и заставили задуматься: кому я должна верить? Человеку, который любит меня всем сердцем, или человеку, который на моих глазах убивал, карал и причинял всем только боль?

Я отчаянно пыталась найти в нем хоть что-то светлое – в каждой полуулыбке, в каждой интонации его голоса, от которой веяло хоть малейшей нежностью и добротой.

Но как бы я не старалась разглядеть в Брэндане падшего ангела, передо мной по—прежнему стоял Дьявол. Демон, который умел искусно вить из любого человека веревки и управлять им, как марионеткой.

Любовь к Брэндану душила меня. Больная, израненная, ненормальная. Меня не покидало постоянное ощущение острой зависимости. Казалось, без очередной «дозы» его жестокости или же нежности – неважно, хоть чего—нибудь – я пропаду. Я остро нуждалась в его внимании, а когда его не

получала – бродила по замку, словно тень.

Без Брэндана меня будто и вовсе не было.

Поэтому все, чего я хотела – разорвать эту связь между нами. Я не хотела быть его частью. Не тогда, когда это значило бы, что я всю жизнь бы была его рабыней, прислужницей. Что я всю жизнь буду в тени его Королевы. Буду смотреть на их свадьбу, поцелуи и подрастающих детей.

А ко мне он будет приходить по ночам, прятать от глаз и смыкать руки на моей шее. Как тогда, в первую ночь.

Брэндан не отдает себе отчет, когда вступает в связь со мной... Оставить его в живых – значит разрушить собственную жизнь, изменить ход всей мировой истории.

Убить – значить собственными руками отравить человека, который необходим, как воздух. Кислород.

Брэндан отпил из бокала, но ничего не произошло. Он не упал тотчас – в прошлый раз яд подействовал на меня именно так.

Его язык коснулся моих губ, когда руки Брэндана притянули меня за талию. Это был первый раз, когда он целовал меня так – медленно, лаская языком губы, слегка подраживая.

– Ты такая сладкая девочка, – шепнул он в мои губы, окончательно успокоившись. Сердце трепетало от его слов, как бы я себя не корила. Я не верила, что еще полчаса назад он был готов разнести меня в клочья, называя вещью.

Я готова была завывать от безысходности. От того, что он

никогда не будет таким всегда. Все эти ласковые слова, порывы меня поцеловать – только прелюдия перед настоящим боем.

– Скажи это своей невесте. – Я оттолкнула его, делая шаг назад. Образы Брэндана и этой стервы не давали мне покоя. Да что там, я сгорала от ревности.

Каждый раз, когда смотрела на Брэндана, мне хотелось за-слонить его грудью и во всю глотку кричать: «Мое. Это все – мое. Это мой мужчина».

– Думаешь, мне есть дело до твоих обид? Ты можешь сколько влезет дуться, но я предлагал тебе уже тысячи вариантов развития наших отношений. Я говорил, ты – свободна, и ты отказалась. Теперь я передумал. Я говорю, что ты будешь моей фавориткой долгое время и ни в чем не будешь нуждаться – тебе тоже нравится. Камелия... Ты никогда бы не стала моей женой, даже если бы была единственной девушкой на свете, которая умела бы меня удовлетворять. Я женюсь только на девушке, в жилах которой течет Королевская кровь. Какие претензии? Я. Ничего. Тебе. Не. Обещал.

Кажется, он снова начал злиться – в синих глазах плясали бесы.

– А если бы я была беременна? – Губы произнесли слова прежде, чем я успела их осмыслить. И тут же пожалела.

– Что—ты—сказала? Повтори, – часто заморгав, спросил он, резко хватая меня за шею.

– А если бы я была беременна? Что бы ты делал с нашим

ребенком—бастардом? — Я вспомнила ребенка Мэри, которого она вынашивала под сердцем. Ведь она скрывала правду от брата, потому что уверяла меня, что тот не даст ему жизни. — Ты выкинул бы его на улицу? Или меня? Или убил бы собственного ребенка так же, как и брата?

Мой язык меня не слушался. В комнате повисла такая тишина, что я слышала, как собственная кровь протекает по венам.

— Ч—что ты несешь? — На секунду мне показалось, что я увидела в его глазах слезы. Но в следующую же я увидела там только холод.

— Ты теперь часть меня. Ты говорил мне это? Ребенок... Он был бы частью тебя. Твоей кровью, Брэндан. — Меня потряхивало. Я рассуждала уже так, будто все, что я говорю — правда. — Ты бы убил его, да? Избавился?

Меня бросило в дрожь, как будто я сама начала верить в то, что ему говорю. Что он бы сделал с ребенком? Оставил бы себе, сделав вид, что родила его драгоценная невеста? Отобрал бы ребенка у настоящей матери?!

На какую—то долю секунду в моих мыслях возник образ девочки. Или мальчика.

С его синими глазами, с редкими ямочками на щеках. Мой малыш улыбался мне, раскрывая руки, чтобы обнять.

Я почувствовала такую безусловную любовь к этому воображаемому существу, что, казалось, сердце такой любви просто не выдержит.

– ЗАТКНИСЬ! – Он взревел так, будто я воткнула клинок в один из шрамов на его спине, истошно хватаясь за свои волосы.

Глаза его забегали по комнате в поисках новой жертвы для уничтожения.

Но рядом стояла только я.

– УБИРАЙСЯ! Проваливай, сука... Чтоб я тебя никогда больше не видел! НИКОГДА! ВОН ОТСЮДА! – Боль сковала все тело, что я и шагу ступить не могла. Брэндан вцепился в мою шею, словно в бреду, а я начала колотить его, но не видела, куда: пелена из слез застилала глаза, несправедливость всего происходящего ослепляла... – Завтра ты покатишься к черту из моего ДОМА! Убирайся, я сказал. Пока я не отрубил тебе язык. Или не убил, – прошипел он, глядя в мое нутро. Я видела, какой силы воли ему стоило разжать ладонь на моей шее.

А потом я побежала прочь – под звук своих рыданий, хаотичного, нездорового биения сердца в израненной груди. Под звук бьющегося стекла. Брэндан громил позади все, что попадалось ему под руку.

Я не помню, как добралась до своей комнаты. Как оказалась в объятиях боли, которая «радостно» приняла меня в свои крылья.

Говорят, что болит сердце. Но от боли изнывала каждая клеточка тела, которое до сих пор было связано с Брэнданом.

Все мои попытки как-то противостоять ему, сказать

«нет», заставить о чем-либо задуматься увенчались очередной порцией ненависти.

Завтра я навсегда покину это место.

Глава 23

Кенна

Ночь унесла с собой все слезы, всю боль. По крайней мере, я так думала. Утром мне сказали, что через несколько часов за мной приедут – я отправляюсь домой. Вот так все просто.

Как будто Брэндана и не было в моей жизни.

И лучше бы это было правдой.

Я хотела быть сильной, но от боли, которую прятала, хотелось вырвать из груди сердце.

Дрожащими руками я нащупала комок из бумаги, который еще вчера утащила из комнаты Брэндана.

Я должна была услышать его голос в последний раз – хотя бы в своей голове. Когда я читала эти строки, мне так и показалось – что он сидит рядом и без намека на гнев читает мне. Открывает частичку своей души.

«9 ноября, 2226 год, моя комната. Я выпил слишком много виски. Слова, которые я никогда не произнесу.

Слова, которые я никогда не произнесу...

В тот день, когда умер Бастиан, я возвращался из нашего леса. Я оставил его там. Тело.

Выстрелы окутали наш дворец, и как бы я не старался списать это на Гвардейские учения, я уже догадывался, что меня ждет.

Нет, такое невозможно предугадать.

Отца я не видел. А вот тело матери лежало на полу в

тронном зале, где я ее и нашел.

Сначала... Мне показалось, что она спит и вот-вот откроет свои глаза, чтобы подняться и обнять меня. Я старался не смотреть на отчетливую ложу крови, в которой она лежала, и упал на колени, словно это меня подстрелили.

Боль застлала все: зрение, способность дышать, двигаться, думать. Она схватила меня за шею, душа в непрерывной агонии. В аду, который для меня только начинался.

Помню, что сжимал ее холодную руку и умолял немедленно встать, проснуться и сказать, что все это – дурной сон.

Но она лежала, не двигаясь. По—прежнему красивая. Не хватало только прежнего живого румянца на щеках и дыхания.

В тот день часть меня навсегда погибла. Я лучше бы еще раз прошел через физическую пытку, чем испытал эту боль потери, которая меня изменила.

Я не думал, что это когда-нибудь вновь коснется меня. Пока не позволил себе снова попасться в этот капкан.

Камелия. Если бы она только знала... Что я к ней чувствую.

Каким слабым она меня делает.

Как подставляет себя под удар, влюбляясь в меня. Ее любовь по кусочкам меняет мою душу и все внутри против этого, словно она – болезнь, с которой мой организм всегда будет бороться.

Если хоть одна живая душа догадается... Если хоть один

мой враг узнает, они убьют и ее.

Пристрелят. Так же, как мать.

Я никогда не смогу смириться с этим. Я умру рядом с ней.

Я не должен ей открываться.

Я должен просто выполнять свою работу – быть правителем. В моей душе больше нет места для чувств.

Уму непостижимо, какой властью может обладать маленькая девочка...

Потому что больше всего на свете я боюсь ее потерять, и это единственный страх, единственное человеческое чувство, которое мне не чуждо, и которое я испытывал с того дня, как оказался в Аду».

По щекам градом текут слезы – кажется, я уже глотаю их, задыхаясь не в силах остановить судорогу, сковывающую ребра. Господи, что же я наделала? Как я вообще посмела даже мысли допустить о том, что должна убить его?

То, что написал Брэндан, признаваясь самому себе, было для меня откровением. Такие мужчины, как Брэндан, действительно не говорят такого. НЕ признаются.

Этот смятый, скомканный отрывок был доказательством его чувств ко мне. Они были мне дороже всего – дороже свободы, важнее мнения Гаспара и всех людей на свете, которые бы осудили меня за любовь к зверю.

Я любила вопреки всему. Вопреки унижению, мукам, через которые прошла. Вопреки тому, что клялась отомстить. Все, чего я хотела, – это прильнуть к его губам и почувство-

вать его силу.

Мне хотелось об этом кричать, но я знала, что где-то в замке Брэндан совершает чудовищную ошибку, обнимая другую девушку.

Не в силах больше скрывать свои чувства, еле дыша от боли и трепета, которые чувствовала перед признанием, я побежала к нему. Может, он все еще был в своей комнате. Может, был на пути в зал. Чего бы мне не стоило, я найду его и поговорю с ним, навсегда разрушив барьеры между нами.

ЭПИЛОГ

Как только я вышла за порог своей комнаты, почувствовала грубую хватку на своем плече. Один из Гвардейцев вцепился в меня, посмотрев с подозрением:

– И куда вы собрались, леди? Приказ отдан. Вы должны покинуть замок. Скоро за вами придут – вам нужно просто подождать в комнате.

Мой пульс подскочил вместе с нарастающей в душе паникой. В голове стучала только одна непрерывная мысль, которая была для меня сейчас всем: целью, жизнью, зависимостью. Мне казалось, если я сделаю еще один шаг в этом мире, зная, что не увижу Брэндана хотя бы еще раз – погибну.

Увидеть его. Только бы увидеть его. Только бы сказать ему все...

– Уберите свои поганые руки! – Я попыталась вырваться, на что офицер только крепче схватил меня. – Мне нужно увидеть Брэндана!

Я сама не заметила, как мой голос сорвался на нервный крик. Наверное, я походила на наркомана, который с пеной у рта требовал «дозы».

Плевать.

– Стоять... Леди, успокойтесь, – твердым тоном произнес он, и я едва удержалась, чтоб не плюнуть в его преисполненное выражением долга и наглости лицо.

– ОТПУСТИТЕ МЕНЯ! – С силой подавшись вперед, мне удалось вырваться из плена непутевого гвардейца. Он думал, что я слабая маленькая девочка, которую можно держать, не утруждаясь – но теперь он знает, что ошибался. В своем желании увидеть Брэндана я была всемогуща.

Еще никогда я не чувствовала в себе такой большой энергии, света, которые наполняли меня изнутри.

Я бежала в Большой Зал, чувствуя под босыми ногами холодную дворцовую плитку. Еще совсем недавно я точно так же убегала от Брэндана, но по битому стеклу. Воспоминания захлестывали:

каждый его поцелуй горел у меня на губах. Каждая фраза, которую он произнес с ненавистью.

И каждое слово, подарившее мне его нежность – неявную, тихую нежность бессердечного короля.

Ненависть кричит, а любовь шепчет.

Перед дверью в Большой Зал я замедлилась: мне необходимо было войти так, чтобы никто не узнал во мне ту самую девушку, «которая должна покинуть замок». Гордо подняв голову, я молилась, чтоб Гвардейцы не увидели, что я босая, и, посмотрев на них сверху вниз, я вошла на праздник, где была незванным гостем.

Я сразу заметила Меридиану, которая сидела на стуле, задумавшись. Иногда она прикасалась к своему животу и нервно оглядывалась, будто побаивалась, что кто—то догадается о ее тайне. Она зря переживала – она оставалась стройной,

как и прежде.

В Большом просторном зале умещались люди высших мастей и сословий, но для меня эти люди были массовкой, толпой, которая мешала мне разглядеть Брэндана.

Безумство было настолько сильным, что я хотела немедленно найти его и, наплевав на все взгляды людей, прижаться к его груди.

Но Брэндана не пришлось искать, потому что, как-только в зале раздался голос, я узнала в нем его властные нотки:

– Дамы и господа, я рад видеть вас здесь. – Брэндан стоял на небольшом возвышении весь в белом. Костюм, на подобии военного мундира, подчёркивал его всемогущество, и мое сердце, в который раз за сегодня, облилось кровью. Чьи-то головы постоянно мешали мне разглядеть всю картину происходящего, но когда я ее увидела, готова была упасть от резкой грудной боли.

Рядом с Брэнданом стояла другая девушка, а его рука отчетливо лежала на ее талии. Одного взгляда на нее мне хватило, чтобы испытать лютую, всепоглощающую ненависть. Фальшивая улыбка, кукольные локоны... Эта девушка внушала мне лишь желание хорошенько расцарапать ее прелестное личико.

– Сегодня – особенный день для меня. Вы все знаете, что до коронации я обязан жениться. И, вот, хочу представить вам свою невесту – девушку Королевских кровей. Равную мне. – Тут Брэндан обвел взглядом толпу и заметил меня.

Может, другие бы этого не увидели. Но я заметила – заметила его слегка удивленный мне взгляд, потом долю смятения... И затем снова: непроницаемую равнодушную маску принца.

Взгляд короля на его шлюху.

Брэндан все еще был зол на меня, и он не успокоится, пока не раздавит меня окончательно. И, прижав девушку к себе поближе, он продолжил свою речь исключительно для меня:

– Эта девушка... – Брэндан произнес это с притворной нежностью, поднимая бокал. Его синие глаза смотрели только на меня, а я стояла, не зная, что делать. Ревность выбила меня из колеи, вновь царапая по сердцу. – ...с удовольствием согласилась стать моей женой.

Он поднес к губам бокал, и я рванула в сторону Брэндана. Плевать на эту пустышку, плевать на то, что обо мне подумают. Я сделала к нему несколько шагов, как вдруг раздался звук битого стекла – Брэндан выронил бокал из рук и за одну секунду рухнул на колени, не отрывая от меня своего взгляда.

Время остановилось.

Я чувствовала, как несуществующий яд обжигает мое собственное горло. Я чувствовала все то, что испытывал Брэндан, пока выражение его лицо оставалось прежним.

Ты убьешь его медленно, по капле. Это яд.

Меня затрясло в агонии, а из груди вырвался пронзительный крик, сопровождаемый шепотами десятков других лю-

дей.

На моих плечах снова сомкнулись чьи-то руки.

А мы смотрели друг на друга, секунды тянулись бесконечно – казалось, Брэндан падает уже несколько часов. Он в последний раз нахмурился – его губы шевельнулись, будто он хотел мне что-то сказать. Рука Брэндана приподнялась, потянувшись ко мне... А потом он упал на пол.

Весь мой мир внутри обрушился.

– Вам нельзя туда! – слышала я чей—то полный ярости голос. Плевать. Боже, они, что, не понимают?

– ОТВАЛИТЕ! ПУСТИТЕ МЕНЯ К НЕМУ! ПУСТИТЕ Я СКАЗАЛА! – Крик рвался из груди, я готова была выпрыгнуть из собственной кожи, чтобы оказаться рядом с Брэнданом.

Чудом мне это удалось, и, находясь в беспомощности, я упала рядом с ним, пытаюсь поднять любимого. Увидеть хоть каплю жизни в его как прежде синих, но уже пустых глазах.

Нет. Это не может быть правдой. Я укусила себя за костяшки пальцев, в отчаянии пытаюсь проснуться.

Пожалуйста, проснись. Брэндан, проснись. Я же просила тебя никогда не покидать меня...

– Брэндан, ты же сейчас очнешься, правда? Брэндан, пожалуйста... Пожалуйста... – Я истерично всхлипывала, что-то шепча себе под нос.

Раздавались крики, в зале началась сумасшедшая паника и суматоха. Все что-то кричали мне, но для меня не суще-

ствовало остального мира.

Я отравила его. Я отравила его?!

Каждый удар сердца причинял боль. Легким, грудной клетке. Озноб пробивал меня до костей, не давая ни сил не времени вздохнуть.

– Уберите руки от принца... – Снова меня кто—то схватил, не понимая, что я теряю сейчас все, что когда-либо было важным в моей жизни. Настоящим. Наполненным смыслом.

– ПРОВАЛИВАЙТЕ! Это вы уберите от меня руки! – заорала я, прижимаясь к груди Брэндана. Я заливала слезами его белоснежную форму, в тайне надеясь, что мои слезы исцелят его.

Нащупать пульс. Нащупать пульс.

Продолжая содрогаться от не прекращаемых рыданий, я взяла его за еще теплое запястье. Но не такое горячее, как прежде.

На его руке вырисовывались вены, по которым я бережно прошлась рукой и...

Меня схватили, заламывая руки за спину.

– ПРОШУ! НЕ НАДО! Мне нужно... Мне нужно... ПОЖАЛУЙСТА! Мне нужно к Брэндану... – Мой крик был настолько сильным, что я охрипла. Пелена слез ослепляла, застилала глаза, даже когда я моргала – поток боли был нескончаем.

– Этого невозможно. Брэндан мертв, – сообщил кто—то рядом, и я чуть не потеряла сознание.

Все внутри меня кричало.

О том, чтобы повернуть время вспять. Во вчерашний вечер. Тогда, когда еще не было поздно, и он был на расстоянии вытянутой руки.

И я могла обнять. Поцеловать. Я могла сказать ему другие слова, могла подарить свою любовь, а не давить на него, кидая нескончаемые упреки...

Я не верила, что Брэндана больше нет. Потому что несмотря на то, что я видела, на то, что видели все в этом зале, чувствовала, что под его кожей пульсирует жизнь. Что он слишком сильный. И он не может просто так взять и покинуть меня.

– Никогда не покидай меня... Никогда.

Меня понесли прочь из зала, пока я кусала губы до крови, сторая в огне. Еще секунду я видела, как он неподвижно лежал на постаменте, а потом его окружили десятки незнакомых мне людей.

Где бы я не была, где бы ни был он, я знала, что связана с Брэнданом.

Ты теперь часть меня.

КОНЕЦ

Конец первой части романа «Проклятый».

Вторая часть романа выложена – <https://feisovet.ru/магазин/Проклятый-2-Камелия-Лана-Мейер>

<https://www.litres.ru/lana-meyer-17637718/>

<https://www.litres.ru/lana-meyer-17637718/>

В оформлении обложки использована фотография автора [AS Inc](https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/fashion-photo-sexy-elegant-couple-tender-295783046) фото <https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/fashion-photo-sexy-elegant-couple-tender-295783046>